

0.17
5988

Карль Бюхеръ.

Возникновеніе народнаго хозяйства.

ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ И ОЧЕРКИ.

Переводъ съ 5-го (значительно исправленнаго и дополненнаго) нѣмецкаго
изданія 1906 г.

Подъ редакціей и съ предисловіемъ

Приватъ-доцента С.-Петербургскаго Университета
І. М. Кулишера.

Цѣна 75 коп.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1907.

С 176Г

VI.

Зачатки периодической печати.

СП6ГД

Тѣсная связь, существующая въ Германіи между наукой и университетскимъ преподаваніемъ имѣетъ при многихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ одинъ существенный недостатокъ. Онъ заключается въ томъ, что тѣ области знанія, которыя не являются предметомъ университетскаго курса, остаются неизученными. Такая судьба постигла и періодическую печать. Въ то время какъ во Франціи и Англии исторія журналистики имѣетъ весьма обширную литературу, въ Германіи сдѣланы въ этой области лишь немногіе заслуживающіе упоминанія опыты¹⁾, изъ которыхъ ни одинъ не охватилъ предмета во всей его полнотѣ.

При такомъ положеніи вещей было бы бесполезно изслѣдовать, къ какой собственно изъ существующихъ научныхъ дисциплинъ относится эта забытая проблема. Столь сложное явленіе, какъ періодическую печать, можно съ успѣхомъ разсматривать съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія: политико-исторической, историко-литературной, библиографической, юридической и даже филологической, что доказываютъ сочиненія по вопросу о небрежности газетнаго стиля. Ближе всего однако предметъ этотъ экономисту; ибо газета прежде всего есть средство общенія и является одной изъ главныхъ опоръ современнаго народнаго хозяйства.

Однако въ учебникахъ по политической экономіи и даже въ сочиненіяхъ о средствахъ сообщенія въ тѣсномъ смыслѣ мы тщетно будемъ искать главы о періодической печати. Если при такихъ условіяхъ я все же рѣшаюсь изложить, конечно, сжато,

---

¹⁾ Prutz: Geschichte des deutschen Journalismus 1, Hamburg 1845. Wuttke: Die deutschen Zeitschriften und die Entstehung der öffentlichen Meinung. 2 Aufl. Leipzig. 1875. L. Salomon: Geschichte des deutschen Zeitungswesens von den ersten Anfängen bis zur Wiederaufrichtung des deutschen Reiches, Oldenburg und Leipzig 1900/05. Срвн. также мой краткій очеркъ въ „Kultur der Gegenwart“ I, 1, стр. 481 и слѣд.

исторію возникновенія періодической печати, то я самъ прекрасно сознаю, что могу дать лишь весьма неполное изображеніе ея; я не съумѣю, пожалуй, оправдать справедливыхъ ожиданій еще и потому, что экономическая точка зрѣнія не позволяетъ всесторонне исчерпать предметъ.

На вопросъ о зачаткахъ періодической печати отвѣтъ будетъ различный, смотря по тому, что понимать подъ словомъ „газета“. Если десяти разнымъ лицамъ предложить вопросъ: что такое газета?—то возможно, что получится десять различныхъ отвѣтовъ. Но едва ли кто-либо изъ нихъ долго задумается надъ вопросомъ, какими средствами достигается то сложное сплетеніе умственныхъ и матеріальныхъ взаимоотношеній, которое превращаетъ современное человѣчество въ единое цѣлое: наряду съ почтой, желѣзными дорогами и телеграфомъ, всякій прежде всего назоветъ газету.

Въ самомъ дѣлѣ, газета представляетъ собою звено въ цѣпи современныхъ средствъ общенія, т. е. тѣхъ учреждений, которыя служатъ обществу для обмѣна духовныхъ и матеріальныхъ благъ. Но это не есть средство общенія вродѣ почты и желѣзной дороги, при помощи которыхъ совершается транспортъ лицъ, предметовъ, извѣстій, а скорѣе такое же средство общенія, какъ письмо и циркуляръ, которые только и дѣлаютъ извѣстія годными для транспорта: посредствомъ письма и печати эти извѣстія отдѣляются отъ ихъ творца и воплощаются въ физически переносимую форму.

Какъ бы велико ни казалось намъ теперь различіе между письмомъ, циркуляромъ и газетой, стоитъ однако немного подумать, и всѣ они представляются по существу однородными произведеніями, возникшими изъ потребности въ сообщеніи извѣстій и благодаря примѣненію письменности для удовлетворенія этой потребности. Разница заключается лишь въ томъ, что письмо обращается къ отдѣльному лицу, циркуляръ къ опредѣленной группѣ лицъ, а газета къ значительному числу неизвѣстныхъ лицъ. Или иначе говоря: письмо и циркуляръ суть средства для частнаго обмѣна извѣстій, газета—для публичнаго сообщенія ихъ.

Въ настоящее время мы, правда, свыклись съ тѣмъ, что газета печатается регулярно и выходитъ періодически, черезъ короткіе промежутки времени. Однако, ни то ни другое не соста-

вляеть существеннаго признака газеты какъ средства публичнаго сообщенія извѣстій; наоборотъ, мы скоро увидимъ, что первоначальная газета, изъ которой возникло это могучее средство общенія нашего времени, не была напечатана и не выходила периодически, а весьма близко подходила къ письму, даже ничѣмъ почти отъ него не отличалась. Конечно, периодическое появленіе извѣстій вытекаетъ изъ самой природы публичнаго извѣщенія: ибо извѣстія представляютъ временныя блага; они цѣнны, пока новы и, чтобы сохранить прелесть новизны, они должны сообщаться непосредственно вслѣдъ за событіями. Но на зарѣ периодической печати время появленія ихъ зависѣло, какъ мы увидимъ, не отъ условій самого газетнаго дѣла, а отъ того, какъ часто представлялись транспортныя оказіи.

Регулярное собраніе и разсылка извѣстій предполагають либо широко распространенный интересъ къ общественнымъ вопросамъ, либо болѣе или менѣе значительныхъ размѣровъ область съ развитой экономической жизнью, либо и то и другое одновременно. Однако интересъ къ общественнымъ дѣламъ возникаетъ лишь тогда, когда, благодаря наличности известной политической организациі судьбы всѣхъ гражданъ оказываются связанными воедино. Древнія городскія республики не нуждались въ газетѣ; всѣ ихъ потребности въ публичности удовлетворялись глашатаями, а иногда и письменными объявленіями. Лишь тогда, когда римское господство распространилось на все Средиземное побережье и во всякомъ случаѣ подчинило его своему вліянію, явилась потребность въ средствѣ, которое держало бы въ курсѣ столичныхъ происшествій чиновниковъ, откупщиковъ податей и другихъ представителей правящаго класса, занятыхъ дѣлами въ провинціи. Любопытно, что Цезарь, творецъ римской военной монархіи и централизаціи управленія, считается въ то же время и основателемъ перваго учрежденія, напоминающаго газету ²⁾.

²⁾ Leclerc: Des journaux chez les Romains, Paris 1838. Lieberkühn: De diurnis Romanorum actis, Vimar 1840. A. Schmidt: Das Staatszeitungswesen der Römer въ Zeitschr. f. Geschichtsw. I, стр. 33 и слѣд.—Zell: Ueber die Zeitungen der alten Römer und die Dodwellschen Fragmente въ ero Ferienschriften, стр. 1 и слѣд., 109 и сл.—Hübner: De senatus populi que Romani actis въ Fleckeisens Jhb. f. Philol. Suppl. III, стр. 564 и сл.—Heinze: De spuris diurnorum actorum fragmentis, Greifsw. 1860.

Я говорю: „напоминающего газету“, ибо журналистики въ нашемъ смыслѣ у римлянъ не было, и если Момзенъ говоритъ о „римскомъ періодическомъ листкѣ“, то это неудачная модернизация. То, что создано было Цезаремъ, напоминало не современную газету, а скорѣе тѣ бюллетени и записки („Waschzettel“), которые выдаются журналистамъ нашими правительственными учреждениями. Слѣдовательно, цѣлью его было не основать газетное дѣло, а оказать вліяніе на существующія газеты.

Еще задолго до консульства Цезаря среди живущихъ въ провинціи римлянъ установился обычай держать въ столицѣ одного или нѣсколькихъ собственныхъ корреспондентовъ, которые письменно извѣщали бы ихъ о ходѣ политическихъ дѣлъ и другихъ событіяхъ дня. Этими корреспондентами были обыкновенно интеллигентные рабы или вольноотпущенники, которые хорошо знали столичную жизнь и иногда за вознагражденіе снабжали извѣстіями нѣсколько лицъ одновременно; они представляли собою, слѣдовательно, особаго рода античныхъ репортеровъ, отличающихся отъ современныхъ лишь тѣмъ, что они писали не для газеты, а непосредственно для читателей. Эти корреспонденты, благодаря своимъ кліентамъ, нерѣдко имѣли даже доступъ въ засѣданія сената. Антоній держалъ челоуѣка, который сообщалъ ему не только рѣшенія сената, но также рѣчи и голосованія сенаторовъ. Въ бытность свою проконсуломъ Цицеронъ черезъ друга своего Марка Целія получалъ сообщенія отъ нѣкоего Крестуса, но не особенно, повидимому, былъ доволенъ его замѣтками объ играхъ гладіаторовъ, судебныхъ процессахъ и разныхъ городскихъ сплетняхъ. Какъ въ этомъ случаѣ, такъ, кажется, и вообще эти корреспонденціи ограничивались голыми фактами и дополнялись письмами партійныхъ друзей отсутствовавшего, и лишь эти письма, какъ мы знаемъ изъ переписки Цицерона, и даютъ собственно настоящее представленіе о политическомъ настроеніи.

То новое, что было внесено Цезаремъ, въ это учрежденіе, заключалось въ томъ, что онъ предписалъ выпускать краткіе протоколы сенатскихъ засѣданій и рѣшеній, а также извѣстія о ходѣ народныхъ собраній и о другихъ важныхъ событіяхъ.

Первое составило *Acta senatus*, второе — *Acta diurna populi Romani*. Публикации дѣлались на доскѣ, смазанной гипсомъ, на которой вырисовывались слова. Доска вывѣшивалась въ публич-

номъ вѣстѣ, представляла собою, слѣдовательно, для жителей столицы то, что для насъ плакать. Для иногороднихъ многочисленные писцы списывали сообщенія и разсылали своимъ клиентамъ. По истеченіи нѣкотораго времени оригиналь поступалъ въ государственный архивъ.

Этотъ римскій правительственный вѣстникъ не былъ, слѣдовательно, газетой, но приобрѣталъ значеніе газеты благодаря довольно тяжеловѣсному, по нашимъ представленіямъ, механизму частныхъ корреспонденцій, посылаемыхъ въ провинціи.

Acta senatus просуществовали недолго; уже Августъ прекратилъ ихъ. Зато Acta diurna populi Romani скоро привились настолько, что могли расширить свое содержаніе и просуществовали значительную часть періода имперіи. Правда, они все болѣе принимали характеръ придворныхъ извѣстій и по содержанію стали напоминать нынѣшніе офиціозные и офиціальныя органы нѣкоторыхъ большихъ городовъ Европы. Въ общемъ они ограничивались сообщеніемъ фактовъ; направленіе сказывалось лишь постольку, поскольку умалчивалось о непріятномъ. Какъ и прежде, черезъ корреспондентовъ извѣстія проникали въ провинціи, и, какъ рассказываетъ Тацитъ, тамъ умудрялись понимать не только то, о чемъ сообщалъ правительственный вѣстникъ, но и то, о чемъ онъ умалчивалъ: читали между строкъ. Какъ долго просуществовалъ этотъ институтъ, мы не знаемъ. Послѣ перенесенія двора въ Константинополь онъ, вѣроятно, постепенно исчезъ ³⁾.

Германскіе народы, перенявшіе послѣ римлянъ руководство судьбами Европы, ни по своему культурному уровню, ни по своей политической организаціи не способны были поддерживать такого рода институтъ публичнаго извѣщенія, да и не ощущали потребности въ этомъ. Въ теченіе всего средневѣковья жизнь политическая и социальная протекала въ узкихъ, замкнутыхъ кругахъ. Образование сосредоточивалось въ монастыряхъ и въ продолженіе многихъ вѣковъ касалось лишь верхушекъ общества. Экономическихъ интересовъ, которые выходили бы за узкіе предѣлы города или помѣстья и связывали бы людей между собой,

---

³⁾ О весьма сходной съ Acta diurna правительственной газетѣ у китайцевъ (кингъ-пао) срви. Hirth: Chines. Studien, стр. 209 и сл.—Nava: China und die Chinesen, стр. 891 и сл.

не существовало. Лишь въ послѣднія столѣтія средневѣковаго періода снова возникаютъ болѣе сложныя соціальныя отношенія. Прежде всего необходимо указать нацерковь съ ея іерархіей, охватывающей все страны германо-романской культуры, затѣмъ на городскихъ жителей, образующихъ союзы городовъ и сплоченныхъ общими торговыми интересами, и, наконецъ, въ качествѣ противобѣса имъ, на свѣтскія территоріальныя власти, постепенно образующія особую группу. Первые слѣды организациі для передачи извѣстій и писемъ на разстояніи встрѣчаются въ XII и XIII вѣкѣ въ видѣ института гонцовъ, посылаемыхъ монастырями, университетами и различными духовными сановниками. Въ XIV и XV вѣкѣ къ этому присоединяется еще обширный, отчасти напоминающій почту, институтъ городскихъ гонцовъ для пересылки торговой корреспонденціи и для нуждъ городского управления. И тутъ мы впервые встрѣчаемъ слово „газета“ (Zeitung).

Нѣмецкое слово Zeitung первоначально обозначало то, что свершалось во времени (in der Zeit), событіе настоящаго, затѣмъ сообщеніе о такомъ событіи, посланіе, извѣстіе, новость. Особенно часто слово это употребляется для обозначенія сообщений о политическомъ событіи (Zeitläufte), получаемыхъ городскими управлениями изъ другихъ городовъ или отъ отдѣльныхъ друзей—ратмановъ въ письмахъ или видѣ приложенийъ къ нимъ, еще и понынѣ нерѣдко хранящихся въ архивахъ. Такъ, напримѣръ, въ городскомъ архивѣ г. Франкфурта на Майнѣ имѣется не менѣе 188 писемъ, относящихся къ походамъ арманьяковъ въ началѣ сороковыхъ годовъ XV вѣка и представляющихъ собою большею частью изображенія бѣдствій и призывы о помощи отъ городовъ Эльзаса и Швейцаріи. Среди этихъ писемъ имѣются три разсказа о битвѣ при Св. Яковѣ—изъ Цюриха, Страсбурга и Базеля ⁴⁾.

⁴⁾ Wülker: Urkunden und Schreiben, betreffend den Zug der Armagnaken вѣ Neujahrsblatt des Vereins f. Gesch. und Altertumsk. zu Frankfurt a. M. за 1873 г. — Относ. слѣдующаго абзаца сравн. Hatin: Histoire politique et littéraire de la presse en France, Paris 1859—1861, т. I, стр. 28 и сл. Hatin: Bibliographie historique et critique de la presse periodique française, précédé d'un Essai historique et statistique sur la naissance et les progrès de la presse periodique dans les Deux Mondes, Paris, 1866, p. XLVII sqq. Leber: De l'état réel de la presse et des pamphlets depuis François I jusqu'à Louis XIV, Paris 1834.—A lex A n d r e w s: The history of British Jour-

Эти извѣщенія имѣли добровольный характеръ и основывались на взаимности. Они возникли изъ общности интересовъ, связывавшей города, въ противовѣсъ дворянству и территориальнымъ властямъ. Они распространялись особенно благодаря множеству городскихъ гонцовъ, которые поддерживали регулярное сообщеніе (отсюда выраженіе *ordinari*) между южной и сѣверной Германіей.

Въ XV вѣкѣ мы встрѣчаемъ подобный обмѣнъ извѣстіями между высокопоставленными лицами, князьями, государственными дѣятелями, профессорами университетовъ—обычай, достигшій наибольшаго расцвѣта въ эпоху реформаціи. Приписки въ письмахъ или приложенія къ нимъ подъ заголовками „*Novissima*“, „*Tidinge*“, „*New-Zeitung*“, „*Avisé*“ считались хорошимъ тономъ. Мы замѣчаемъ вскорѣ, что дѣло не ограничивается событіями исключительнаго характера, касающимися современныхъ бѣдствій, но постепенно превращается въ регулярное собраніе извѣстій. Особенно въ крупные центры и торговые города, гдѣ сходились гонцы и гдѣ процвѣтала наука, извѣстія приходили со всѣхъ концовъ міра и въ новой редакціи опять разносились во всѣхъ направленіяхъ въ письмахъ или въ видѣ приложеній къ нимъ. Почти всегда эти писанья сообщенія носили названіе газеты (*Zeitung*) и новой газеты (*neue Zeitung*).

Наибольшая часть этой корреспонденціи носить частный характеръ. Люди, стоявшіе въ центрѣ политическихъ и церковныхъ дѣлъ, сообщали другъ другу получаемыя ими извѣстія. Это была взаимная услуга. Но бывало и такъ, что получавшій большую корреспонденцію давалъ переписывать во множествѣ экземпляровъ свои новыя извѣстія и прилагалъ ихъ къ письмамъ разнымъ лицамъ; получатели же, въ свою очередь, списывали ихъ и распространяли среди своихъ знакомыхъ. Государи въ главныхъ торговыхъ центрахъ обыкновенно уже держали собственныхъ корреспон-

---

nalism, London, 1859, т. I, стр. 12 и сл. Ottino: La stampa periodica, il commercio dei libri e la tipografia in Italia, Milano 1875, стр. 7.—R o b. Pruz: Geschichte des deutschen Journalismus, Hannover 1845, т. I.—J. W i n c k l e r: Die periodische Presse Oesterreichs, Wien 1845, стр. 19 и сл. G r a s s h o f f: Die briefliche Zeitung des XVI Jahrhunderts. Leipzig 1877. S t e i n h a u s e n въ Archiv fur Post und Telegraphie 1895, стр. 347 и сл. и въ его Geschichte des deutschen Briefes, 2 тома.

дентовъ или посылали таковыхъ въ особыхъ случаяхъ на мѣсто происшествія важныхъ событій.

До народа эти писаныя извѣстія не доходили. Круги, на которые они были разсчитаны, были слѣдующіе: 1) государи и государственные люди, а также члены городскихъ ратушей, 2) профессора университетовъ и близко къ нимъ стоящіе школьные учителя и духовныя лица, 3) крупные коммерсанты.

Почти все реформаторы и гуманисты были ревностными составителями корреспонденцій и сами регулярно получали извѣстія. Такъ, напримѣръ, Меланхтонъ, благодаря своимъ обширнымъ связямъ во всехъ частяхъ Германіи и сосѣднихъ государствъ, постоянно получалъ цѣлую массу подобныхъ извѣстій, которыми онъ, въ свою очередь, снабжалъ друзей, въ особенности же различныхъ государей. По сравненію съ нимъ переписка Лютера и Цвингли бѣдна подобнаго рода матеріаломъ. Напротивъ, страасбургцы Іоаннъ и Яковъ Штурмъ, Бучеръ, Капито, базельцы Эколампадій и Беатусъ Ренанусъ, аугсбургцы Гецеръ и Урбанусъ Регіусъ, Іерон. Баумгартнеръ въ Нюренбергѣ, Іоакимъ Камераріусъ, Бугенгагенъ и др. усердно подвизались на этомъ поприщѣ.

Источники, изъ которыхъ они получали извѣстія, весьма разнообразны. Рядомъ съ устными и письменными сообщеніями друзей указываются слѣдующіе источники: рассказы пріѣзжихъ купцовъ, особенно книгопродавцевъ, побывавшихъ на ярмаркѣ во Франкфуртѣ; слухи, передаваемые почтовыми гонцами; сообщенія ландскнехтовъ (солдатъ), возвратившихся съ похода, прѣзжающихъ иностранцевъ и гостей, особенно студентовъ, направлявшихся изъ другихъ странъ въ нѣмецкіе университеты; наконецъ, все тѣ новости, которыя передавались прѣзжавшими посланниками иностранныхъ дворовъ, канцлерами, секретарями и агентами высокопоставленныхъ лицъ.

Само собой разумѣется, что эти случайно собранныя, устно передаваемыя извѣстія были весьма различнаго достоинства, и корреспонденты, разсылавшіе ихъ дальше, должны были подвергнуть ихъ сначала критической оцѣнкѣ. Болѣе цѣнны были письменныя извѣстія, и любопытно будетъ прослѣдить ихъ источники на основаніи переписки Меланхтона. ⁵⁾

---

⁵⁾ См. Grosshoff. I. с. 23 и слѣд.

Оказывается, что существовали опредѣленные пункты, гдѣ сосредоточивались извѣстія, получаемыя изъ различныхъ мѣстностей. Въ центрѣ общественнаго интереса находился въ то время восточный вопросъ, т. е. угрожающія дѣйствія турокъ по отношенію къ странамъ средней Европы. Извѣстія о войнахъ съ ними получались либо изъ Венгріи черезъ Вѣну, Краковъ или Бреславль, либо изъ Константинополя моремъ черезъ Венецію. Они исходили большею частью отъ духовныхъ лицъ, приставшихъ къ новому ученію.

О событіяхъ, происходившихъ на югѣ, извѣстія получались изъ Рима, Венеціи, Генуи, а также отъ ученыхъ друзей изъ Падуи и Болоньи. Извѣстія изъ Франціи и Испаніи приходили черезъ Лионъ, Геную, Страсбургъ, изъ Англіи и Нидерландовъ—черезъ Антверпенъ и Кельнъ, изъ сѣверныхъ странъ—черезъ Бременъ, Гамбургъ, Любекъ, съ сѣверо-востока—черезъ Кенигсбергъ и Ригу.

Въ самой Германіи Нюрнбергъ былъ главнымъ пунктомъ, въ которомъ сосредоточивались новости, — отчасти благодаря его центральному положенію, отчасти благодаря обширнымъ торговымъ сношеніямъ. Кто хотѣлъ имѣть вѣрныя и точныя свѣдѣнія въ области политики, долженъ былъ писать въ Нюрнбергъ или послать туда кого-нибудь. Государя, какъ на примѣръ, герцога Альбрехтъ Прусскій и Христіанъ III датскій, имѣли тамъ своихъ постоянныхъ корреспондентовъ, которые должны были составлять для нихъ и присылать имъ различныя получаемыя новости. Эту обязанность нерѣдко брали на себя находившіяся на службѣ лица, члены городского совѣта и видные купцы. На ряду съ Нюрнбергомъ имѣли значеніе въ этомъ отношеніи еще Франкфуртъ, Аугсбургъ, Регенсбургъ, Вормсъ и Шпейеръ.

Газеты, которые Меланхтонъ составлялъ изъ этихъ разнообразныхъ источниковъ, представляютъ собою простые пересказы, — правда, подобранные не безъ критической оцѣнки, но лишь весьма рѣдко сопровождаемые комментаріями политическаго свойства; чаще они переплетались всевозможными жалобами, опасеніями, пожеланіями и надеждами. Рядомъ съ важными придворными извѣстіями и сообщеніями съ театра войны, свѣдѣніями о ходѣ реформаціи, встрѣчаются и такія, въ которыхъ отражается вся наивность и легковѣріе эпохи: рассказы о политическихъ предсказаніяхъ, чудесахъ

природы, уродствахъ, землетрясеніяхъ, кровавыхъ дождяхъ, кометахъ и другихъ небесныхъ явленіяхъ.

Во второй половинѣ XVI вѣка эти извѣщенія составляются уже болѣе или менѣе регулярно и составленіе ихъ становится профессіей, притомъ не только въ Германіи, но, повидимому, еще нѣсколько раньше въ Италіи, а именно въ Венеціи и Римѣ.

Венеція долго считалась тѣмъ мѣстомъ, въ которомъ впервые возникла газета въ современномъ смыслѣ этого слова. При этомъ исходили изъ того, что слово *gazetta*, *gazette*, употребляемое почти у всѣхъ романскихъ народовъ, впервые встрѣчается въ Венеціи, именно какъ обозначеніе для мелкой монеты. Я не буду повторять здѣсь довольно невѣроятную исторію, оправдывающую якобы происхожденіе этого слова, какъ обозначенія періодическаго изданія, отъ слова, обозначающаго монету ⁶⁾.

Сама же по себѣ гипотеза, что газетное дѣло, какъ это указано выше, впервые стало профессіей именно въ Венеціи, имѣетъ за себя весьма многое. Въ качествѣ посредницы въ сношеніяхъ между Востокомъ и Западомъ, въ качествѣ резиденціи правительства, которое впервые учредило посольства въ современномъ смыслѣ слова и организовало обмѣнъ политическихъ извѣстій, этотъ старинный, построенный на лагунахъ городъ представляетъ собою центральный пунктъ, куда стекались свѣдѣнія изъ всѣхъ странъ извѣстнаго тогда міра. Какъ показали изслѣдованія хранителя бібліотеки Св. Марка Валентинелли, еще въ XV вѣкѣ венеціанскій совѣтъ организовалъ составленіе извѣстій о событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ республикѣ или сообщенныхъ посланниками, консулами, чиновниками, капитанами кораблей, купцами и др., а также разсылку ихъ въ циркулярныхъ депешахъ своимъ посланникамъ въ чужихъ странахъ, для освѣдомленія ихъ о ходѣ международныхъ дѣлъ. Эти сборники извѣстій носили названіе *fogli d'avvisi*. Позднѣе съ этихъ официальныхъ сообщеній дѣлались копіи, но, разумѣется, не для распространенія среди широкой публики, а лишь для знатныхъ венеціанцевъ, которые могли ими пользоваться въ своихъ торговыхъ операціяхъ, а также снабжать въ письмахъ своихъ товарищей по профессіи въ чужихъ краяхъ.

⁶⁾ Срвн. Hatin: *Bibliographie de la presse periodique*, стр. XLVII.

Эти приписки политических извѣстій къ дѣловымъ письмамъ или приложений на особыхъ листкахъ мы вскорѣ встрѣчаемъ и у крупныхъ коммерсантовъ Нюрнберга, Аугсбурга и другихъ нѣмецкихъ городовъ. Съ теченіемъ времени отдѣльные лица напали на мысль сдѣлать собраніе и разсылку извѣстій въ письмахъ источникомъ заработка. Въ XVI столѣтіи на венеціанскомъ рiальто рядомъ съ лавочкой мѣнялы и золотыхъ дѣлъ мастера мы находимъ особое торговое освѣдомительное бюро, цѣль котораго заключалась въ томъ, чтобы собирать политическія и торговыя извѣстія, свѣдѣнія объ ушедшихъ и пришедшихъ корабляхъ, о цѣнахъ на товары, о безопасности дорогъ, а также о политическихъ событіяхъ, и продавать ихъ въ копіяхъ заинтересованнымъ лицамъ ⁷⁾. Мало того, образуется даже особый цехъ *scrittori d'avvisi*, которые вскорѣ появляются и въ Римѣ подъ названіемъ *novellanti* или *gazettanti*. Здѣсь однако дѣятельность ихъ стала, повидимому, неудобной для куріи, потому ли что они сообщали непріятные для нея факты, или потому, что они сопровождали факты своими сужденіями. Въ 1572 году противъ нихъ были изданы даже двѣ папскія буллы (Пія V и Григорія VIII); писаніе авизъ было строго воспрещено, и тому, кто продолжалъ этимъ заниматься, грозило клейменіе и ссылка на галеры. Тѣмъ не менѣе мы находимъ и впослѣдствіи много слѣдовъ разсылки корреспонденцій изъ Рима въ сѣверо-итальянскіе города и въ Германію.

Тѣмъ временемъ составленіе корреспонденцій-газетъ стало промысломъ и въ Германіи и получило тамъ особую, по тогдашнимъ экономическимъ условіямъ, можно даже сказать—поразительную организацію. Послѣдняя находится въ связи, съ одной стороны, съ развитіемъ института гонцовъ, а съ другой—съ учрежденіемъ императоромъ Максимилианомъ почты, ходившей между австрійскими Нидерландами и Вѣной, чѣмъ значительно облегчалось правильное полученіе извѣстій. И вотъ, во второй половинѣ XVI вѣка мы во многихъ мѣстахъ находимъ особые корреспондентскія бюро, собирающія извѣстія и разсылающія ихъ по почтѣ своимъ абонентамъ. Сохранилось нѣсколько сборниковъ этихъ писаныхъ газетъ, въ томъ числѣ одинъ за 1582—1591 годы въ великогерцог-

⁷⁾ Prutz: *Gesch. des Journalismus* I, стр. 212.

ской библіотекѣ въ Веймарѣ и два въ университетской библіотекѣ въ Лейпцигѣ за 80-ые и 90-ые годы XVI столѣтія ⁸⁾).

Я позволю себѣ нѣсколько остановиться на первомъ годѣ изданія лейпцигскаго сборника. Оно носитъ заглавіе:

Neuetzeitung söüil dero von Nornbergk von dem 26. Octobris Anno 87 bis auff den 26. Octobris Anno 88 einkommen.

Затѣмъ слѣдуютъ отдѣльныя копии съ извѣстій, получавшихся правильно каждую недѣлю въ конторѣ нюрнбергскаго торговаго дома „Рейнеръ Фолькардтъ и Флоріанъ фонъ-деръ Брукъ“, частью изъ Рима и Венеціи, частью изъ Антверпена и Кельна, и распространявшихся дальше либо самой фирмой, либо какимъ-нибудь издателемъ. Получатель нашего сборника былъ, по всей вѣроятности лейпцигскій секретарь суда шеффеновъ Людвигъ Трюбъ.

Корреспонденціи изъ Рима обычно обозначены числомъ, на 6 дней болѣе раннимъ, чѣмъ венеціанскія, а антверпенскія—на 5 дней болѣе раннимъ, чѣмъ кельнскія. Всѣ эти четыре центра лежали по большому почтовому тракту, шедшему изъ Испаніи и Нидерландовъ въ Германію. Иногда рядомъ съ регулярными корреспонденціями встрѣчаются и случайныя—напримѣръ, изъ Праги, Бреслава и особенно часто изъ Франкфурта на Майнѣ.

Если мы ближе присмотримся къ содержанію этихъ извѣстій, то легко убѣдимся въ томъ, что въ нихъ идетъ рѣчь не о событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ Римѣ, Венеціи, Антверпенѣ и т. д., а объ извѣстіяхъ, собранныхъ въ этихъ мѣстахъ. Вслѣдствіе этого, антверпенскія корреспонденціи содержатъ извѣстія не только изъ Нидерландовъ, но также изъ Франціи, Англіи, Давіи; черезъ Римъ приходили извѣстія не только изъ Италіи, но кромѣ того также изъ Испаніи и южной Франціи, а черезъ Венецію—извѣстія съ Востока. Тонъ этихъ сообщеній—объективный, безстрастный, дѣловой. Преобладаютъ политическія новости; рѣже попадаются сообщенія, касающіяся торговли и промышленности. Объ излюбленныхъ разсказахъ о чудесахъ и привидѣніяхъ въ нихъ нѣтъ уже и помину.

Какъ же была организована рассылка этихъ корреспонденцій въ упомянутыхъ центрахъ? Кто были собиратели и посредники?

---

⁸⁾ Срвн. Jul. Opel: Die Anfänge der deutschen Zeitungspressе въ Archiv für die Gesch. des deutschen Buchhandels, т. III, (1879).

Какъ вознаграждался ихъ трудъ? Изъ какихъ источниковъ они черпали свои свѣдѣнія? Къ сожалѣнію, мы въ состояніи отвѣтить далеко не на всѣ эти вопросы.

Что касается, прежде всего, источниковъ, изъ которыхъ авторы корреспонденцій черпали матеріалъ, то они нерѣдко сами ссылаются на послѣднюю почту или на регулярное сообщеніе черезъ посредство гонцовъ (*ordinari*). Такъ, напримѣръ, въ одной корреспонденціи изъ Кельна за 28 февраля 1591 г. говорится: „Письма изъ Голландіи и Зеландіи, а также съ юга (*aus dem welschen Quartier*) еще не прибыли“. Въ корреспонденціи изъ Рима отъ 17 февраля 1590 г. сообщается, что тамошній начальникъ почты обязался передъ папой пускать одинъ разъ въ недѣлю почту въ Ліонъ и обратно, и въ концѣ говорится. „Такимъ образомъ мы каждую недѣлю будемъ имѣть *avis* изъ Франціи.“

Больше изъ сборника ничего узнать нельзя. Но изъ того, что въ цѣломъ рядѣ нѣмецкихъ городовъ составленіемъ и разсылкой новыхъ извѣстій въ видѣ профессіи преимущественно занимались городскіе гонцы и императорскіе почтовые чиновники, мы можемъ съ большою вѣроятностью предположить, что собраніе извѣстій находилось въ тѣсной связи съ тогдашними транспортными учрежденіями. По всей вѣроятности гонцы и почтовые чиновники регулярно обмѣнивались между собой собранными ими свѣдѣніями и затѣмъ снабжали ими своихъ частныхъ кліентовъ. Однако, все это еще нуждается въ болѣе точномъ изслѣдованіи ⁹⁾.

Нѣсколько яснѣе представляется намъ отношеніе крупныхъ торговцевъ къ газетному дѣлу. Подобно упомянутымъ выше нюрнбергскимъ купцамъ, отдѣльные крупные торговые дома и въ другихъ мѣстахъ организовали за свой счетъ доставку извѣстій. Такъ поступали въ особенности Вельзеры и Фуггеры; полученные ими извѣстія мы находимъ рядомъ съ нюрнбергскими въ знаменитомъ собраніи писемъ нюрнбергскаго ученаго Христофора Шейрля ¹⁰⁾. Во второй половинѣ XVI вѣка Фуггеры организовали регулярное составленіе приходившихъ къ нимъ со всѣхъ концовъ свѣта извѣстій и, кажется, даже печатали ихъ. Заглавіе правильно выходяв-

⁹⁾ *Steinhausen* въ *Archiv f. Post u. Tel.* 1895, стр. 355 высказалъ по поводу этого лишь предположеніе, хотя и довольно убѣдительное.

¹⁰⁾ *Christoph Scheurl*: *Briefbuch, ein Beitrag zur Geschichte der Reformation und ihrer Zeit*, изд. Sooden und Knaake. Potsdam 1867—72.

шихъ номеровъ было Ordinari-Zeittungen. Къ нимъ имѣлись еще приложенія новѣйшихъ извѣстій подъ заглавіемъ: Extraordinari-Zeittungen. Цѣна за номеръ была 4 крейпера, за годъ въ Аугсбургѣ, съ доставкой 25 фл., за одни Ordinari-Zeittungen 14 фл. Авторомъ ихъ называютъ Іеремію Крассера, гражданина и составителя газетъ въ Аугсбургѣ; самъ онъ говоритъ, что снабжаетъ своими извѣстіями многихъ сановныхъ лицъ въ Аугсбургѣ и его окрестностяхъ. Экземпляръ этого весьма содержательнаго печатнаго органа за 1568—1604 гг. находится въ вѣнской бібліотекѣ ¹¹⁾.

Газеты Фуггеровъ содержатъ регулярныя извѣстія изъ различныхъ частей Европы и съ Востока и даже изъ Персіи, Китая, Японіи и Америки. Рядомъ съ политическими новостями часто встрѣчаются сообщенія, касающіяся урожаевъ, цѣнъ, иногда сообщенія въ видѣ объявленій и длинный перечень вѣнскихъ фирмъ (какъ и гдѣ можно купить всякіе предметы въ Вѣнѣ). Появляются также литературныя сообщенія о новыхъ замѣчательныхъ книгахъ; имѣется даже извѣстіе о постановкѣ новой пьесы.

Какъ въ Аугсбургѣ, такъ и въ другихъ городахъ Германіи мы находимъ отдѣльныхъ составителей авизъ (Zeitunger, Novellisten), которые, состоя на службѣ у государей или у городовъ, занимались писаніемъ газетъ. Такъ, въ 1609 году саксонскій курфюрстъ Христіанъ II заключилъ съ Іоанномъ Рудольфомъ Эгингеромъ изъ Бальцгейма въ Ульмѣ договоръ, согласно которому Эгингеръ обязался за 100 фл. въ годъ доставлять ему извѣстія о событіяхъ въ Швейцаріи, Франціи и, разумѣется, въ Швабіи. Въ 1613 г. Гансъ Цейдлеръ за то же дѣло получалъ отъ саксонскаго двора 300 фл. годового жалованья, да еще 3319 талеровъ 6 грош. за расходы по собиранію извѣстій ¹²⁾. Въ то же время бамбергскій епископъ уплачивалъ нѣкому доктору Гугелю изъ Нюрнберга 20 фл. вознагражденія за присылку ему газетъ. Въ 1625 г. городъ Галле платилъ составителю авизъ Іерониму Тейторну изъ Лейпцига сумму въ

¹¹⁾ Sichel: Weimarisches Jahrbuch für die deutsche Sprache und Literatur, стр. 346.

¹²⁾ C. D. Witzleben: Geschichte der Leipziger Zeitung. Leipzig 1860, стр. 5 и сл. Такихъ же газетныхъ агентовъ содержалъ Саксонскій дворъ въ 1629 году въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Брауншвейгѣ, Аугсбургѣ, Ульмѣ, Бреславлѣ, Гамбургѣ, Любекѣ, Прагѣ, Амстердамѣ, Гаагѣ и въ Венгріи.

2 шока 8 гр. за четверть года, и еще въ 1662 году деличая ратуша была абонирована на лейпцигскую газетную корреспонденцію за плату въ 2 талера за четверть года. Нѣсколько лучше, повидимому, вознаграждались почтовые служащіе и гонцы—вѣроятно, вслѣдствіе большей цѣнности ихъ услугъ. По крайней мѣрѣ извѣстно, что въ 1615 году франкфуртскій почтовый чиновникъ Іоаннъ-фонъ-деръ Биргденъ, который снабжалъ авизами многихъ нѣмецкихъ государей ¹³⁾, получалъ отъ курмайнцакаго двора за еженедѣльную присылку газетъ 60 фл. въ годъ ¹⁴⁾.

Въ болѣе широкіе круги писанныя газеты и въ XVII столѣтіи еще не успѣли проникнуть: онѣ были еще слишкомъ дороги.

Какъ въ Германіи и Италіи, такъ и во Франціи и Англии существовали въ концѣ XVI и въ XVII ст. писанныя газеты. Во Франціи онѣ носили названіе *Nouvelles à la main*, а въ Англии *News Letters*. И тутъ и тамъ онѣ составлялись по преимуществу въ столицахъ. Наиболѣе интереснымъ является развитіе газетнаго дѣла въ Парижѣ; можно даже утверждать, что собственно первая газета, предшествовавшая писанной, возникла въ Парижѣ. Это именно—газета разсказанная, устная ¹⁵⁾.

Въ бурныя времена XVI и XVII ст. ежедневно по вечерамъ на перекресткахъ, у *Pont neuf*, на площадяхъ собирались группы парижанъ, которые передавали другъ другу злободневныя новости и обсуждали ихъ. Какъ и слѣдовало ожидать, нѣкоторые изъ нихъ достигали виртуозности въ собираніи и передачѣ новостей. Вскорѣ дѣло сорганизовалось, такъ наз. *Nouvellistes* устраивали регулярно сборища, обмѣнивались извѣстіями, комментировали ихъ и высказывали различныя предположенія. Писатели того времени сильно осмѣиваютъ эти кружки; драматурги пользовались этой благодарной темой для комедій и даже Монтескье посвятилъ имъ одно изъ забавнѣйшихъ *Lettres Persanes* ¹⁶⁾.

Что вначалѣ было времяпрепровожденіемъ для охотниковъ до новостей и праздношатающихся, стало вскорѣ для людей съ коммерческою жилкою промысломъ. Они брали на себя обязанность регу-

¹³⁾ Срвн. *Opel*: I. с. стр. 28, 66.

¹⁴⁾ *Faulhaber*: *Geschichte der Post in Frankfurt a. M.* (Archiv. f. Frankf. Gesch. und Kunst. N. F. X.) стр. 31, 60 и слѣд.

¹⁵⁾ Срвн. *Hatin*: *Histoire de la presse en France*, I. 32 и сл.

¹⁶⁾ *Oeuvres complètes*, Paris 1857, стр. 87, письмо CXXX (Персидскія письма. Русск. перев. изд. Л. Ф. Пантелѣева. СПб. 1892).

0466661

лярно доставлять высокопоставленнымъ лицамъ новости. Знатные люди держали у себя „нувеллиста“, подобно тому какъ они держали парикмахера и портного. Герцогъ Мазарини платилъ, напримеръ, такому нувеллисту 10 лиръ въ мѣсяць.

Вскорѣ кружки нувеллистовъ стали заводить себѣ и въ провинціи кліентовъ, которымъ новости могли сообщаться, конечно, только письменно. Каждый кружокъ имѣлъ свое редакціонное и копировальное бюро и свои особые источники придворныхъ и правительственныхъ извѣстій. Абоненты платили опредѣленную сумму, смотря по числу требуемыхъ ими въ недѣлю страницъ. Это и есть начало знаменитыхъ *Nouvelles à la main*, которыя, несмотря на многочисленныя преслѣдованія со стороны правительства, просуществовали почти до конца XVIII столѣтія и отчасти разсылались и въ другія страны ¹⁷⁾ Онѣ сохранились рядомъ съ печатными газетами главнымъ образомъ благодаря тому, что не разъ выдавали правительственныя тайны и позволяли себѣ критиковать общественныя условія ¹⁸⁾.

Въ Англіи *News Lettres*, снабжавшіе главнымъ образомъ помѣщиковъ столичными и придворными извѣстіями, сохранились еще и въ XVIII вѣкѣ. Мало того: печатавшіяся тогда газеты приспособились даже къ этой системѣ, выходя съ двумя печатными и двумя чистыми страницами для того, чтобы абоненты могли дѣлать приписки и посылать ихъ дальше ¹⁹⁾.

Мы видимъ такимъ образомъ, какъ почти одновременно во

---

¹⁷⁾ Нѣкоторое представленіе о содержаніи этихъ листковъ даетъ *Gazette de la Regence, Janvier 1715—Juin 1719, publiée d'après le manuscrit inédit conservé à la Bibliothèque royale de la Haye par le Comte E. de Barthélemy. Paris. 1887.*

¹⁸⁾ То же въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ. *Joh. Winckler: Die periodische Presse Oesterreichs, Wien, 1875, стр. 28* и сл. *E. Friedländer: Schr. d. Ver. f. d. Gesch. Berlins 1901.*

¹⁹⁾ Болѣе подробно у *Andrews: The history of British Journalism I, стр. 14* и слѣд. *Hatin: l. c. стр. 51. Joachim von Schwarzkopf (Ueber Zeitungen, Frankf. a. M. 1795),* говоритъ, что и въ Германіи «нѣкоторыя по содержанію и по формѣ рукописныя газеты (въ Майнцѣ, Регенсбургѣ) въ виду большого числа абонентовъ иногда прибѣгали къ печати». Кромѣ того онъ называетъ Вѣну, Мюнхенъ, Берлинъ и Ганноверъ въ качествѣ мѣстъ, изъ которыхъ разсылались листки, наполненные тайными мѣстными извѣстіями.

въ всѣхъ странахъ Европы возникаетъ въ качествѣ средства сообщеній— правда, весьма несовершеннаго,—рукописная газета, сохраняющаяся на протяженіи болѣе двухъ столѣтій. Замѣчательно, однако, то обстоятельство, что изготовленіе этихъ рукописныхъ извѣстій въ качествѣ профессіи нигдѣ не встрѣчается ранѣе изобрѣтенія печати. Самъ собой навязывается вопросъ: почему не прибѣгли къ печати въ цѣляхъ регулярной публикаціи извѣстій?

Простой отвѣтъ на этомъ вопросѣ даетъ тотъ фактъ, что и въ молодыхъ колоніяхъ съ европейскимъ населеніемъ, привыкшимъ на родинѣ къ печатнымъ газетамъ, рукописныя газеты предшествуютъ печатнымъ, какъ, напримѣръ, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки въ началѣ XVIII столѣтія ²⁰⁾, въ колоніи Западная Австралія вплоть до 1830 г. ²¹⁾. Этотъ фактъ доказываетъ, что препятствіемъ къ примѣненію печати для публикаціи извѣстій было не столько стѣсненіе цензуры, сколько отсутствіе достаточнаго круга читателей, который обезпечивалъ бы необходимый для покрытія издержекъ по печатанію сбытъ.

Впрочемъ, отдѣльныя извѣстія изъ этихъ рукописныхъ газетъ, поскольку можно было предполагать интересъ къ нимъ и болѣе широкихъ круговъ, печатались уже съ конца XV столѣтія. Это были тѣ листки— „Einblattdrucke“, въ 4—8 четвертушекъ, которые выпускались ловкими издателями подъ названіемъ „Newe Zeitung“, и продавались на ярмаркахъ и рынкахъ; сборникъ этого рода листовъ можно найти въ любой старинной библіотекѣ ²²⁾. Изъ найденныхъ до сихъ поръ самымъ раннимъ является сообщеніе о вѣздѣ Карла XIII въ Руанъ въ 1485 году, выпущенное однимъ нѣмецкимъ типографомъ въ Парижѣ на французскомъ языкѣ; далѣе сохранилось написанное по нѣмецки извѣщеніе о положеніи плѣнннаго въ Брюгге императора Максимилиана въ 1484 году. Начиная съ этого времени мы находимъ такого рода печатныя извѣстія въ теченіе всего XVI столѣтія; нѣсколько рѣже они появляются въ XVII вѣкѣ, когда возникли періодическія печатныя

²⁰⁾ Frederic Hudson: Journalism in the United States from 1690 to 1830, New-York 1893; стр. 51 и слѣд.

²¹⁾ Andrews I. c. II стр. 312 и слѣд.

²²⁾ Библиографію см. у Weller'a: Die ersten deutschen Zeitungen (Bibliothek des literarischen Vereins 1, Bd. LXI). Дополненіе къ этому въ „Germania“ XXVI, 106.

органы, но исчезаютъ они лишь въ XVIII вѣкѣ. Наиболѣе древніе листки либо совсѣмъ не имѣютъ заглавія, либо заглавіе, часто весьма подробное, взято изъ самаго содержанія. Названіе „Zeitung“ („газета“) впервые употребляется для такого листка въ 1505 году. Но кромѣ того мы встрѣчаемъ различныя другія названія: Brief, Relation, Mär, Nachricht, Beschreibung, Bericht, Historie, Aviso, Post, Postillon, Kurier, Fama, Depesche, Felleisen,—часто съ различными прилагательными: Umständliche Nachricht, Warhaffte und eigentliche Beschreibung, Wolbedenkliche Beschreibung, Warhaffte Relation, Vberschlag und Inhalt, Historischer Discurs und ausführliche Erklärung; очень часто: Neue und warhaffte Zeitung, Warhafftige und erschrockenliche Zeitung, Wunderbarliche, erschreckliche und erbärmliche Zeitung; въ Италиі: Relazione, Vera Relazione, Relazione perfetta e veridicca; во Франціи: Discours, Mémorables discours, Nouvelle, Récit, Courier, Messenger, Postillon, Merkure etc.; въ Англии: Newes, Newe Newes, Thiding, Woful Newes, Wonderful and strange Newes, Lamentable News.

Какъ мы видимъ, заглавія отличаются рекламнымъ и кричащимъ характеромъ. Содержаніе листовъ весьма разнообразное: вѣзды государей, коронаванія, свадьбы и похороны, войны, въ особенности осады и взятія городовъ и крѣпостей, казни, убійства, эпидеміи, пожары и наводненія, чудесныя явленія на небѣ, договоры съ дьяволомъ, колдовство и т. п. Но въ большинствѣ случаевъ эти листки содержатъ политическія извѣстія; разсужденія повсюду отступаютъ на второй планъ или ограничиваются моралью. Если на одномъ листкѣ сообщается нѣсколько извѣстій, то заглавіе гласитъ „Zwo (drey и т. д.) neue Zeitung“. (Два, три и т. д. новыхъ извѣстія), „Le quattro relationi“ (Четыре разсказа) и т. п. Рукописныя извѣстія - письма являются, правда, не единственнымъ, но самымъ главнымъ источникомъ этихъ поверхностныхъ произведеній печати. Обыкновенно отдѣльные листки выпускаются независимо одинъ отъ другого; лишь въ видѣ исключенія встрѣчаются нѣсколько другъ за другомъ слѣдующихъ номеровъ, относящихся къ болѣе продолжительнымъ событіямъ, какъ напримѣръ, походамъ, осадамъ, хотя о періодическомъ выходѣ въ свѣтъ еще не можетъ быть рѣчи. Многіе изъ нихъ написаны въ стихахъ или дѣйствительно представляютъ „историческія народныя пѣсни“, которыя пѣлись на какую-либо извѣстную

мелодію. Полемическія сочиненія, религіозныя разсужденія, офіціальныя сообщенія также принимаютъ новую форму печатныхъ листковъ. Такимъ образомъ, эти летучіе листки какъ по формѣ, такъ и по содержанию подготовили путь для настоящей, періодически выходящей, печатной газеты, и еще тѣмъ способствовали ея появленію, что будили въ народѣ интересъ къ явленіямъ, выходящимъ за предѣлы собственаго прихода.

Первые печатные періодическіе сборники извѣстій появляются еще въ XVI столѣтіи. Это были ежегодныя изданія, подъ названіемъ „*Postreuter*“, содержаніе которыхъ близко подходитъ къ политическимъ обзорніямъ за годъ, содержащимся въ нашихъ народныхъ календаряхъ ²³⁾.

Къ нимъ примыкаютъ полугодовые сборники извѣстій, такъ наз. *Relationes semestrales* или *Messrelationen*. Они были основаны въ 80-хъ годахъ XVI столѣтія Михаиломъ фонъ-Айцингомъ, заимствовали свой матеріалъ главнымъ образомъ изъ регулярныхъ извѣстій, получавшихся почтовыми чиновниками и купцами, и составляли въ теченіе болѣе двухъ столѣтій одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ сбыта на Франкфуртской, а вскорѣ и на Лейпцигской весенней и осенней ярмаркахъ ²⁴⁾. Первая печатная еженедѣльная газета, о которой у насъ имѣются свѣдѣнія, появилась въ Страсбургѣ; экземпляръ ея за 1609 годъ имѣется въ гейдельбергской университетской библіотекѣ, а отдѣльные номера слѣдующихъ годовъ сохранились въ цюрихской городской библіотекѣ ²⁵⁾. По содержанию и формѣ она совершенно сходна съ рукописными *odtignag-avisami*, какіе доставлялись почтой каждую недѣлю изъ главныхъ центровъ обмѣна извѣстій. Примѣръ этотъ скоро нашель подражателей; особенно быстро число печатныхъ еженедѣльныхъ

---

²³⁾ По мнѣнію Prutz'a (I. c., стр. 179) они появились уже въ серединѣ XVI столѣтія.

²⁴⁾ F. Stieve: Ueber die ältesten halbjährigen Zeitungen oder Messrelationen und insbesondere über deren Begründer Frhrn. Michael von Aitzing. *Abh. der k. bayer. Akad. der Wiss.* III. Cl. XVI, 1. München 1881. Сравни также Orth: Ausführl. Abhandlung von den berühmten zweien Reichsmessen, so in der Reichsstadt Frankfurt a. M. jährlich abgehalten werden. *Fkf. 1765*, стр. 714 и слѣд.—Prutz, I. c., стр. 188 и слѣд.—J. von Schwarzkopf: Ueber politische und gelehrte Zeitungen in Frankfurt a. M. 1802.

²⁵⁾ Opel, I. c., стр. 44 и слѣд.

газетъ увеличилось въ началѣ тридцатилѣтней войны. Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ XVII столѣтія въ различныхъ нѣмецкихъ городахъ ихъ можно насчитать около двухъ дюжинъ. Издателями являются большею частью типографы; но во многихъ мѣстахъ почта, ссылаясь на регалию, присвоила себѣ право выпускать печатные авизы—правда, не всегда съ одинаковымъ успѣхомъ. Въ то время, какъ во Франкфуртѣ, Лейпцигѣ, Мюнхенѣ, Кельвѣ, Гамбургѣ еще долгое время сохранялась прежняя связь между почтой и газетой, во многихъ другихъ мѣстахъ газетное дѣло совершенно перешло въ руки типографовъ, и это обстоятельство оказало большое вліяніе на его дальнѣйшее развитіе.

Печатныя газеты, выходящія въ опредѣленные короткіе промежутки времени мы впервые находимъ въ Германіи. Претензіи англичанъ и голландцевъ на честь созданія первыхъ печатныхъ еженедѣльныхъ газетъ теперь, надо полагать, уже оставлены. Англія не имѣла еженедѣльной газеты до 1622 г., Голландія, до 1626 г.; первая французская еженедѣльная газета вышла въ 1631 году.

Можетъ показаться страннымъ, что отъ полугодовыхъ изданій сразу совершился переходъ не къ ежемѣсячнымъ, а прямо къ еженедѣльнымъ. Не слѣдуетъ однако забывать, что какъ собираніе извѣстій, такъ и распространеніе газетъ должны были приспособляться къ тогдашнимъ своеобразнымъ условіямъ обмѣна и транспорта. Наиболѣе важными въ этомъ отношеніи были ярмарки и почта. Полугодовыя ярмарки давали возможность распространять печатныя извѣстія изъ крупнаго центра, гдѣ скоплялись товары и люди, во все стороны вплоть до наиболѣе отдаленныхъ мѣстностей. Почта же ходила по главнымъ путямъ сообщенія каждую недѣлю туда и обратно. Скачекъ отъ полугодовыхъ къ еженедѣльнымъ извѣстіямъ былъ, слѣдовательно, обусловленъ самымъ положеніемъ вещей.

Переходъ къ еженедѣльнымъ газетамъ послужилъ собственно настоящимъ толчкомъ къ развитію современной періодической печати. Но все же прошло еще не мало времени до появленія первыхъ ежедневныхъ газетъ. Въ Германіи это произошло въ 1660 году („Leipziger Zeitung“), въ Англіи въ 1702 („Daily Courant“), во Франціи въ 1777 году („Journal de Paris“).

Я не имѣю намѣренія прослѣдить это развитіе дальше вплоть

до появленія современныхъ всемірныхъ газетъ, выходящихъ три раза въ день ²⁶⁾. Эти отличаются отъ рукописной газеты XVI вѣка не столько грандіозностью организаціи по доставкѣ извѣстій и быстрою ихъ распространеніемъ, сколько разнообразіемъ матеріала, развитіемъ отдѣла объявленій и тѣмъ вліяніемъ, какое онѣ оказываютъ на общественное мнѣніе, а вслѣдствіе этого, и на судьбу народовъ.

Сложная организація собиранія извѣстій, съ которой мы познакомились выше, для XVI столѣтія была, безъ сомнѣнія, замѣчательна. Въ ней мы находимъ въ нѣкоторомъ родѣ современную черту—соединеніе отдѣльныхъ силъ, между которыми распределенъ трудъ, для достиженія общей цѣли. Въ области собиранія извѣстій съ XVI вѣка не сдѣлано почти никакихъ успѣховъ. Все дальнѣйшее развитіе въ этомъ отношеніи сводится къ отдѣленію собиранія извѣстій отъ ихъ распространенія (почта) и къ предпринимательскому характеру организаціи перваго въ видѣ корреспондентскихъ бюро и телеграфныхъ агенствъ. Къ послѣднимъ перешла роль прежнихъ почтовыхъ чиновниковъ и составителей авизъ, съ тою только разницею, что они работаютъ не непосредственно на газетнаго читателя, а доставляютъ лишь полуфабрикаты газетному предпринимателю, пользуясь при этомъ усовершенствованными средствами сообщенія.

Дальше, публикація извѣстій послѣ примѣненія печати получила, подъ вліяніемъ послѣдней, своеобразное развитіе. Вначалѣ издатель печатной періодической газеты ничѣмъ не отличался отъ издателя всякаго другого произведенія печати, на примѣръ, брошюры или книги: его задача состояла въ умноженіи количества экземпляровъ литературнаго произведенія и продажѣ ихъ, и никакого вліянія на содержаніе онъ не оказывалъ. Издатель газеты („Zeitungshändler“) доставлялъ на рынокъ печатныя почтовые извѣстія—ordinari, подобно тому, какъ другой издатель предподносилъ публикѣ книгу снадобій или изданіе какого-либо изъ древнихъ авторовъ.

Но вскорѣ это измѣнилось. Легко было замѣтить, что содержаніе газетнаго номера не представляетъ собою того законченнаго цѣлаго, какъ содержаніе книги или брошюры. Соединенныя въ немъ, собранныя изъ различныхъ источниковъ извѣстія были неодинаково достовѣрны. Явилась потребность въ подборѣ ихъ и кри-

²⁶⁾ О новѣйшемъ развитіи сравн. мою статью въ «Kultur der Gegenwart» I, 1, стр. 493 и сл.

тическомъ къ нимъ отношеніи, приче́мъ легко можно было прове́сти опредѣленную тенденцію въ области политическихъ или церковныхъ вопросовъ. Это обстоятельство имѣло особенно существенное значеніе съ тѣхъ поръ, какъ въ газетахъ стали обсуждаться политическіе вопросы дня и ими стали пользоваться какъ средствомъ для распространенія партійныхъ взглядовъ.

Впервые это имѣло мѣсто въ Англии во время долгаго парламента и революціи 1649 года, затѣмъ въ Нидерландахъ и въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ имперскихъ городахъ. Во Франціи этотъ переворотъ совершился лишь во время революціи, а въ большинствѣ другихъ странъ не ранѣе XIX столѣтія. Газеты изъ простыхъ учрежденій превратились въ носителей и руководителей общественнаго мнѣнія и стали средствомъ борьбы въ области партійной политики.

Въ отношеніи внутренней организаціи газетнаго предпріятія это имѣло то послѣдствіе, что между собираніемъ и публикаціей извѣстій, вдвинуто было новое звено—редакція. Для газетнаго же издателя это имѣло то значеніе, что онъ, оставаясь продавцомъ новостей, сталъ вмѣстѣ съ тѣмъ и торговцемъ общественнымъ мнѣніемъ.

Первоначально это обстоятельство не имѣло иныхъ дурныхъ послѣдствій, кромѣ возможности для издателя свалить часть риска, съ которымъ было сопряжено его предпріятіе, на партійную организацію, на заинтересованную группу лицъ или на правительство. Если направленіе газеты не нравилось читателямъ, они переставали ее покупать; слѣдовательно, ихъ потребности въ концѣ концовъ опредѣляли содержаніе газеты.

Постепенно увеличивающееся распространеніе печатныхъ газетъ побудило, однако, вскорѣ и правительственныя учрежденія воспользоваться ими для официальныхъ сообщеній, а съ первой четверти XVIII столѣтія къ этому присоединились и частныя объявленія ²⁷⁾. Благодаря возникновенію такъ наз. экспедиціонныхъ конторъ для объявленій, постановка этой стороны газетнаго дѣла получила въ настоящее время такую же организацію, какъ собираніе политическихъ извѣстій, сосредоточивающееся въ рукахъ специальныхъ корреспондентскихъ бюро.

---

²⁷⁾ Первоначально въ специальныхъ листкахъ для объявленій, т. наз. *Intelligenzblätter*, которые издавались общими посредническими бюро (справочными и информаціонными конторами). Срвн. F. Mangold въ „Basler Jahrb“. 1897.

Съ присоединеніемъ отдѣла объявленій газета заняла своеобразное двойственное положеніе. Она даетъ за подписную плату не только новости и взгляды, которые возбуждаютъ общественный интересъ, но служитъ также частному обмѣну и частнымъ интересамъ посредствомъ всевозможнаго рода объявленій, за которыя она взимаетъ особую плату. Она продаетъ новости своимъ читателямъ, но продаетъ и кругъ своихъ читателей всякому платежеспособному частному интересу. Въ той же газетѣ, нерѣдко на той же страницѣ, гдѣ обсуждаются или должны обсуждаться высшіе человѣческіе интересы, разыгрываются страсти корыстолюбивыхъ покупателей и продавцовъ, и непосвященный нерѣдко затрудняется различить, гдѣ кончаются общественные и начинаются частные интересы.

Это тѣмъ болѣе опасно, что въ теченіе XIX столѣтія содержаніе редакціонной части газетъ охватило почти всю область человѣческихъ интересовъ. Общая политика, государственное и мѣстное управленіе, право, искусство во всѣхъ его проявленіяхъ, техника, экономическая и социальная жизнь во всѣхъ ея разнообразныхъ развѣтвленіяхъ—все это отражается въ ежедневной прессѣ; съ развитіемъ фельетона, и значительная часть художественныхъ и даже научныхъ произведеній также вливается въ этотъ громадный потокъ социально-духовной жизни современности. Книга, какъ форма печатнаго произведенія—въ этомъ мы-писатели менѣе всего должны обманывать себя—теряетъ изъ года въ годъ свое значеніе.

Я не могу и не нахожу нужнымъ останавливаться здѣсь долѣе на этихъ предметахъ. Этой бѣглой экскурсіей въ область современной организаціи газетнаго дѣла я имѣлъ только въ виду дать очеркъ его историческаго развитія и указать, насколько во всѣ времена организація обмѣна извѣстій обусловливалась всей совокупностью хозяйственныхъ явленій.

Римская газета есть звено въ автономномъ хозяйствѣ богатаго аристократическаго дома. Патрицій держитъ у себя газетнаго писца, какъ держитъ врача или бібліотекаря. Въ большинствѣ случаевъ онъ является собственностью своего читателя, его рабомъ, работающимъ по указаніямъ господина.

Въ рукописной газетѣ XVI столѣтія мы находимъ тотъ же ремесленный способъ производства, какъ и во всѣхъ отрасляхъ экономической дѣятельности того времени. Составитель авизъ доста-

вляеть на заказъ за особое вознагражденіе собранныя имъ извѣстія непосредственно кругу своихъ кліентовъ и въ выборѣ матеріала сообразуется, конечно, съ ихъ потребностями. Онъ въ одномъ лицѣ соединяеть функціи репортера, редактора и издателя.

Современная газета представляеть собой капиталистическое предпріятіе, своего рода фабрику новостей, въ которой трудъ многообразно подраздѣленъ между большимъ числомъ лицъ (корреспондентами, редакторами, наборщиками, корректорами, рабочими, приставленными къ машинамъ, посредниками по приему объявленій, экспедиторами, посыльными и т. п.), работающихъ за плату подъ объединяющимъ руководствомъ опредѣленнаго лица; она производитъ товаръ для неизвѣстнаго круга читателей, нерѣдко вдобавокъ отдѣленнаго отъ нея промежуточными звеньями (разносчики, почтовые учрежденія). Качество товара опредѣляется уже не простыми потребностями читателя или кліенты, а весьма сложными условіями конкуренціи на газетномъ рынкѣ. А на этомъ рынкѣ, какъ и вообще на товарномъ рынкѣ, потребитель, въ данномъ случаѣ газетный читатель, не оказываетъ непосредственнаго вліянія; качество товара опредѣляется крупными торговцами и спекулянтами извѣстій: правительствами, зависимыми отъ нихъ телеграфными агентствами, собственными корреспонденціями, политическими партіями, художественной и научной кликой, биржевиками и наконецъ, быть можетъ въ наибольшей степени, агентствами для объявленій и отдѣльными крупными заказчиками объявленій.

Каждый номеръ большой ежедневной газеты, выходящей въ настоящее время, представляеть собою чудесное произведеніе капиталистически организованнаго народно-хозяйственнаго раздѣленія труда и машинной техники, средство духовнаго и экономическаго общенія, въ которомъ какъ въ фокусѣ соединились результаты дѣйствія всѣхъ прочихъ средствъ сообщенія—желѣзныхъ дорогъ, почты, телеграфа и телефона. Однако, подобно тому, какъ ни на одномъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ капитализмъ касается духовной жизни, нашъ глазъ не можетъ остановиться съ удовлетвореніемъ, такъ и здѣсь мы не можемъ вполнѣ радоваться этому приобрѣтенію современной культуры и съ трудомъ вѣримъ, что газета въ ея современной формѣ представляеть высшую и послѣднюю ступень развитія въ области обмѣна извѣстій.

VII.

Соединеніе труда и сотрудничество.

СПбГУ

Едва ли найдется въ Германіи учебникъ или университетскій курсъ политической экономіи, въ которомъ нельзя было бы встрѣтить понятія „соединеніе труда“ и нѣсколькихъ замѣчаній по поводу него. Многого сказать о немъ, въ сущности, никто не можетъ. Но это понятіе существуетъ, занимаетъ по обычаю определенное мѣсто непосредственно за „раздѣленіемъ труда“, гдѣ удостоивается иногда отдѣльнаго параграфа, и уже болѣе въ книгѣ или лекціяхъ не встрѣчается.

Такъ происходитъ дѣло въ теченіе болѣе чѣмъ полустолѣтія. Но такъ какъ наука не можетъ сохранять понятій, которыя не въ состояніи раскрыть сущность того или другого круга явленій, только по тому одному, что они уже существуютъ, то необходимо, наконецъ, заняться и этой забытой ветошью — съ цѣлью либо отдѣлаться отъ нея, если она никуда не годится, либо оставить на надлежащее мѣсто, если она можетъ быть полезной для нашего познанія.

Судя по учебникамъ, соединеніе труда представляетъ собою ни болѣе, ни менѣе какъ „обратную сторону раздѣленія труда“ или „раздѣленіе труда съ точки зрѣнія объединяющаго цѣлаго“¹⁾, „дополненіе къ раздѣленію труда“²⁾, „оборотную сторону медали, лицевую сторону которой составляетъ раздѣленіе труда“.³⁾ Все это довольно расплывчатые выраженія, исходной точкой которыхъ является повидимому предположеніе, что если трудъ раздѣляется на части, то онъ долженъ быть вновь соединенъ, ибо отдѣльныя части не могутъ существовать сами по себѣ. При этомъ либо по-

1) Оба опредѣленія у Philippovich'a: Grundriss der polit. Oekonomie, 2 изд., стр. 78.

2) Mangoldt, Grundriss der Volkswirtschaftslehre § 29.

3) Kleinwächter. Die volksw. Production въ Schönbergs Handbuch, § 13.

нятіе раздѣленія труда устанавливается очень узко (въ смыслѣ, на-
примѣръ, булавочной фабрики Адама Смита), и тогда объединяю-
щую силу составляетъ предпринимательскій капиталъ; либо понятіе
берется шире,—подъ него подводятся и такъ называемое обще-
ственное раздѣленіе труда, тогда соединяющимъ элементомъ яв-
ляется хозяйственный оборотъ, и соединеніе труда будетъ такимъ
образомъ равнозначуще основанной на обмѣнѣ цѣнностей органи-
заціи хозяйства.

Такъ дѣйствительно понималъ соединеніе труда Рошеръ, ко-
торый обстоятельно изучилъ этотъ предметъ ⁴⁾, и отъ него исхо-
дили всѣ позднѣйшіе изслѣдователи. Раздѣленіе труда и соеди-
неніе труда представляютъ, по его мнѣнію, „лишь двѣ раз-
личныя стороны одного и того же понятія общественнаго труда:
раздѣленіе работъ—поскольку онѣ могли бы мѣшать другъ другу,
и соединеніе ихъ—поскольку онѣ другъ другу содѣйствуютъ“.
„Виноградарь или крестьянинъ, разводящій лень“, продол-
жаетъ онъ, „должны были бы умереть съ голоду, если бы они
не рассчитывали съ увѣренностью на хлѣбопашца; рабочій, изго-
товляющій на булавочной фабрикѣ головки, чтобы трудъ его
не пропалъ даромъ, долженъ быть увѣренъ въ своемъ това-
рищѣ, шлифующемъ острія; трудъ купца прямо невысказанъ безъ
труда различныхъ производителей, посредникомъ между которыми
онъ является“.

Какъ мы видимъ, все разсматриваемое явленіе расплы-
вается здѣсь въ туманѣ хозяйственнаго обмѣна и общей орга-
низации хозяйства; оно совпадаетъ съ народнымъ хозяйствомъ
вообще. Притомъ оно совершенно утрачиваетъ логическое соотно-
шеніе съ раздѣленіемъ труда. И дѣйствительно, въ дальнѣйшемъ
Рошеръ уже говоритъ только о непрерывности культурнаго раз-
витія, благодаря умноженію каждымъ поколѣніемъ полученнаго
имъ отъ предковъ наслѣдства, затѣмъ о преимуществахъ круп-
ныхъ предпріятій и ассоціаций мелкихъ, причемъ вопросъ о трудѣ
въ концѣ концовъ совсѣмъ исчезаетъ изъ виду.

Въ этой главѣ Рошеръ всецѣло покоится на Фридрихѣ Листѣ ⁵⁾,
который въ своей теоріи развитія производительныхъ силъ народа

⁴⁾ System der Volkswirtschaft I, §§ 64—66 (Вильгельмъ Рошеръ: Начала народнаго хозяйства. Русск. перев. И. Бабста. Т. I. 1862 г. стр. 104—125).

⁵⁾ Das nationale System der politischen Oekonomie, стр. 222 и сл.

впервые, насколько мнѣ извѣстно, употребилъ въ Германіи выраженіе „соединеніе труда“ и своеобразно его примѣнилъ. Исходя изъ критики „естественнаго закона“ раздѣленія труда, Листъ полагаетъ, что ни Адамъ Смитъ, ни его послѣдователи не проникли въ сущность этого закона и не прослѣдили его до конца. Уже самое выраженіе „раздѣленіе труда“, по его мнѣнію, не выдерживаетъ критики и должно неминуемо вести къ неправильному представленію. Далѣе онъ говоритъ: „мы имѣемъ передъ собой раздѣленіе труда, когда дикарь въ одинъ и тотъ же день охотится, ловитъ рыбу, рубитъ дрова, чинитъ свой вигвамъ, изготовляетъ оружіе, сѣти, одежду; но мы имѣемъ раздѣленіе труда и тогда, когда, какъ показываетъ на примѣрѣ Адамъ Смитъ, десять различныхъ лицъ распредѣляютъ между собой различныя встрѣчающіяся въ производствѣ булавокъ работы. Первое есть объективное, второе — субъективное раздѣленіе труда; первое вредно для производства, второе — полезно. Существенная разница между обоими заключается въ томъ, что въ первомъ случаѣ *одно* лицо дѣлитъ свой трудъ на части, чтобы произвести *различныя* предметы, во второмъ же случаѣ *нѣсколько* лицъ дѣлятъ между собой трудъ по производству *одного* и того же предмета“.

„Съ другой стороны“, говорится далѣе, „оба дѣйствія могутъ съ одинаковымъ правомъ быть названы соединеніемъ труда: дикарь соединяетъ различнаго рода трудъ въ своемъ лицѣ; при производствѣ же булавокъ многія лица соединяются вмѣстѣ для производства общими силами. Сущность естественнаго закона, которымъ объясняютъ важнѣйшія явленія общественнаго хозяйства, заключается, очевидно, не только въ раздѣленіи труда вообще, но и въ раздѣленіи различныхъ функций между многими лицами, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ соединеніи этихъ функций и силъ въ цѣляхъ совмѣстнаго производства. Продуктивность этихъ операций обуславливается въ сущности не столько раздѣленіемъ, сколько именно этимъ соединеніемъ ихъ“.

О послѣднемъ Листъ распространяется и далѣе и стремится вывести изъ этого необходимость установленія гармоніи производительныхъ силъ народа. Наболѣе совершенное раздѣленіе функций и наболѣе полное соединеніе производительныхъ силъ въ производствѣ матеріальныхъ благъ достигается, по его мнѣнію, соединеніемъ земледѣлія и промышленности. Народъ, занимающійся

только земледѣіемъ, подобенъ индивиду, у котораго не хватаетъ руки.

Если выкинуть изъ этихъ разсужденій остроумную реторику великаго агитатора, то мы увидимъ, что онъ, какъ это мы можемъ вообще нерѣдко констатировать, несправедливъ къ Адаму Смиту. Смитъ—Листъ это вполне признаетъ—вовсе не упустилъ изъ виду, что раздѣленіе труда обусловливаетъ взаимодействіе силъ (cooperation); въ концѣ своей знаменитой главы о раздѣленіи труда⁶⁾ онъ ясно говоритъ, что благодаря этому joint labour, чернорабочій въ цивилизованной странѣ въ состояніи болѣе всесторонне удовлетворять свои потребности, чѣмъ негритянской король въ Африкѣ. Но онъ хорошо понималъ, что нельзя разсматривать этотъ входящій въ составъ раздѣленія труда и тождественный съ нимъ фактъ какъ особое экономическое явленіе. Что толку называть одно и то же явленіе то раздѣленіемъ, то соединеніемъ труда, въ зависимости отъ того, съ какой стороны мы будемъ на него смотрѣть. Образъ дѣйствія индійца, который подрядъ охотится, ловить рыбу, рубить дрова и т. д., Адамъ Смитъ, конечно, не призналъ бы особымъ видомъ раздѣленія труда; онъ, напротивъ, обозначилъ бы его, какъ нераздѣленный трудъ⁷⁾, какъ состояніе общества, повсюду предшествовавшее раздѣленію труда. Раздѣленіе труда составляетъ для него нѣчто иное, чѣмъ раздѣленіе времени.

Моментъ времени въ его отношеніи къ приложенію труда⁸⁾ Фр. Листъ подробно касается въ другомъ мѣстѣ. Онъ выясняетъ тамъ, что различныя отрасли промышленности въ странѣ лишь мало по малу усваиваютъ болѣе совершенные способы производства, обзаводятся усовершенствованными машинами, зданіями, приобретаютъ навыкъ въ данной области производства и всѣ тѣ знанія и связи, которыя обезпечиваютъ имъ наиболѣе выгодное пріобрѣтеніе сырого матеріала и наиболѣе выгодный сбытъ издѣлій. По его мнѣнію, легче усовершенствоваться и расширить уже существую-

⁶⁾ Книга I, глава I въ концѣ (Адамъ Смитъ: Исслѣдованіе о природѣ и причинахъ богатства народовъ. Русск. пер. П. А. Бибикова. Спб. 1866. стр. 111).

⁷⁾ Понятіе раздѣленія труда у Смита подробно разсматривается въ слѣдующемъ очеркѣ.

⁸⁾ Стр. 409 и сл.

ющее предприятие, чѣмъ основать новое, легче производить прекрасные продукты высокаго качества по доступнымъ цѣнамъ въ отрасли промышленности, давно уже существующей въ странѣ, чѣмъ въ отрасли, вновь возникшей. „Какъ и во всѣхъ человѣческихъ начинаніяхъ, такъ и въ области промышленности въ основѣ всего совершеннаго лежитъ естественный законъ, имѣющій много общаго съ закономъ раздѣленія труда и соединенія производительныхъ силъ; сущность этого закона заключается въ томъ, что нѣсколько, слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣній какъ бы соединяють свои силы для одной и той же цѣли, словно распредѣляя между собой необходимыя для достиженія ея усилія“. Листъ называетъ это принципомъ непрерывности и преемственности и старается доказать его вліяніе на цѣломъ рядѣ историческихъ примѣровъ (большая мощь наследственной монархіи по сравненію съ выборной монархіей, передача человѣческихъ знаній посредствомъ письменности, вліяніе кастового дѣленія на сохраненіе и развитіе искусства въ области, постройка средневѣковыхъ соборовъ нѣсколькими поколѣніями). Даже государственные долги, при которыхъ „настоящее поколѣніе выдаетъ вексель на будущее“, приводится въ качествѣ особенно яркаго примѣра приложения принципа преемственности.

Не трудно замѣтить, что все это у Листа только риторически разукрашенная аналогія соединенію труда. Но это обстоятельство не помѣшало позднѣйшимъ изслѣдователямъ вопроса сдѣлать изъ „преемственности“ особый видъ соединенія труда, хотя они легко могли бы убѣдиться въ томъ, что она вообще не представляетъ явленія, присущаго только хозяйству. Преемственность есть общій историческій принципъ соціального развитія, которымъ человечество отличается отъ міра животныхъ. Каждое животное начинаетъ новое однородное съ другими существованіе, которое, насколько мы знаемъ, протекаетъ въ настоящее время такъ же, какъ тысячу лѣтъ назадъ, безслѣдно, безъ всякой исторіи. Напротивъ, каждое человѣческое поколѣніе воспринимаетъ всѣ пріобрѣтенія цивилизаціи прошедшихъ поколѣній и, умноживъ ихъ, передаетъ потомству. Это относится не только къ производству матеріальныхъ благъ, но и къ искусству, наукѣ, религіи, праву, нравамъ. Если такимъ образомъ преемственность представляетъ одну изъ основъ и элементарныхъ предпосылокъ человѣческаго существованія,

то нѣтъ основанія специально заниматься ею при изученіи примѣненія труда въ хозяйствѣ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ отношеніи она не открываетъ новыхъ точекъ зрѣнія.

Нѣкоторые учебники указываютъ однако еще на третій видъ соединенія труда, который имѣетъ мѣсто, „когда нѣсколько чело-вѣкъ одновременно дѣлають то же самое, но благодаря соединенію ихъ все же достигается болѣе значительный результатъ, чѣмъ если бы они работали порознь“. К. Г. Рау, приводя между прочимъ этотъ случай ⁹⁾, указываетъ на временныя артели дровосѣковъ, сплавщиковъ лѣса, косцовъ. Дѣйствительно, хотя приведенный образъ дѣйствія не представляетъ собою раздѣленія труда, тѣмъ не менѣе и здѣсь, благодаря одновременному труду многихъ, достигается повышеніе производительности труда каждаго. Такимъ образомъ, и этотъ случай, какъ и приведенный Листомъ примѣръ производящаго разнообразныя работы индѣйца, не вполне покрывается понятіемъ раздѣленія труда и можетъ составить объектъ самостоятельнаго научнаго изслѣдованія.

Безъ сомнѣнія, основаніемъ для образованія понятія соединенія труда и его продолжительнаго примѣненія въ научной литературѣ послужило смутное ощущеніе, что долженъ существовать экономическій принципъ, противоположный раздѣленію труда. Имъ не можетъ быть кооперація, ибо она тождественна съ извѣстными формами раздѣленія труда ¹⁰⁾, она—его обратная сторона“. Какой же это принципъ?

Всякое раздѣленіе труда есть приспособленіе труда къ огра-

---

⁹⁾ К. Н. Ra u: Grundsätze der Volkswirtschaftslehre I, § 116 (a). Рау ссылается на Gioja, который въ своемъ Nuovo prospetto delle scienze economiche (I, 87 и сл.) упоминаетъ объ этомъ явленіи. Впрочемъ, на него обратилъ вниманіе и Негманн: Staatsw. Untersuchungen, 2 изд. стр. 217,— и обозначилъ какъ „простѣйшее соединеніе труда“ („einfachste Arbeitsverbindung“). Подобнымъ же образомъ французы отличаютъ coopération simple отъ coop. complexe, отождествляя послѣднюю съ раздѣленіемъ труда (division du travail). Срвн. Cauwès: Cours d'Econ. I, § 225.

¹⁰⁾ Напримѣръ, съ расчлененіемъ труда и съ раздѣленіемъ производства, но не съ раздѣленіемъ на самостоятельныя профессіи. Если вмѣсто врача, который лечитъ всѣ болѣзни, появляются различные специалисты, то между ними все же ни посредствомъ обмѣна, ни инымъ способомъ не возникаетъ „соединенія труда“, подобнаго тому, какое имѣетъ мѣсто между различными рабочими одной и той же фабрики.

нической человеческой силѣ. Оно имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда существуетъ качественное несоотвѣтствіе между работой, которую необходимо выполнить, и трудоспособностью отдѣльнаго человѣка ¹¹⁾.

Но можетъ существовать и количественное несоотвѣтствіе между обоими факторами, притомъ двоякаго рода: 1) предстоящая работа можетъ быть менѣе значительна, чѣмъ сила, находящаяся въ распоряженіи человѣка; 2) она можетъ быть болѣе послѣдней, такъ что отдѣльный человѣкъ не въ состояніи справиться съ работой.

Въ первомъ случаѣ человеческая сила не была бы использована до конца, если бы рабочій ограничился этой одной работой. Часть его работоспособности пропала бы даромъ; произошла бы нехозяйственная трата силъ. Данная работа не могла бы также стать самостоятельной профессіей, источникомъ пропитанія человѣка. Рабочій уже съ точки зрѣнія своей лично-хозяйственной выгоды постарается соединить съ ней другой трудъ, который бы заполнилъ свободное время, и такой образъ дѣйствія можно, слѣдовательно, обозначить какъ соединеніе (комбинація) труда.

Во второмъ случаѣ одинъ человѣкъ вообще не въ состояніи одолѣть самъ необходимой работы, или можетъ ее выполнить только съ несоотвѣтственно огромной затратой времени и труда. Одинъ рабочій въ крайнемъ случаѣ могъ бы, конечно, съ помощью ручной пилы распилить стволъ дерева на доски. Но сколько усилий и времени понадобилось бы для этого! Съ двумя рабочими и большой пилой дѣло пойдетъ не только абсолютно, но и относительно лучше. Такой способъ практикуется и теперь еще при деревенскихъ постройкахъ. Соединеніе рабочихъ дѣлаетъ трудъ каждаго въ отдѣльности производительнѣе. Однако во избѣжаніе грубѣйшаго смѣшенія понятій, мы уже не можемъ назвать этотъ процессъ соединеніемъ труда, а въ лучшемъ случаѣ можемъ обозначить его какъ соединеніе трудящихся ¹²⁾. Болѣе правильнымъ будетъ — особенно въ виду разновидностей этого рода организаціи труда, о которыхъ рѣчь впереди — назвать его сотрудничествомъ (Arbeits-

¹¹⁾ Срвн. слѣдующій очеркъ.

¹²⁾ Или, въ отличіе отъ перваго случая слѣдовало бы называть это „субъективнымъ“ (личнымъ) соединеніемъ труда, а первый случай — объективнымъ (вещественнымъ) соединеніемъ труда.

gemeinschaft), тѣмъ болѣе, что этимъ словомъ яснѣе выражается и тотъ личный элементъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь.

Такимъ образомъ, соединеніемъ труда будетъ соединеніе разнородныхъ работъ въ однихъ рукахъ, а сотрудничествомъ — одновременное участіе нѣсколькихъ рабочихъ въ исполненіи одной и той же работы. При соединеніи труда тотъ же производитель изготовляетъ различные продукты или же соединяетъ производство съ торговлей или личными услугами; при сотрудничествѣ нѣсколько рабочихъ производятъ совмѣстно одинъ продуктъ. Тамъ соединительное звено находится въ трудящемся субъектѣ, здѣсь — въ объектѣ труда.

Оба процесса совершенно самостоятельны и независимы отъ раздѣленія труда. Конечно, они имѣютъ значеніе главнымъ образомъ на раннихъ ступеняхъ развитія и въ наиболѣе отсталыхъ сферахъ развитаго народнаго хозяйства. Можно было бы даже сообразно этому различать двѣ ступени экономическаго развитія народовъ: низшую, на которой преимущественно проводится принципъ соединенія труда и сотрудничества, и высшую, на которой преобладаетъ принципъ раздѣленія труда. И точно также въ современномъ народномъ хозяйствѣ можно было бы различать двѣ области соціальной жизни: одну — съ ясно выраженнымъ раздѣленіемъ труда, другую — характеризующую соединеніемъ труда и сотрудничествомъ.

1. Соединеніе труда.

Соединеніе труда мы встрѣчаемъ уже въ ранній періодъ исторіи развитія народовъ. Собственно говоря, оно существуетъ уже повсемѣстно, коль скоро пройдена ступень индивидуальныхъ поисковъ пищи, и въ дѣйствіяхъ человѣка начинаютъ проявляться, правда весьма примитивныя еще, экономическія соображенія. Ибо здѣсь мы уже повсюду замѣчаемъ двѣ рѣзко отграниченныя другъ отъ друга сферы производства, изъ которыхъ каждая, въ свою очередь, имѣетъ многообразный составъ. Одна область обнимаетъ мужской, другая — женскій трудъ ¹³⁾. Тотъ же порядокъ съ незначительными отклоненіями мы встрѣчаемъ въ главныхъ его

---

¹³⁾ Подробно объ этомъ см. вып. перв. стр. 28 и сл., 50.

чертахъ почти у всѣхъ стоящихъ на болѣе высокой ступени развитія нецивилизованныхъ народовъ, и нельзя не признать въ этомъ извѣстной инстинктивной планомѣрности. О существовавшемъ будто бы между мужчиной и женщиной раздѣленіи труда нельзя, конечно, говорить серьезно, ибо судя по тому, что намъ извѣстно, никогда работа, производимая однимъ изъ половъ, не выполнялась другимъ.

Такія условія естественно установились, надо полагать, еще въ первобытныя времена. Во всякомъ случаѣ оливочно предположеніе, будто болѣе сильный мужчина „взвалилъ“ на женщину работы, которыя ему необходимо было выполнить. Вѣрнѣе, каждый полъ постепенно, по собственному побужденію и подъ влияніемъ созданной условіями жизни необходимости, отмежевалъ себѣ особую область производства, выработалъ въ себѣ необходимую для него сноровку, скопилъ, путемъ опыта, соответствующія свѣдѣнія. Благодаря непрерывной передачѣ по наслѣдству въ предѣлахъ одного и того же пола, эти двѣ области труда стали почти что половыми признаками или характерными функциями даннаго пола. Наслѣдственный трудъ женщины, незнакомый мужчинѣ, былъ какъ бы природнымъ ея украшеніемъ, вызывавшимъ уваженіе къ ней со стороны мужчины, придававшимъ ей цѣнность, и если даже справедливо утверждаютъ, что отсюда возникъ взглядъ на женщину какъ на собственность мужчины, то съ другой стороны не менѣе правильно и то, что важная роль, какую женщина играла въ производствѣ, болѣе всего способствовала тому, что изъ грубаго, основаннаго только на половомъ влеченіи отношенія между женщиной и женщиной первобытныхъ временъ, развилась совмѣстная жизнь, въ которой женщина достигла въ концѣ концовъ равнаго съ мужчиной положенія.

Экономическое значеніе соединенія различнаго рода труда въ рукахъ каждаго изъ половъ заключалось главнымъ образомъ въ его воспитательномъ характерѣ. Оно, такъ сказать, само собою вынуждало, по крайней мѣрѣ женщинъ, сообразоваться съ временемъ при посѣвѣ и жатвѣ, а затѣмъ и придерживаться кой-какого хотя и грубаго, распорядка дня. Особенное значеніе имѣло то, что трудъ по приготовленію муки съ помощью ручныхъ жернововъ, практикуемый и теперь еще у большинства нецивилизованныхъ народовъ, требуетъ значительной траты времени, такъ

что для прокормленія 3—4 человекъ необходимъ трудъ одной женщины ¹⁴⁾. Въ этомъ заключается одна изъ главныхъ причинъ сохраненія у этихъ народовъ многоженства и терпимаго отношенія къ нему со стороны женщины. Ибо новая жена, взятая въ домъ, всегда является для прежнихъ женъ помощницей, облегчающей ихъ участь, и поэтому понятно, что большое количество женъ составляетъ признакъ богатства. Можно смѣло сказать, что экономія въ распредѣленіи времени, съ появленіемъ которой лишь начинается правильное хозяйство, имѣетъ свои корни именно въ соединеніи труда со стороны женщины.

И когда по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія произошли большія измѣненія въ отношеніи разграниченія областей труда между полами, причѣмъ женщина все болѣе отодвигалась въ сферу регулированія потребленія въ хозяйствѣ, тогда какъ почти все производство сосредоточилось въ рукахъ мужчины, — принципъ раздѣленія труда нашелъ себѣ приложеніе только въ промышленной дѣятельности мужчины, между тѣмъ какъ женщина все еще соединяла въ домашнемъ хозяйствѣ разнообразныя работы по приготовленію, уборкѣ, чисткѣ, исправленію. И теперь еще эти послѣднія работы главнымъ образомъ опредѣляютъ распорядокъ обыденной жизни.

Правда, и изъ промышленной области соединеніе труда не вполне исчезло. Въ сельскомъ хозяйствѣ земледѣліе все еще обнимаетъ самыя разнообразныя культуры растений; повсюду въ цивилизованныхъ странахъ оно тѣсно связано со скотоводствомъ; часто къ нему присоединяются и подсобные промыслы, и главная задача лица, завѣдующаго хозяйствомъ, — организовать его такимъ образомъ, чтобы возможно регулярно и полно использованы были рабочія и лошадиныя силы. При смѣнѣ работъ въ связи съ временемъ года раздѣленіе труда неприменимо въ большихъ размѣрахъ даже въ крупныхъ хозяйствахъ; разнородныя работы должны постоянно выполняться одними и тѣми же лицами, а для женской половины нельзя даже провести рѣзкой границы между сельской работницей и прислугой.

Подобныя условія мы находимъ и въ области лѣснаго хозяй-

¹⁴⁾ Сравни D-r W. Junker: Reisen in Afrika II стр. 216 и сл. и мое „Arbeit und Rhythmus“, 3 изд., стр. 17, 57 и сл. (К. Бюхеръ: Работа и ритмъ. Русск. пер. съ 1-го нѣм. изд., подъ ред. Д. Коропчевскаго. Изд. Поповой, 1899, стр. 9 и слѣд., 27 и слѣд.).

ства, гдѣ благоразумные практики осудили распространенную и теперь еще систему сезонныхъ рабочихъ-спеціалистовъ ¹⁵⁾, рекомендуя содержаніе постоянного рабочаго персонала, занятаго круглый годъ разнообразными работами—требованіе, исполнимое только на почвѣ соединенія труда.

Въ области обрабатывающей промышленности ремесло издавна покоилось на соединеніи труда. При разграниченіи одной области производства отъ другой рѣшающимъ являлась не наибольшая производительность, а то, насколько данное производство въ состояніи было прокормить занимающагося имъ человѣка. Безконечныя распри о сферахъ производства, принадлежащихъ различнымъ цехамъ, наполняющія послѣднія столѣтія исторіи ремеслъ, вынуждали постоянно къ пересмотру вопроса о дѣлесообразности той или иной комбинаціи. Въ эпоху свободы промысловъ и ремесло въ большихъ городахъ стало развиваться въ направленіи спеціализаціи; въ меньшихъ городахъ остаются старыя комбинаціи, а въ деревняхъ ежегодно возникаютъ новыя. Здѣсь каменщикъ является одновременно мостильщикомъ, маляромъ, обойщикомъ, а зимой исполняетъ роль рѣзника; кузнецъ въ то же время слесарь и механикъ; при молотилкѣ; обойныя работы исполняются то шорникомъ, то маляромъ, то переплетчикомъ. Въ городахъ по крайней мѣрѣ вновь возникающія профессіи вступаютъ въ самыя разнообразныя соединенія. Газопроводы и водопроводы дѣлаютъ то слесари, то жестянники, проведеніе электричества въ квартирахъ выполняется самыми разнообразными ремесленниками. Повсюду ремесленникъ охотно соединяетъ съ мастерскою розничную торговлю—главнымъ образомъ товарами, относящимися къ области его производства, но не составляющими ремесленной работы, а часто и другими предметами. Уже Юстусъ Мезеръ отмѣтилъ, какая здоровая экономическая идея осуществляется въ этомъ соединеніи, онъ охотно отдалъ бы всю мелочную торговлю въ руки ремесленниковъ и ихъ женъ ¹⁶⁾. Если прибавимъ къ этому, что ремесло часто совмѣщается съ различнаго рода службой (особенно съ общественной службой низшаго разряда), а въ деревнѣ почти всегда съ земледѣліемъ, то легко бу-

¹⁵⁾ Fr. Jentsch: Die Arbeiterverhältnisse in der Forstwirtschaft des Staates, Berlin, 1882.

¹⁶⁾ Justus Möser: Patriotische Phantasien. Bd. II. № XXXVII.

детъ убѣдиться, что соединеніе труда имѣеть здѣсь еще широкую область примѣненія ¹⁷⁾). Пусть „повомодныя“ головы жалуются на большое количество „отсталыхъ хозяйствъ“, пусть пессимисты усматриваютъ въ этомъ „плачевное состояніе“ ремесла, пусть фанатики роста производства сожальютъ, что не въ каждой промышленной отрасли достигается наивысшая продуктивность, — при безпристрастной, исходящей изъ конкретныхъ представлений, оцѣнкѣ мы убѣдимся, что соединеніе труда представляетъ наиболѣе твердую опору независимаго средняго класса и въ большинствѣ случаевъ нисколько не противорѣчитъ экономическимъ интересамъ. Въдѣ въ сущности дѣло заключается всегда въ томъ, чтобы использовать свободное отъ главнаго занятія время и приложить пропадающія зря рабочія силы.

Сравнительно еще чаще встрѣчается соединеніе труда въ кустарной промышленности; обыкновенно занятія въ ней женщины вмѣстѣ съ тѣмъ исполняютъ и всѣ работы въ своемъ хозяйствѣ, а мужчины нерѣдко имѣютъ при этомъ главнымъ занятіемъ земледѣліе или какую-либо иную профессию. Многіе кустарные промыслы даже обязаны своимъ возникновеніемъ тому, что не вполне занятія лица могли совмѣстить ихъ со своимъ постояннымъ занятіемъ.

Торговля сначала всегда представляетъ соединеніе труда, ибо на низшихъ ступеняхъ развитія она обнимаетъ также и перевозку товаровъ (караванная торговля); въ современномъ народномъ хозяйствѣ въ оптовой, какъ и въ розничной торговлѣ большихъ городовъ сильно распространено раздѣленіе труда. Но рядомъ съ этимъ существуютъ многочисленныя магазины (галантерейные, по оборудованію хозяйства и др.), въ которыхъ имѣются самыя разнообразныя товары. Въ универсальныхъ магазинахъ, пятидесятифениговыхъ базарахъ и въ магазинахъ, торгующихъ въ разсрочку, это развитіе достигло высшей точки. Впрочемъ, работа въ этихъ огромныхъ предпріятіяхъ строго распределена по принципу раздѣленія труда, почему они сюда не

¹⁷⁾ Богатый матеріалъ по вопросу о комбинаціяхъ различныхъ профессій и о подсобныхъ промыслахъ ремесленниковъ имѣется въ «*Untersuchungen über die Lage des Handwerks in Deutschland*», Schr. d. Ver. f. Socialpolitik Bd. LXII — LXX, особенно въ описаніяхъ ремеселъ небольшихъ городовъ и сельскихъ мѣстностей.

относятся. Зато многочисленныя мелочныя лавочки въ предмѣстьяхъ, небольшихъ городахъ, деревняхъ, составляющія исключительное занятіе одного лица, вполне сюда подходятъ, ибо владѣлецъ хватается за все, что приноситъ деньги. Описанію всего того, что находится въ этихъ лавкахъ, можно было бы посвятить цѣлый очеркъ. Особенно излюбленными дополнительными предметами являются, напримѣръ, трости, мундштуки, гребенки, щетки, соломенные шляпы, и иногда нелегко разбраться, какимъ образомъ они оказались въ этомъ случайномъ сосѣдствѣ. Многіе изъ этихъ лавочниковъ занимаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ посредничествомъ, страховою и газетною агентурами, продажей лотерейныхъ и театральныя билетовъ, принимаютъ объявленія, денежныя сбереженія и т. п.

Въ обширной сферѣ современнаго народнаго хозяйства имѣется не мало спеціальныхъ профессій, которыми по экономическимъ причинамъ невозможно заниматься исключительно и которыя поэтому всегда соединяются съ какою-либо другою профессіей. Какая сельская община въ состояніи содержать отдѣльнаго регента, писаря, пономаря? какое сельское ссудосберегательное товарищество можетъ держать кассира? какое страховое общество въ силахъ вознаградить армію своихъ агентовъ такъ, чтобы они могли этимъ жить? Не будь соединенія труда, всѣ эти и многія другія экономическія функціи остались бы невыполненными.

Какіе моменты являются рѣшающими для этихъ комбинацій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ,—на это могло бы отвѣтить лишь обстоятельное изслѣдованіе, основанное на статистикѣ и описательной литературѣ. Въ большинствѣ случаевъ для того, кто посвящаетъ себя разнообразнымъ занятіямъ, рѣшающимъ, вѣроятно, является стремленіе вполне использовать время и добыть по возможности все необходимое для своего содержанія. Характеръ комбинаціи зависитъ, однако, еще и отъ другихъ соображеній. Иногда стараются использовать для новой цѣли уже имѣющуюся кліентелу, либо особую способность или искусство работника. Экономическій принципъ при этомъ всегда такъ или иначе даетъ себя знать.

Фактическіе размѣры соединенія труда въ народномъ хозяйствѣ установить не легко. Статистика создала для этого нѣсколько неподатливую категорію подсобнаго занятія; но не трудно

убѣдиться, что послѣднее не обнимаетъ всѣхъ относящихся сюда случаевъ, а самое большое только тѣ, въ которыхъ побочное занятіе имѣетъ характеръ профессіи. Это можно было бы назвать соединеніемъ профессій¹⁸⁾. Тѣмъ не менѣе мы въ состояніи получить нѣкоторое представленіе о громадномъ экономическомъ значеніи соединенія труда на основаніи результатовъ германской переписи профессій и промысловъ, изъ которыхъ видно, что 14 іюня 1895 года въ Германской имперіи 5 милліоновъ людей имѣли побочныя занятія, причеиъ одно лишь земледѣліе составляло подсобный промыселъ для 3.648.237 лицъ. Изъ 3.999.023 лицъ, занимавшихся какой-нибудь одной отраслью земледѣлія, промышленности или торговли въ качествѣ хозяевъ или управляющихъ, 1.475.023 (36,9%), имѣли побочныя занятія, а у 2.928,530 лицъ названныя отрасли являлись побочными занятіями.

Распределение имѣющаго самостоятельный заработокъ (промышленнаго) населенія Германской имперіи по главнымъ и побочнымъ занятіямъ 14 іюня 1895 г.^{18а)}.

Родъ профессіи.	Число лицъ, у которыхъ данная профессія составляла главное занятіе.	Число лицъ,		Число лицъ, у которыхъ данная профессія составляла побочное занятіе.	Общее число лицъ, занятыхъ въ данной профессіи.
		имѣвшихъ при этомъ побочное занятіе.	не имѣвшихъ побочнаго занятія.		
А. Землед., лѣсов., скотоводство, рыболовство	8.292,692	1.049,542	7.243,150	3,648,237	11.940,929
В. Обрабатывающ. промысла и горное дѣло	8.281,220	1.491,865	6.789,355	619,386	8.900,606
С. Торговля и перевозочные промыслы	2.338,511	384,105	1.954,406	569,877	2.908,388
Д. Домаши. услуги и перемѣн. подневная работа	432,491	31,333	401,158	16,765	449,256
Е. Общественная служба, свободныя профессіи	1.425,961	115,266	1.310,695	95,436	1.521,397
Итого	20.770,875	3.072,111	17.698,764	4.949,701	25.720,576
Изъ нихъ мужчинъ	15.506,482	2.816,655	12.689,827	3.203,375	18.709,857
» » женщинъ	5.264,393	255,456	5.008,937	1.746,326	7.010,719

¹⁸⁾ О случаяхъ соединенія профессій въ средневѣковыхъ городахъ, я собралъ свѣдѣнія въ моей „Bevölkerung von Frankfurt a. M. im XIV u. XV Jh.“. I, стр. 232 и сл., 417 и сл.

^{18а)} Сравн. Statistik des Deutschen Reichs, Neue Folge, томъ 102, стр. 2 и сл.

Приведенная таблица касается всѣхъ вошедшихъ въ перепись профессій, причѣмъ хозяева и служащіе соединены вмѣстѣ. Изъ этой таблицы видно, что на 100 лицъ, занимавшихся данной профессіей, какъ главной, въ качествѣ хозяевъ или служащихъ, имѣли еще одно или два побочныхъ занятія изъ занимавшихся:

А. Земледѣл., лѣсоводств., скотовод., рыболов. . .	12,6
В. Обрабатывающ. промышл. и горн. дѣломъ . . .	18,0
С. Торговлей и перевозочнымъ промысломъ . . .	16,4
Д. Домашн. услугами и перемѣн. поденн. работой .	7,2
Е. Обществен. службой и либеральн. проф. . . .	8,1

Изъ общаго числа лицъ, занимавшихся данной профессіей (какъ главнымъ или побочнымъ дѣломъ), оно являлось побочнымъ у занимавшихся:

А. Земледѣл., лѣсов., скотовод., рыболов. . . въ	30,6	случ. на	100
В. Обработ. промышл. и горн. дѣломъ . . . „	6,7	„	„ —
С. Торговл. и перевозочн. промыслами . . . „	19,6	„	„ —
Д. Домашн. услугами и перемѣнной поденной работой . . . „	3,7	„	„ —
Е. Общественной службой и свободными профессіями . . . „	6,2	„	„ —

Уже изъ этой профессиональной статистики (къ сожалѣнію, для нашей задачи мало специализированной) можно усмотрѣть, что нѣкоторыя занятія особенно часто соединяются съ другими ¹⁹⁾: напримеръ, животноводство (83,4⁰/о самостоятельныхъ), рѣчное рыболовство (69,3⁰/о), добываніе и разработка торфа (93,9⁰/о), каменоломное и каменотесное мастерство, добываніе мрамора, камня, сланца и выработка изъ нихъ простыхъ предметовъ (78,6⁰/о), производство издѣлій изъ камня высшаго качества (50,2⁰/о), кирпичное производство и изготовленіе глиняныхъ трубъ (86,9⁰/о), гончарное производство (57,5⁰/о), изготовленіе игрушекъ изъ глины и стекла (56,0⁰/о), гвоздарное производство (67,0⁰/о), кузнечное

¹⁹⁾ Цифры, приведенныя далѣе въ скобкахъ, получены такимъ образомъ: общему числу занятыхъ въ данной профессіи противопоставлено число лицъ, которыя занимались ею самостоятельно—либо какъ побочнымъ занятіемъ, либо какъ главнымъ, но въ соединеніи съ другимъ побочнымъ занятіемъ (графа 6 и 8 въ Reichsstatistik, табл. 1).

мастерство (76,8⁰/₀), каретное производство (74,8⁰/₀), живодерство (85,9⁰/₀), угольный промысел (81,2⁰/₀), помоль хлѣба (91,6⁰/₀), промыслы пекарный (61,6⁰/₀), мясной (51,1⁰/₀), токарный (52,7⁰/₀), страхование (68,7⁰/₀), посредничество по помѣшенію объявленій, присканію занятій и др. (54,4⁰/₀), извозчичій (легковой) промыселъ и содержаніе почтъ (53,2⁰/₀), ломовой извозъ (75,7⁰/₀), содержаніе гостиницъ и трактирный промыселъ (64,4⁰/₀).

Эти цифры, разумѣется, далеко не даютъ представленія о результатахъ приложенія въ приведенныхъ профессіяхъ комбинированнаго труда или раздѣленія его. Вѣдь совершенно ясно, что въ статистикѣ производства деревенскій сапожникъ, который четвертую часть своего времени отдаетъ земледѣлю, въ остальныхъ трехъ четвертяхъ не можетъ быть отнесенъ къ сапожному производству. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ количествѣ лицъ, которымъ комбинированная дѣятельность доставляетъ большій доходъ, а въ большинствѣ случаевъ несомнѣнно и лучшее въ физическомъ и нравственномъ отношеніи существованіе, чѣмъ одностороннее, воплію отвѣчающее принципу раздѣленія труда, занятіе. И это-то количество лицъ оказывается въ Германіи весьма значительнымъ, составляя немногимъ менѣе трети всего имѣющаго самостоятельный заработокъ населенія.

2. Сотрудничество.

Принципъ соединенія труда при всемъ разнообразіи формъ его проявленія довольно простъ: излишекъ силъ долженъ быть употребленъ съ пользой. Принципъ сотрудничества нельзя выразить столь простой формулой. Въ общемъ суть всегда заключается въ томъ, чтобы дополнить недостаточную силу отдѣльнаго человѣка настолько, насколько это нужно для выполненія данной работы. Но недостаточность силы отдѣльнаго лица можетъ опять таки имѣть различныя причины. Она можетъ вытекать изъ опредѣленнаго духовнаго склада работника, вслѣдствіе чего онъ не въ состояніи одинъ непрерывно работать въ теченіе продолжительнаго времени; она можетъ покоиться на недостаточной физической силѣ, и наконецъ, можетъ заключаться въ техническихъ условіяхъ, не допускающихъ выполненія этой работы безъ одновременнаго выполненія другой отъ нея отличной. Смотря по тому,

какой изъ этихъ трехъ случаевъ имѣеть мѣсто, мы получаемъ три различныхъ вида сотрудничества. Первый мы можемъ назвать работой въ компании (*Gesellschaftsarbeit* или *gesellige Arbeit*), второй—работой скопомъ, а третій—групповой работой. Мы рассмотримъ ихъ поочередно.

1. Работа въ компании имѣеть мѣсто, когда нѣсколько работающихъ соединяются вмѣстѣ, причемъ работа каждаго нисколько не зависитъ отъ хода работы другихъ. Каждый, слѣдовательно, работаетъ самостоятельно съ любой скоростью. Исключительная цѣль этихъ сборищъ—быть въ компании во время работы, говорить, шутить, пѣть и не оставаться со своими мыслями наединѣ.

Ученый, который лучше всего работаетъ въ полномъ уединеніи и тишинѣ, слыша это, пожметъ, быть можетъ, съ сожалѣніемъ плечами и не найдетъ этотъ предметъ достойнымъ вниманія. Но кто хоть разъ наблюдалъ толпу деревенскихъ бабъ за трепаньемъ льна или за полосканьемъ бѣлья на рѣчкѣ, кто прислушивался къ странствующимъ рабочимъ, полющимъ рѣпу или къ жнецамъ за работой, кто слышалъ пѣніе маляровъ или итальянскихъ работницъ на виноградникахъ, тотъ совѣмъ иначе отнесется къ этому. Чѣмъ ниже ступень развитія, на которой находится человѣкъ, тѣмъ труднѣе для него одному усидчиво и регулярно работать.

Лучшимъ же доказательствомъ значенія работы въ компании является то, что она почти повсюду на земномъ шарѣ получила своеобразную организацію. Напомню мѣста общественныхъ работъ и общинные дома дикарей²⁰⁾, свѣтелки русскихъ кустарей, прядильни, въ которыхъ сходятся наши деревенскія дѣвушки; съ этими послѣдними такъ неразумно боролась бюрократія XVIII

²⁰⁾ K. v. d. Steinen, l. c. стр. 374. Erman въ *Ztschr. f. Ethnologie* II, стр. 318 (о колюшахъ на Ситхѣ). Jakobson: *Reise in der Inselwelt des Banda-Meerer*, стр. 213. Finckh: *Samoafahrten*, стр. 357. Burton's, und Speekes Reisen (обраб. Andree) стр. 64, 217, 333. Nachtigal: *Sahara und Sudan* II, стр. 624. III, стр. 146, 244. Graf Schweinitz: *Durch Ostafrika im Krieg und Frieden*, стр. 171. Stanley: *Through the dark Continent*, II, стр. 82. *Wie ich Livingstone fand*, II, стр. 72. Semon: *Im austr. Busch etc.* стр. 353. Срвн. „Arbeit und. Rhythmus“, стр. 35 и сл., 68 (К. Бюхеръ: Работа и ритмъ. Русск. пер., стр. 19 и сл., 30) и выпускъ первый, стр. 32 и слѣд. Schurtz: *Altersklassen und Männerbünde*, стр. 210.

вѣка, все же онѣ сохранились по сю пору во многихъ деревняхъ въ видѣ вечернихъ собраній для совмѣстной работы. Повсюду къ этимъ собраніямъ постепенно присоединились танцы, пирушки или другіе обычаи, которые дѣлають работу болѣе пріятной. Достаточно будетъ немногихъ примѣровъ, указывающихъ на широкое распространеніе этихъ учреждений.

На островахъ Фиджи „для приготовленія тапы всегда собирается по нѣсколько женщинъ вмѣстѣ; иногда даже всѣ женщины села работаютъ вмѣстѣ“. И при рыбной ловлѣ посредствомъ сѣтей „нѣсколько женщинъ идутъ всегда вмѣстѣ на ловлю; работа въ то же время является отдыхомъ и прохладящее купанье нерѣдко сопровождается большимъ весельемъ“²¹⁾. У многихъ негритянскихъ племенъ на площадяхъ можно видѣть женщинъ, которыя сообща молотятъ или мелютъ рожь. Подробныя свѣдѣнія сообщаетъ одинъ миссіонеръ²²⁾ относительно сѣвероамериканскихъ индѣйцевъ: „Воздѣлываніе полей, доставка дровъ, размалываніе зерна совершается часто цѣлою компаніей женщинъ... Вслѣдствіе этого работа идетъ легко и скоро; когда она окончена, а иногда и въ перерывахъ, онѣ сидятъ вмѣстѣ и наслаждаются яствами, приготовленными лицомъ или семьей, на которую онѣ работаютъ, изъ дичи, заранѣе принесенной главою семьи изъ лѣсу; это является главной приманкой, ибо среди работницъ обыкновенно имѣется не мало такихъ, которыя, вѣроятно, въ теченіе долгаго времени не ѣли мяса, какъ напримѣръ, вдовы, сироты и иной бѣдный людъ. Даже болтовня, которою сопровождается работа женщинъ, доставляетъ имъ большое удовольствіе, вслѣдствіе чего онѣ стараются какъ можно дольше работать вмѣстѣ, обходя всѣхъ жителей села, у которыхъ имѣются полевая работы“.

Подобное же сочетаніе труда и удовольствія мы находимъ почти у всѣхъ нецивилизованныхъ народовъ въ видѣ общественныхъ домовъ для собраній. Обыкновенно они существуютъ для каждаго пола отдѣльно; чаще всего они устраиваются для холостыхъ мужчинъ и дѣвушекъ. Они служатъ не только мѣстомъ

²¹⁾ A. Bässler: Südsee-Bilder стр. 224—226.

²²⁾ Heckevelde, l. c. стр. 249. То же о Южной Америкѣ у Ehrenreich'a: Beiträge zur Völkerkunde Brasiliens, стр. 28.

общихъ работъ, но нерѣдко и ночлегомъ, и почти всегда помѣщеніемъ для танцевъ и игръ; здѣсь поютъ, шутятъ, болтаютъ, смѣются надъ бесплодными усиліями неумѣлыхъ, восторгаются удачей прилежныхъ и искусныхъ.

Слабымъ снимкомъ съ этихъ учрежденій являются и понинѣ сохранившіяся у насъ свѣтелки („прядильни“) деревенскихъ дѣвушекъ²³⁾. Въ каждой мѣстности Германіи онѣ имѣли свои установленные неписанные правила и законы. „Въ Брауншвейгѣ онѣ начинались съ приближеніемъ зимы, когда закончены были полевая работы, во многихъ деревняхъ къ Мартынову дню, и продолжались до конца масляницы, самое позднее—до Вербнаго воскресенья, ибо въ это время нужно было уже исполнять другія работы. Вечернія собранія („бесѣды“) происходили по очереди у всѣхъ участниковъ даннаго кружка. Къ кружку принадлежали четыре, самое большее—восемь дѣвушекъ, состоящихъ между собой въ дружескихъ или родственныхъ отношеніяхъ. Основу ихъ составляли работницы, но часто къ нимъ присоединялись и хозяйскія дочери. Старыя женщины пряли отдѣльно. Въ началѣ вечера женщины были однѣ и лишь часовъ въ 8 появлялись мужчины, покончившіе со своими работами, и сначала скромно, а затѣмъ все смѣлѣе принимали участіе въ компаніи. Основной чертой этихъ свѣтелокъ являлось похвальное прилежаніе дѣвушекъ“²⁴⁾. Обыкновенно задавался на недѣлю опредѣленный урокъ; кто съ нимъ не справлялся, получалъ обидное прозвище. Иногда устраивались состязанія въ пряденіи, и всегда господствовало оживленное соревнованіе²⁵⁾. Мало того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ учреждалось даже нѣчто вродѣ полицейскаго надзора. Въ Нассау той, кото-

²³⁾ Онѣ, впрочемъ, встрѣчаются при равныхъ условіяхъ повсемѣстно. Henry S. Landor („Au verbotenen Wegen. Reisen und Abendteuer in Tibet“, стр. 89 и сл.) нашелъ ихъ даже на южномъ склонѣ Гималайскихъ горъ у племени шокасъ, у которыхъ для этого имѣются особыя помѣщенія (рамбангъ).

²⁴⁾ R. Andree: Braunschweiger Volkskunde, стр. 68 и сл. Срвн. K. Frhr. v. Leoprechting: Aus dem Lechrain, стр. 201 и слѣд. Zeitschr. d. Ver. f. Volkskunde III, стр. 291 и сл., VIII, 366. Подробно O. Böckel: Volklieder aus Oberhessen, стр. CXXIII и сл.

²⁵⁾ Интересныя свѣдѣнія о состязаніяхъ въ пряденіи имѣются въ Ztschr. d. Ver. f. Volksk. VIII, стр. 215 и сл. Срвн. „Arbeit und Rythmus“ 3 изд., стр. 89 и сл. (Русск. перв., стр. 31 и слѣд.).

рая засыпаетъ за работой, углемъ дѣлають усы; у той, у которой оборвется или ссыдется нитка, парень отнимаетъ прялку и она должна выкупить ее поцѣлуемъ²⁶⁾.

„Свѣтелка“ стала жертвой техническихъ переворотовъ новѣйшаго времени; но повсюду въ деревнѣ и теперь еще въ длинные зимніе вечера дѣвушки собираются и работаютъ вмѣстѣ; это имѣеть мѣсто и тамъ, гдѣ распространены кустарные промыслы, какъ, напр., плетеніе кружевъ въ Рудныхъ горахъ, гдѣ такія сборища работницъ и теперь называются „*ze Rocken gehn*“ (идти прясть)²⁷⁾. Особенно развитъ этотъ обычай у русскихъ кустарей²⁸⁾. У нихъ кустари, мужчины и женщины, часто не работаютъ у себя дома, а собираются большой компаніей, въ которую входятъ иногда все односельчане, занимающіеся даннымъ промысломъ, въ особомъ помѣщеніи, либо нанятой большой крестьянской избѣ, либо специально для этой цѣли построенной мастерской. Такое помѣщеніе для совмѣстной работы чаще всего и теперь называется „свѣтелкой“, иногда и „фабрикой“. Мы находимъ ее въ хлопчато-бумажномъ, суконномъ, шелковомъ, сапожномъ и игрушечномъ промыслахъ; въ женскихъ свѣтелкахъ работаютъ обыкновенно только дѣвушки, тогда какъ замужнія женщины работаютъ у себя на дому. „По разсказамъ стариковъ, хлопчатобумажное ткачество вначалѣ почти исключительно производилось въ „свѣтелкахъ“, ибо здѣсь подъ постояннымъ наблюдениемъ опытнаго ткача, легче и скорѣе можно было научиться техническимъ приемамъ, связаннымъ съ пользованіемъ станкомъ. Первоначально свѣтелкой была жилая изба, позже стали пристраивать особое отъ нея помѣщеніе.

²⁶⁾ У вендовъ въ Лузаци, въ послѣдній сборный вечеръ передъ Рождествомъ, надъ колунами и лѣнтями учреждается судъ. Haupt und Schmale: Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz II, стр. 220. Подобные же примѣры товарищескаго надзора за трудомъ мы находимъ и въ другихъ случаяхъ крестьянскаго сотрудничества, какъ, напримѣръ, при уборкѣ сѣна и хлѣба, молотѣбѣ, пахоти, трепаньи льна, Сравни. Hörmann: Das Tiroler Bauernjahr (Innsbruck 1899), стр. 50, 52, 66, 70 и сл. 75, 129.

²⁷⁾ „Arbeit und Rhythmus“ стр. 97 и сл. (Русск. пер. стр. 34 и слѣд.).

²⁸⁾ Подробно см. у Stellmacher'a: Ein Beitrag zur Darstellung der Hausindustrie in Russland, стр. 106 и сл.—М. Gorbunoff: Ueber russische Spitzenindustrie (Wien, 1886), стр. 23 и сл.

Молодые люди и усердные ткачи и нынѣ охотнѣе работаютъ въ свѣтелкѣ, чѣмъ дома, первые потому, что тамъ веселѣе, вторые потому, что тамъ работается спокойнѣе и лучше. Дома ткача часто отрываютъ домашнія дѣла, изба мала и темновата, душна, ибо въ ней нерѣдко живутъ не только люди, но также телята и овцы; къ тому же въ свѣтелкѣ лучше сохраняется бумага, которая въ избѣ легко сырѣетъ и плѣснѣетъ“.

Такимъ образомъ работа въ компаніи, хотя и возникла изъ общественного инстинкта, нисколько однако не нарушаетъ принципа хозяйственности. Въ компаніи работа происходитъ болѣе усидчиво, чѣмъ въ одиночествѣ, а благодаря соревнованію, въ общемъ и лучше. Трудъ становится удовольствіемъ. И въ результатѣ получается возрастаніе производительности труда.

2. Подъ работой скопомъ мы понимаемъ приложеніе нѣсколькихъ однородныхъ рабочихъ силъ для выполненія единой трудовой задачи, напримѣръ, для нагрузки большой тяжести, передвиганія бревна, покоса луга, погони во время охоты. Работа сама по себѣ можетъ быть и по силамъ одному человѣку, но если онъ не можетъ исполнить ее въ опредѣленное время, то приложеніе нѣсколькихъ рабочихъ силъ является уже болѣе выгоднымъ. Это особенно важно при такихъ работахъ, которыя связаны съ опредѣленнымъ временемъ года или зависятъ отъ погоды. Соціальныя условія также могутъ вызвать необходимость ускоренія работъ.

Эти обстоятельства давно уже привели къ особаго рода организациі труда скопомъ, которая основывается на признанной во всемъ свѣтѣ обязанности сосѣдей помогать другъ другу. Мы назовемъ ее, согласно принятому у южныхъ славянъ выраженію, „помочи“ (Bittarbeit). Коль скоро имѣется спѣшная работа, съ которою семья не въ состояніи справиться собственными силами, на помощь призываются сосѣди. Они исполняютъ ее въ положенное время безъ всякаго вознагражденія, кромѣ предлагаемаго имъ хозяиномъ угощенія, съ тѣмъ лишь расчетомъ, что въ случаѣ необходимости сосѣди подобнымъ же образомъ придутъ имъ на помощь. Работа идетъ весело, съ соревнованіемъ, среди шутокъ и пѣсенъ, а вечеромъ часто заканчивается танцами или иными увеселеніями²⁹⁾.

²⁹⁾ Много примѣровъ собрано мною въ главѣ V книги „Arbeit und Rhyth-

Этотъ обычай распространёнъ по всему земному шару. Слѣды его находимъ даже на островахъ южнаго океана. Такъ, напри- мѣръ, на Новой Помераніи при изготовленіи корзинъ и боль- шихъ сѣтей для ловли рыбы собираются вмѣстѣ по нѣскольку семействъ. „Прежде, чѣмъ корзина впервые пускается въ воду, проис- ходитъ общая трапеза, въ которой участвуютъ всѣ работающіе“³⁰⁾.

На Діайлоло (Галамагера), при распашкѣ части общинной земли созываются 10—20 родственниковъ для содѣйствія при рубкѣ деревьевъ, за что имъ отплачиваютъ впослѣдствіи дру- гими работами. То же происходитъ при посѣвѣ пади и сборѣ риса³¹⁾. „Когда кто-нибудь собирается строить домъ, онъ про- ситъ нѣсколькихъ родственниковъ помочь ему за харчи, чтобы за время отлива заготовить строительный матеріаль... При устройствѣ крыши изъ листьевъ саго приглашаются помощники, устраивающіе затѣмъ праздникъ, на которомъ обыкновенно при- сутствуютъ и предводители племени“³²⁾.

У племени мади или мору, въ центральной Африкѣ, „каж- дый обрабатываетъ самъ свою землю, а если ея много и тре- буется больше рабочихъ рукъ, чѣмъ имѣется въ его семьѣ— онъ приглашаетъ на помощь друзей и сосѣдей. Въ этихъ слу- чаяхъ не дается и не предполагается вознагражденіе, ибо всѣ готовы помогать и въ свою очередь получать помощь“³³⁾. Этотъ обычай въ Африкѣ распространёнъ повидимому повсюду³⁴⁾:

---

mus“ (въ русск. пер., сдѣланномъ съ перваго нѣм. изд., соответ- ствующей главы нѣтъ; нѣкоторые факты собраны на стр. 94).

³⁰⁾ Parkinso: Im Bismarck-Archipel, стр. 115.

³¹⁾ Riedel въ Ztschr. f. Ethnol. XVII (1885) стр. 70 и сл. То же и въ Новой Гвинее (см. Finsch: Samoafahrten, стр. 56 и сл.) и у племени багобосъ въ Южномъ Минданао: Schadenberg въ Ztschr. f. Ethnol. XVII, стр. 19 и сл.

³²⁾ Riedel, l. c. стр. 61. Срвн. Kubary: Ethnogr. Beitr. zur Kenntnis des Karolinen-Archipels, стр. 264. C. Nose: The natives of Borneo—въ Journal of the Anthropol. Inst. XXIII (1894), стр. 161 и сл.

³³⁾ Rob. Felkin въ Proceedings of the Royal Society of Edinburg, Session 1883/84, стр. 310.

³⁴⁾ Endenmann въ Ztschr. f. Ethnol. VI (1874), стр. 27. Poggе въ книгѣ Wissmann'a: Unter deutscher Flagge quer durch Afrika, стр. 311. Nachtigall: Sahara und Sudan, III, стр. 249. Post: Afrikanische Juris- prudenzen II, стр. 172.

особенно развитъ онъ по берегамъ средняго Конго, гдѣ временное сотрудничество (темо), проникло во все стороны жизни³⁵⁾. „У племени галла, жители села собираются на гумнѣ и, распиная въ тактъ работъ мелодическія пѣсни, молотятъ снопы дурры и очищаютъ зерно“³⁶⁾. Очень часто взаимопомощь имѣетъ мѣсто и при постройкѣ дома³⁷⁾. Когда у племени гоа на Мадагаскарѣ какому-нибудь видному лицу строится надгробный склепъ, то въ переноскѣ каменныхъ глыбъ принимаютъ участіе не только родственники и члены его рода, но все вообще жители деревни, въ которой онъ жилъ. „Вознагражденія деньгами за такія услуги не полагается; но зато въ продолженіе всей переноски, которая тянется иногда много дней и совершается съ большими перерывами, для нихъ должно доставляться огромное количество съѣстныхъ припасовъ, въ особенности же закалывается множество быковъ. А такъ какъ здѣсь все помогаютъ другъ другу, то народъ не малую долю своего времени проводить за такими работами. Весьма часто на большихъ дорогахъ можно встрѣтить толпу въ 200-300 мужчинъ, женщинъ и рабовъ, которые тащатъ на крѣпкихъ канатахъ укрѣпленный простой петлей камень“³⁸⁾.

Грузины прибѣгаютъ къ „помочамъ“ и при уборкѣ винограда, при посѣвѣ и жатвѣ кукурузы и пшеницы, при рубкѣ и доставкѣ дровъ изъ лѣсу. Въ Сербіи они обыкновенно имѣютъ мѣсто при покосѣ, векапываніи кукурузы, сборѣ сливъ, винограда, а также при пряденіи, тканьѣ, вязаніи ковровъ; во многихъ мѣстностяхъ Россіи—при покосѣ и жатвѣ, при копаніи капусты, рубкѣ дровъ, возкѣ удобрительныхъ туковъ, распаханіи поля, а у женщинъ и при пряденіи и даже при домашней уборкѣ жилищъ. Въ Германіи „помочи“ сохранились почти повсюду въ деревняхъ при постройкѣ домовъ, а мѣстами и при нѣкоторыхъ второстепенныхъ сельскихъ работахъ (чесаніи льна, сниманіи бобовъ, мытьѣ овецъ). Не трудно замѣтить, что они являются средствомъ, къ которому прибѣгаетъ замкнутое домашнее хозяйство и поэтому съ возникновеніемъ и развитіемъ предпріятія постепенно исчезаютъ.

³⁵⁾ Thonnar, l. c., стр. 64 и сл.

³⁶⁾ Paulitschke: Ethnographie Nordost-Afrikas I стр. 134, 217.

³⁷⁾ Schurtz: Afr. Gewerbe, стр. 21.

³⁸⁾ Sibree: Madagaskar, стр. 255 и сл.

Въ большинствѣ случаевъ, въ которыхъ прежде примѣнялись „помочи“, крупный помѣщикъ и теперь нанимаетъ значительное количество рабочихъ, если онъ не въ состояніи ускорить работу посредствомъ машины. Особое значеніе пріобрѣтаетъ для него работа скопомъ въ начальныхъ стадіяхъ такихъ процессовъ производства, конечныя стадіи которыхъ обходятся дешевле, если работа совершается разомъ. Лугъ, допустимъ, могъ бы скосить и одинъ человѣкъ въ три дня. Тѣмъ не менѣе помѣщикъ предпочтетъ поставить шесть или больше косцовъ, которые справятся съ работой въ одно утро, ибо сѣно лучше сушить и убрать все разомъ. При многократной перевозкѣ расходы по производству значительно возрали бы.

Но и тамъ, гдѣ нѣтъ такихъ причинъ, помѣщикъ, земли котораго лежатъ череполосно, предпочтетъ, чтобы всѣ его рабочіе вмѣстѣ обрабатывали одинъ участокъ за другимъ, чѣмъ распределять ихъ по разнымъ участкамъ. Работа въ компаніи идетъ скорѣе и лучше чѣмъ въ одиночку; никому не хочется отставать отъ другихъ, настроеніе поднимается благодаря быстрому ходу работы, между тѣмъ какъ работа, при которой не замѣтно, подвигается ли она впередъ, и не видно конца, всегда отнимаетъ бодрость. Поэтому шесть косцовъ въ приведенномъ примѣрѣ при среднемъ прилежаніи скосятъ лугъ въ менѣе чѣмъ шестую часть того времени, которое употребилъ бы при среднемъ прилежаніи одинъ человѣкъ. Въ большихъ хозяйствахъ, въ которыхъ землевладелецъ самъ не работаетъ, присоединяется къ этому еще то обстоятельство, что, вслѣдствіе разбросанности рабочихъ, расходы по надзору на единицу пространства увеличиваются ³⁹⁾.

³⁹⁾ Уже старикъ Thaer въ своихъ „Grundsätze der rationellen Landwirtschaft“ (4 Aufl., Berlin 1847, I, стр. 112 и сл.) устанавливаетъ слѣдующія правила: „Никогда не слѣдуетъ братья за нѣсколько крупныхъ работъ сразу, особенно если онѣ разбросаны на большомъ пространствѣ. Слѣдуетъ по возможности выполнять одну за другой, и въ каждой примѣнять всѣ имѣющіяся на лицо силы, отчасти ради надзора, отчасти потому, что между значительнымъ числомъ рабочихъ, находящихся подъ общимъ наблюденіемъ, всегда возбуждается нѣкоторое соревнованіе, — тогда какъ при большихъ размѣрахъ работы они, когда ихъ мало, почти пугаются ея величины, отчаиваются, когда видятъ, какъ медленно работа подвигается, и полагаютъ, что вслѣдствіе обширности работы все равно не будетъ замѣчено, сдѣлано ли ими что-нибудь или нѣтъ. При такихъ рабо-

Трудъ скопомъ относится почти исключительно къ области несложныхъ работъ, которыя совершаются простыми ручными орудіями или безъ всякихъ инструментовъ. Поэтому онъ очень распространенъ въ эпоху мало развитой техники⁴⁰⁾, но съ усовершенствованіемъ орудій производства все болѣе сокращается. Однако онъ и до сихъ поръ сохраняетъ за собой значительное поле дѣйствія; наиболѣе крупный примѣръ примѣненія труда скопомъ даетъ во все времена войско.

При совмѣстномъ трудѣ большого числа людей возможны два случая. Въ одномъ случаѣ рабочіе въ различные моменты приложенія силы дѣйствуютъ независимо другъ отъ друга, и соединеніе ихъ производится лишь въ цѣляхъ болѣе скорого выполненія работы. Мы обозначимъ этотъ случай какъ простой трудъ скопомъ. Примѣрами его являются: нѣсколько каменщиковъ при постройкѣ, группа рабочихъ, мостящихъ улицу, кучка людей, сгребавшихъ снѣгъ, или группа землекоповъ, рядъ косцовъ или рабочихъ, полющихъ рѣпу. Переходной формой являются: толпа африканскихъ носильщиковъ, идущихъ гуськомъ, погонщики на охотѣ, нѣсколько пахарей въ полѣ.

Во второмъ случаѣ движенія отдѣльных рабочихъ совершаются не независимо другъ отъ друга, а наоборотъ, либо всеми одновременно, либо попеременно въ одинаковые промежутки времени—всегда, слѣдовательно, въ опредѣленный тактъ. Этотъ родъ работы скопомъ мы назовемъ зависимой работой, ибо здѣсь каждый участвующій въ смыслѣ времени выполненія движеній зависитъ отъ своего сосѣда и все посредствомъ такта связаны въ одно расчлененное цѣлое, образуютъ какъ бы одинъ автоматически дѣйствующій рабочій аппаратъ. Все относящіяся сюда работы, если онѣ происходятъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени,

---

тахъ лишній человѣкъ или лошадь всегда лучше, чѣмъ недостатокъ въ нихъ.—При мелкихъ же работахъ нужно остерегаться ставить больше рабочихъ, чѣмъ нужно; иначе они будутъ только мѣшать другъ другу, полагаться одинъ на другого и легко могутъ подумать, что трудъ ихъ считается болѣе важнымъ, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности“. То же находимъ у Н. Settegast'a: Die Landwirtschaft und ihr Betrieb, I, стр. 313, III, стр. 138.

⁴⁰⁾ Такъ это было, напримѣръ, у древнихъ египтянъ. Много данныхъ объ этомъ я собралъ въ своей книгѣ „Arbeit und Rhythmus“ 3 изд. стр. 409 и слѣд. (Русск. пер. стр. 94 и слѣд.).

должны принять ритмическій характеръ. Конечно, есть и такія, которыя совершаются единичнымъ усиленіемъ, напримѣръ, поднятіе тяжестей многими подъ числовую команду, опрокидываніе дерева посредствомъ веревки.

Работы этого рода, протекающія ритмично, можно въ свою очередь, раздѣлить на работы съ простымъ тактомъ (Gleichtakt-Arbeiten) и работы съ переменнымъ тактомъ (Wechseltakt-Arbeiten)—смотря по тому совершаются ли движенія отдѣльныхъ работниковъ одновременно или попеременно ⁴¹⁾.

Работу съ простымъ тактомъ совершаютъ, напримѣръ, оба ряда гребцовъ весельной лодки, матросы при поднятіи якоря, парусовъ, бурлаки при передвиженіи лодки вверхъ по рѣкѣ, плотники, которые при закладкѣ фундамента посредствомъ копровъ вбиваютъ въ землю большіе колья, рабочіе, передвигающіе бочки, и вообще такія группы рабочихъ, которымъ приходится тащить на канатѣ тяжести, затѣмъ нѣсколько (четное число) работниковъ, поднимающихъ носилки, наконецъ, марширующіе солдаты. Очень часто ритмъ поддерживается простымъ счетомъ, хоровымъ пѣніемъ рабочихъ, или посредствомъ какого либо инструмента, въ особенности барабана.

Работу съ переменнымъ тактомъ совершаютъ, напримѣръ, три мостильщика, которые ручными молотами въ тактъ вбиваютъ камни, три-четыре молотильщика на токтѣ, два кузнеца при ковкѣ желѣза, два плотника при распилкѣ или обрубкѣ дерева, двѣ служанки при синькѣ бѣлья или выколачиваніи ковровъ.

Въ работахъ съ простымъ тактомъ суть заключается въ томъ, чтобы выполнить работу, значительно превышающую силы одного человѣка, съ возможно меньшимъ числомъ рабочихъ: это достигается благодаря тому, что всѣ работающіе прилагаютъ наибольшее усиліе въ одинъ и тотъ же моментъ.

Работами съ переменнымъ тактомъ обычно являются такія, которыя сами по себѣ могутъ быть выполнены однимъ человѣкомъ. Это почти всегда тяжелыя работы, въ которыхъ отдѣльныя движенія (напримѣръ, поднятіе и опусканіе рукъ при молотьбѣ цѣпомъ) требуютъ продолжительнаго времени. У работающаго въ одиночку

⁴¹⁾ Подробности можно найти въ моей не разъ уже приведенной книгѣ „Arbeit und Rhythmus (Русск. пер., стр. 44 — 64), къ которой я и для дальнѣйшаго разъ навсегда отсылаю читателя.

является при этомъ всегда искушеніе сдѣлать небольшую паузу послѣ каждаго удара или толчка, вслѣдствіе чего утрачивается равномерность движеній. Удары и толчки совершаются съ различной силой и съ различными промежутками времени, и работа вслѣдствіе этого гораздо больше утомляетъ. Если работаютъ двое или трое, то движенія каждаго регулируются звукомъ, получающимся въ тактъ отъ удара инструмента объ обрабатываемый матеріаль. Такимъ образомъ достигается болѣе короткій тактъ, удержанія котораго не представляетъ трудности. Каждый рабочій, хотя и остается самостоятельнымъ, долженъ тѣмъ не менѣе соразмѣрять свои движенія съ движеніями всѣхъ другихъ. Сущность такой организаціи труда заключается, слѣдовательно, не въ томъ, что работа по своимъ размѢрамъ требуетъ удвоенія или утроенія силъ, а въ томъ, что отдѣльный рабочій не въ состояніи удержать опредѣленный ритмъ движеній.

Казалось бы, само по себѣ примѣненіе двухъ или трехъ рабочихъ можетъ только удвоить или утроить результатъ работы. Однако и эта организація работы имѣетъ своимъ послѣдствіемъ повышеніе производительности труда; благодаря тому, что напряженіе и паузы у каждаго равномерно распредѣлены, является возможность работать въ теченіе болѣе продолжительнаго времени. Работающій въ одиночку, когда устаетъ, опускаетъ руки или замедляетъ темпъ своихъ движеній. Короткій тактъ работы подбадрываетъ; ея общность вызываетъ соревнованіе; никто не хочетъ отстать отъ другого.

Еще яснѣе это принужденіе слабого подражать сильному выступаетъ въ нѣкоторыхъ работахъ съ болѣе свободнымъ ритмомъ, при которыхъ зависимость обусловливается тѣмъ, что рабочіе выстраиваются въ рядъ, такъ что ходъ работы одного зависитъ отъ хода работы другихъ. Въ рядѣ косцовъ, работающих на лугу, каждый долженъ работать равномерно, чтобы не задерживать слѣдующаго за нимъ и не быть задѣтымъ его косой. Въ рядѣ рабочихъ, передающихъ другъ другу на постройкахъ кирпичи, каждый вынужденъ одинаково скоро принимать кирпичи, чтобы не останавливать всей работы.

Это приспособленіе рабочихъ другъ къ другу, свойственное всѣмъ видамъ зависимыхъ работъ, становится такимъ образомъ дисциплинирующимъ элементомъ, имѣющимъ весьма важное значеніе

въ особенности въ неквалифицированномъ трудѣ, какой главнымъ образомъ преобладаетъ на низшихъ ступеняхъ хозяйственного и технического развитія. Оно даже можетъ примѣняться какъ принудительное средство для ускоренія работы и въ тѣхъ случаяхъ, которые сами по себѣ не требуютъ зависимости движеній. Въ такихъ случаяхъ необходимо искусственное отбиваніе такта (счетомъ, пѣніемъ, музыкой), съ помощью котораго простая работа скопомъ превращается въ зависимую работу. Такъ это дѣлается, напримѣръ, при рабскомъ трудѣ, который, по причинамъ всеѣмъ извѣстнымъ производится группами, при отбиваніи барщины и при публичныхъ работахъ у первобытныхъ народовъ.

Въ Камерунѣ, „предводитель племени Нгилла, извѣстный магаметавинъ, охотившійся на рабовъ, заставлялъ своихъ людей группами въ 100 человекъ въ тактъ музыки пахать землю. За ними, опять таки въ тактъ, шли сѣятели, бросавшіе сѣмена изъ привѣшанныхъ мѣшковъ“⁴²⁾. Племя бассутозовъ собирается ежегодно, чтобы вспахать и засеять поля, предназначенныя для содержанія ихъ начальника и его главной жены. „Удивительное зрѣлище“, пишетъ Казалисъ⁴³⁾, „представляютъ эти сотни чернокожихъ, выстроенныхъ въ одну линію и съ абсолютной правильностью поднимающихъ и опускающихъ свои кирки. Раздается пѣніе, подбодряющее рабочихъ и заставляющее ихъ держаться такта. Начальникъ обыкновенно считаетъ своимъ долгомъ присутствовать при этомъ и даетъ распоряженіе, чтобы для рабочихъ закололи и приготовили нѣсколько жирныхъ быковъ. Всеѣ классы примѣняютъ этотъ способъ, чтобы облегчить и ускорить работы, но у простого народа онъ основывается на взаимности“.

Послѣдній примѣръ весьма ясно показываетъ переходъ „отъ помощи“ къ барщинѣ. То же мы находимъ въ Суданѣ, гдѣ въ особенности

---

⁴²⁾ Meinecke: Die deutschen Kolonien in Wort und Bild, стр. 35 съ рисункомъ.

⁴³⁾ Casalis: Les Bassoutos, стр. 171 и относ. къ ней иллюстрація. Послѣднюю также у G. Gerland'a: Atlas der Ethnographie (Leipzig 1876), табл. 22 № 25. То же рассказываютъ К. Ендеманнъ о негритянскомъ племени сото въ Ztsch. f. Ethnol. VI, стр. 26 и 30, Paulitschke: Ethnographie Nordost-Afrikas I, стр. 216—о племени Галла въ Гарирѣ и Schadenberg—о племени багобосъ въ Южномъ Минданао, тамъ же XVII, стр. 19 и слѣд.

постройка и починка городских стѣнъ всегда производится подѣ аккомпаниментъ музыки, а также у малайцевъ и китайцевъ, которые изстари отбываютъ государственную барщину подѣ звуки барабана. Это средство примѣнялось и въ Европѣ. Въ Прибалтійскомъ краѣ еще въ XVIII столѣтїи помѣщики заставляли своихъ крѣпостныхъ жать подѣ звуки волынки. Въ культурныхъ государствахъ мы эту поддерживаемую искусственными средствами зависимость въ работѣ находимъ въ тактическихъ движенїяхъ армїи, гдѣ все направлено къ тому, чтобы въ массѣ людей добиться совершеннаго единства напряженїя, и гдѣ всякое отступленїе отъ темпа со стороны одного неблагоприятно отражается на общемъ дѣлѣ.

3. Переходимъ къ послѣднему виду сотрудничества, который мы назовемъ групповой работой.

Нѣкоторые виды дѣятельности требуютъ одновременнаго выполненїя нѣсколькихъ различныхъ работъ. Эти работы дополняютъ другъ друга (дополнительныя работы) и, такъ какъ онѣ никоимъ образомъ не могутъ быть выполнены однимъ рабочимъ, то необходимо соединить въ одну расчлененную, но нераздѣльную группу нѣсколькихъ разнородныхъ рабочихъ. Такая группа при лѣсныхъ работахъ въ Баварїи и Австрїи называется „пассъ“⁴⁴⁾, въ другихъ мѣстахъ — рота, труппа, банда.

Добывающая промышленность представляетъ не мало примѣровъ такой организаціи труда. Такъ, при уборкѣ съ поля сѣна или хлѣба нагружающїе, подающїе и сгребаящїе остатки рабочїе, а при вязкѣ — сноповязы и податели представляютъ нераздѣльныя группы; при жатвѣ необходимо еще одно лицо, для того, чтобы сгребать ее, а при копкѣ картофеля — для собиранїя остатковъ. Изъ области промышленности можно привести слѣдующїе примѣры: кузнецъ и работникъ, раздувающїй огонь; канатный мастеръ, свивающїй веревки, и тотъ, который наматываетъ ихъ на колесо; рабочїй, который кладетъ стѣну, и помощникъ, подающїй ему кирпичи; рабочїй, мостящїй улицу, и другой, утрамбовывающїй ее.

---

⁴⁴⁾ Сравн. Schmeller, Bayer. Wörterbuch I, стр. 409, Settegast, l. c., называетъ такую группу рабочихъ „Pasch“. Происхожденїе этихъ словъ неясно. — Сравн. итальянское squadra, французское escouade, англійское squad, gang, set.

Изъ другихъ областей: поварь и вертельщикъ; кравчій, лакей и дворникъ; въ конкѣ — кучерь и кондукторъ, въ лодкѣ — гребецъ и рулевой, затѣмъ — охотникъ и погонщикъ, надувальщикъ мѣховъ и органистъ, барабанщикъ и флейтщикъ, театральная группа, оркестръ. Перечень этотъ можно было бы продолжить и дальше.

Во веѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ работами, возникшими путемъ раздѣленія труда и затѣмъ соединенными, а съ совершенно разнородными дѣйствіями, которыя не могутъ существовать каждое въ отдѣльности и поэтому всегда совершаются одновременно. Успѣшность каждой изъ этихъ работъ зависитъ отъ веѣхъ прочихъ, веѣ онѣ содѣйствуютъ другъ другу и лишь веѣ вмѣстѣ составляютъ одно цѣлое. Въ виду этого, участвующіе въ работѣ должны принаравливаться другъ къ другу; они должны работать рука объ руку, и каждый въ отдѣльности ничего сдѣлать не можетъ. Его трудъ самъ по себѣ не имѣлъ бы никакого значенія.

Въ такомъ сочетаніи работъ почти всегда можно выдѣлать одно дѣйствіе какъ главное руководящее, тогда какъ остальные находятся по отношенію къ нему въ подчиненномъ и служебномъ положеніи. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и отношеніе между работниками пріобрѣтаетъ характеръ зависимости. Если главную работу исполняетъ хозяинъ дѣла, то производящій подчиненную работу будетъ находиться въ положеніи наемнаго рабочаго. Если же вся группа представляетъ часть какого-нибудь другого предпріятія, то обыкновенно устанавливается коллективная плата (Gruppen-Accord, collective piece work), на примѣръ, для сигарочника и завивальщицы вмѣстѣ, для выдувальщика стекла и его помощника. Такая организація даетъ возможность примѣненія системы сдѣльной платы даже тамъ, гдѣ трудъ одного рабочаго не отдѣлимъ отъ труда другихъ, но это всегда невыгодно для тѣхъ, кто выполняетъ подчиненныя функціи ⁴⁵⁾.

Въ общемъ и этотъ видъ сотрудничества относится къ періоду мало развитой техники производства. По мѣрѣ ея усовершенствованія явилось стремленіе замѣнять подчиненный трудъ живоотною или механическою силой. Наиболѣе извѣстный примѣръ представляетъ плугъ. Первоначально человекъ самъ тащилъ его, затѣмъ

⁴⁵⁾ Сравни. Schloss: Methods of industrial remuneration, стр. 61 и слѣд. (Русск. пер.—Шлоссъ: Формы заработной платы. СПб. 1900. Стр. 118 и слѣд.).

его смѣнили быкъ, причѣмъ, однако, нѣкоторое время сохранилась группа изъ пахаря и одного или нѣсколькихъ погонщиковъ, пока усовершенствованная конструкція плуга не устранила и ее ⁴⁶⁾).

Въ заключеніе необходимо еще разъ подчеркнуть то обстоятельство, что вся область примѣненія принципа сотрудничества такъ же, какъ и область приложенія системы соединенія труда, относится къ сферамъ хозяйства, гдѣ капитала вовсе нѣтъ или роль его весьма незначительна. Они являются средствами необходимыми для экономически слабыхъ. Но какъ таковыя, они имѣли большое культурно-историческое значеніе, ибо воспитали въ человѣкѣ умѣнье правильно и экономно пользоваться временемъ и распредѣлять его, подчиняться сообщу преслѣдуемой цѣли и регулярно и интенсивно работать. Покоясь первоначально исключительно на обычаяхъ, они, съ теченіемъ времени, вызываютъ развитіе правовыхъ зависимыхъ отношеній, какія мы имѣемъ въ институтахъ рабства и крѣпостничества.

Помимо этого принципы соединенія труда и сотрудничества создали мало прочныхъ учрежденій, но зато оставили много безсмертныхъ твореній. Нужно видѣть пирамиды и каменные памятники береговъ Нила, руины мессопотамскихъ великановъ-городовъ, постройки древне-американскихъ культурныхъ народовъ, чтобы понять, что въ состояніи сдѣлать люди, движимые могучимъ стремленіемъ къ сотрудничеству даже безъ знакомства съ желѣзомъ, безъ рабочаго скота и безъ простѣйшихъ механическихъ орудій, рычага, винта, полиспада.

Но и для науки оба разсмотрѣнные явленія, понятія кото-

---

⁴⁶⁾ Интересныя видоизмѣненія системы соединенія труда получаются тамъ, гдѣ необходимы цѣнныя орудія, имѣющіяся только у одного изъ участвующихъ, тогда какъ другіе доставляютъ только свою рабочую силу. Такъ, въ особенности при рыбной ловлѣ въ сѣверной Россіи, а также при вспахиваніи поля, когда почва неподатлива и требуетъ впряганія 6—8 лошадей. Примѣры изъ Уэльса, Ирландіи, Шотландіи у Seebohm'a: Die englische Dorfgemeinde (нѣм. пер. Th. v. Bunsen'a) стр. 81 и сл.; Meitzen: Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten etc. I, стр. 212 и сл. II, стр. 129 и сл. Однородныя свѣдѣнія относительно племени богосъ въ абиссинскихъ горахъ находимъ у Post'a: Afrik. Jurisprudenz, II, стр. 184 и сл., объ армянахъ—у Тагаджанза I. с. стр. 12, о грузинахъ—у Gogitschayschwilli, I. с., стр. 24 и сл., о черногорцахъ—у Роровича: Recht und Gericht in Montenegro § 79.

рыхъ теперь опредѣлились, при безпристрастной оцѣнкѣ не покажутся бесполезными. Ученіе о трудѣ еще сильно нуждается въ разработкѣ. Дальнѣйшее развитіе взглядовъ, которые могли быть здѣсь только намѣчены, несомнѣнно обнаружить, что въ этой области еще многое можетъ быть сдѣлано. Но и теперь уже видно, что при соединеніи труда и сотрудничества дѣйствуютъ болѣе тонкіе психическіе моменты, чѣмъ при раздѣленіи труда, которое одно только до сихъ поръ привлекало къ себѣ вниманіе. Прослѣдить всѣ эти факторы можетъ, впрочемъ, только сознательный рабочій посредствомъ самонаблюденія.

СПбГУ

VIII.

Раздѣленіе труда.

СП6ГД

Въ настоящее время почти въ каждой наукѣ имѣются популярныя истины. Это, большею частью, положенія, имѣющія общій характеръ и получившія отъ своихъ творцовъ такую виѣшнюю и внутреннюю законченность, что они какъ бы окончательно приобщены къ сокровищницѣ нашихъ знаній въ качествѣ прочныхъ прибрѣтеній человѣческаго разума. Съ поражающей иногда быстротой проникають они въ общій кругъ понятій образованныхъ людей. Благодаря удобной формѣ, полученной ими съ самаго начала, они станувшая монетой для духовнаго обихода, обращеніе которой простирается далеко за предѣлы той научной дисциплины, для которой она первоначально была отчеканена. Въ свою очередь, самое приобщеніе ихъ къ сокровищницѣ знанія и языка служить къ укрѣпленію ихъ положенія въ той наукѣ, въ которой они возникли. Если наука эта находится на пути быстрого движенія впередъ, то можетъ случиться, что въ то время, какъ вся научная постройка разбирается и перестраивается, положенія, ставшія популярными, остаются нетронутыми и образуютъ какъ бы неорганическія тѣла, покрытыя и окруженныя пышно разросшимся организмомъ.

Подобнымъ образомъ обстоитъ, кажется, дѣло и съ экономическимъ ученіемъ о раздѣленіи труда. Въ нынѣшней его формѣ оно исходитъ отъ Адама Смита, и его распространенію, конечно, не мало способствовало между прочимъ и то обстоятельство, что оно изложено въ первой главѣ первой книги его классическаго труда, гдѣ оно не могло остаться незамѣченнымъ даже и тѣми многочисленными читателями, которые только „просматривають“ книги. Адамъ Смитъ, правда, не былъ творцомъ этого ученія. Онъ заимствовалъ его въ основахъ у своего соотечественника Адама Фергюсона (Adam Ferguson), сочиненіе котораго „*Essay on the history of civil society*“ появилось въ 1767 году. Однако, оно стало достояніемъ послѣдую-

щих поколѣній только въ той привлекательной формѣ, въ которую ее одѣлъ Смитъ; въ этой же формѣ оно перешло въ другія науки и усвоено было всеми образованными людьми.

Приступая къ попыткѣ подвергнуть критическому обзору какъ ученіе о раздѣленіи труда, такъ и то примѣненіе, какое изъ него сдѣлано было въ послѣднее время въ социологіи, я могу, слѣдовательно, рассчитывать на знакомство читателей съ тѣми понятіями, въ кругу которыхъ мнѣ придется вращаться. Примѣненіе этого ученія въ области социологіи представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ одну изъ немногихъ попытокъ выйти въ этомъ вопросѣ за предѣлы Адама Смита. Въ остальномъ обыкновенно удовлетворяются тѣмъ, что исправляютъ въ несущественныхъ пунктахъ ученіе Смита, излагаютъ его исторію до Смита, восходя до древнихъ грековъ, стараются привести пояснительные примѣры въ соответствіе съ успѣхами современной техники и, наконецъ, отмѣчаютъ рядомъ съ выгодными сторонами и неблагопріятныя послѣдствія раздѣленія труда. Въ общемъ же, къ ученію о раздѣленіи труда вполнѣ примѣнимо то, что сказано выше о тѣхъ научныхъ истинахъ, которыя стали популярными: оно осталось нетронутымъ, въ то время какъ вокругъ все зданіе экономической теоріи тщательно перестраивалось и надстраивалось. Еще недавно одинъ извѣстный экономистъ въ критическомъ обзорѣ развитія политической экономіи со времени Адама Смита печатно заявилъ, что предметъ этотъ исчерпанъ, и о немъ можно лишь вкратцѣ повторить то, что уже сказано другими ¹⁾.

При такихъ обстоятельствахъ будетъ вполнѣ достаточно, если я въ своемъ изложеніи буду исходить непосредственно отъ великаго шотландца. Я не имѣю, однако, въ виду охватить всю проблему раздѣленія труда, а постараюсь только разрѣшить два вопроса: что такое раздѣленіе труда, и каково его значеніе въ хозяйствѣ?

Что такое раздѣленіе труда—этого Адамъ Смитъ нигдѣ не говоритъ. Онъ только поясняетъ явленіе, которое онъ обозначаетъ этимъ терминомъ, на отдѣльныхъ примѣрахъ, и изъ нихъ прямо выводитъ то положеніе, которому дано было названіе „закона“ раздѣленія труда. Сущность его можно формулировать такъ: въ

---

¹⁾ Block: Le progrès de la science économique depuis Adam Smith. Paris, 1890, I, стр. 533.

каждомъ промыслѣ производительность труда возрастаетъ пропорціонально степени приложенія раздѣленія труда ²⁾.

Приводимые же имъ примѣры, если ближе присмотрѣться къ нимъ, говорятъ о весьма разнородныхъ экономическихъ явленіяхъ.

Разсмотримъ прежде всего знаменитую булавочную фабрику Смита. Смитъ противопоставляетъ обыкновеннаго рабочаго, не обученнаго спеціально въ данномъ производствѣ, который работая одинъ при самомъ болшемъ усердіи за день можетъ изготовить едва одну булавку, но ужь никакъ не двадцать — фабрикѣ, гдѣ выдѣлываются тѣ же булавки многими рабочими при раздѣленіи труда. „Одинъ вытягиваетъ проволоку, другой выпрямляетъ ее, третій рѣжетъ, четвертый заостряетъ, пятый оттачиваетъ конецъ для головки; изготовленіе головки въ свою очередь распадается на двѣ различныя спеціальности“ и т. д. Такимъ образомъ, въ производствѣ булавокъ насчитываются восемнадцать различныхъ операций, изъ которыхъ каждая можетъ исполняться особымъ рабочимъ. Смитъ полагаетъ, что въ такой совмѣстно работающей группѣ рабочихъ производительность каждаго по сравненію съ рабочимъ, производящимъ тотъ же продуктъ цѣликомъ, увеличивается во сто и даже въ тысячу разъ.

Этотъ примѣръ приводился безконечное число разъ. Онъ сталъ даже классическимъ способомъ иллюстраціи раздѣленія труда вообще, и большинство представляютъ себѣ послѣднее не иначе, какъ въ образѣ фабрики, въ которой весь трудъ по производству продукта разложенъ на возможно большее число простыхъ функций, выполняемыхъ различными лицами одновременно въ одномъ и томъ же хозяйствѣ ³⁾.

Но Адамъ Смитъ не ограничился этимъ примѣромъ. Онъ обозначаетъ раздѣленіемъ труда и тотъ случай, когда продуктъ про-

---

²⁾ Эта рѣзкая формулировка вытекаетъ изъ слѣдующихъ выраженій въ первой главѣ: *The division of labor, so far as can be introduced, occasions, in every art, a proportionable increase of the productive powers of labor.*

³⁾ *Helmolt: De laboris divisione* (докторская диссертация, представленная утрехтскому университету), 1840 стр. 38 и сл., такъ опредѣляетъ раздѣленіе труда: *ubi plures operarii simul opus quoddam conficiunt, singuli vero continue eadem operis parte occupati, ut, si aliquid perfece- rint, eandem rem de novo aggrediantur.* А между тѣмъ уже Фергюсонъ называлъ главу о раздѣленіи труда: *On the separation of arts and professions.*

ходить через различныя хозяйства, отъ момента добыванія сырья вплоть до его окончательной обработки, какъ на примѣръ, шерсть, проходящая черезъ хозяйства овцевода, прядильщика, ткача и красильщика. На низкой ступени развитія общества всѣ эти функціи производятся, по мнѣнію Смита, однимъ и тѣмъ же лицомъ, тогда какъ въ странѣ болѣе развитой въ хозяйственномъ отношеніи, наоборотъ, земледѣлецъ есть только земледѣлецъ, фабрикантъ — только фабрикантъ, и трудъ, необходимый для производства готоваго фабриката, распределенъ между большимъ числомъ рукъ.

Смитъ не проводитъ различія между обоими видами раздѣленія труда и приписываетъ имъ одинаковое вліяніе. Но не трудно убѣдиться въ томъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ двумя совершенно различными явленіями. При производствѣ шерстяной ткани цѣлый процессъ производства распадается на различныя части, изъ которыхъ каждая составляетъ особую хозяйственную единицу; продуктъ, начиная съ момента полученія сырого матеріала, долженъ пройти путемъ возмезднаго обмѣна черезъ цѣлый рядъ хозяйствъ, прежде чѣмъ онъ получаетъ годную для потребленія форму. На плавочной же фабрикѣ предметомъ раздѣленія является не весь процессъ производства, а лишь одна его часть. Ибо здѣсь сырымъ матеріаломъ (провода) служитъ получившій извѣсную обработку полуфабрикатъ. Результатомъ же раздѣленія труда является не рядъ новыхъ хозяйствъ, а цѣль несамостоятельныхъ функцій, для выполненія которыхъ при современныхъ условіяхъ необходимо существованіе наемныхъ рабочихъ, объединенныхъ предпринимателемъ. Продуктъ до окончанія своего проходить, правда, черезъ большее число рукъ, чѣмъ прежде, но не мѣняетъ своего владѣльца.

Два столь различныя процесса нельзя называть однимъ и тѣмъ же именемъ. Мы назовемъ распадѣніе всего процесса производства на нѣсколько экономически самостоятельныхъ отдѣловъ — раздѣленіемъ производства, разложеніе же одного такого отдѣла производства на простые, зависимые другъ отъ друга элементы — расчлененіемъ труда.

Наконецъ, Адамъ Смитъ приводитъ еще третій примѣръ, который не представляетъ собою ни раздѣленія производства, ни расчлененія труда. Онъ сравниваетъ трехъ кузнецовъ: одинъ обыкновенный кузнецъ, хотя и владѣющій молотомъ, но не умѣющій ковать

гвоздей; другой умѣетъ выдѣлывать гвозди, но производство ихъ не составляетъ его единственнаго или главнаго занятія; третій же—специалистъ по изготовленію гвоздей, никогда ничего другого не производившій. Онъ находитъ, что, если всѣ трое въ продолженіе нѣкотораго времени будутъ выдѣлывать гвозди, то производительность труда будетъ больше у того, кто ограничивается производствомъ этого одного продукта, и это-то ограниченіе производства однимъ предметомъ Смитъ также называетъ раздѣленіемъ труда.

Сразу даже трудно разобрать, что послужило ему основаніемъ для такого обозначенія. Что собственно здѣсь раздѣлено и гдѣ же тутъ отдѣльныя части?

Очевидно, объектомъ раздѣленія у Смита является совокупность всего того, что входитъ въ специальность кузнеца, выдѣлывающаго, какъ это было въ старину, не только подковы, плуги, желѣзные обручи, но и топоры, лопаты, гвозди. Изъ этой обширной области производства выдѣляется одинъ видъ продуктовъ, производство которыхъ беретъ на себя особый рабочій, въ данномъ случаѣ гвоздарь, тогда какъ все прочее по прежнему изготовляется кузнецомъ. Продукты, производившіеся прежде въ одномъ хозяйствѣ, теперь выдѣлываются въ двухъ различныхъ предпріятіяхъ. Изъ одного промысла стало два, и каждый изъ нихъ для того, кто имъ занимается, является главнымъ занятіемъ — профессіей.

Ясно, что здѣсь нѣтъ ни раздѣленія болѣе или менѣе значительнаго процесса производства на отдѣлы, ни разложенія одного такого отдѣла на простѣйшія составныя части. Ибо, какъ Смитъ и самъ указываетъ, процессъ производства не короче и не проще у гвоздаря, чѣмъ у кузнеца: каждый изъ нихъ самъ раздуваетъ мѣха, мѣшаетъ огонь, раскаляетъ желѣзо и куетъ. Измѣненіе заключается лишь въ томъ, что каждый, совершая эти дѣйствія, вырабатываетъ меньше видовъ продукта. Самые же продукты при такомъ раздѣленіи труда проходятъ не меньшее число рукъ, чѣмъ прежде. Этотъ третій видъ раздѣленія труда мы назовемъ специализаціей или профессиональнымъ раздѣленіемъ труда (распаденіемъ на отдѣльныя профессіи).

Чѣмъ специализація отличается отъ расчлененія труда, замѣтить не трудно. Специализація есть распределеніе всего производства ме-

жду различными хозяйствами, расчленение же труда имѣть мѣсто въ предѣлахъ одного и того же предпріятія. Труднѣе, на первый взглядъ, установить различіе между раздѣленіемъ производства и специализаціей. Въ первомъ случаѣ все производство раздѣлено какъ бы поперечными разрѣзами на нѣсколько отдѣловъ, во второмъ—вдоль одной замкнутой области проведены продольныя линіи, раздѣляющія ее на нѣсколько специальностей.

Возьмемъ простой примѣръ. Все производство кожаныхъ издѣлій происходило первоначально въ одномъ и томъ же хозяйствѣ. Сибирскій кочевникъ, крестьянинъ у южныхъ славянъ и теперь еще добываютъ въ собственномъ хозяйствѣ кожи, сами дубятъ ихъ, изготовляютъ обувь, сброу и т. п. Въ западно-европейскихъ странахъ уже въ средніе вѣка различались два ремесла: дубильщика и кожевника. Кожаныя издѣлія проходили вслѣдствіе этого чрезъ три хозяйства: добывающаго кожи, отдѣлывающаго ихъ и производящаго кожаные предметы. Это было раздѣленіе производства. вмѣстѣ съ тѣмъ обширная область производства кожаныхъ предметовъ современемъ распалась на спеціальныя ремесла: сапожное, сѣдельное, шорное, кошелечное и т. п., изъ которыхъ каждое приблизительно одинаковыми пріемами производитъ особый видъ кожаныхъ издѣлій. Это и есть специализація или профессиональное раздѣленіе труда (распаденіе на отдѣльныя профессіи). Чтобы представить себѣ образно оба эти явленія, можно раздѣленіе производства сравнить съ огромнымъ потокомъ, который по пути запруженъ нѣсколькими плотинами, а специализацію—съ такимъ же потокомъ, искусственно разведеннымъ на множество небольшихъ каналовъ и ручьевъ.

Этими примѣрами Смитъ ограничивается, и мы также пока остановимся на нихъ, чтобы разрѣшить вопросъ: что побудило „отца политической экономіи“ соединить подъ однимъ названіемъ три столь различныя явленія, какъ раздѣленіе производства, расчлененіе труда и специализацію? Что общаго между этими явленіями, глубокія различія которыхъ мы могли лишь вкратцѣ указать?

Общее между этими тремя различными формами раздѣленія труда, очевидно, заключается лишь въ слѣдующемъ: всѣ они представляютъ созданныя человѣческой волей социальныя процессы развитія, въ которыхъ функція, выполнявшаяся прежде однимъ лицомъ, распределяется между нѣсколькими лицами, изъ коихъ

каждое исполняетъ отнынь лишь опредѣленную часть общей работы. Вслѣдствіе этого всякое раздѣленіе труда выразится въ увеличеніи числа рабочихъ рукъ, необходимыхъ для выполненія какой-нибудь хозяйственной задачи, а также въ дифференціаціи труда. Задача cadaго упрощается, болѣе принаравливается къ ограниченнымъ человѣческимъ силамъ, какъ бы индивидуализируется. Поэтому раздѣленіе труда всегда есть вмѣстѣ съ тѣмъ и разложеніе его, организація его по принципу хозяйственности; результатомъ его всегда является совмѣстное дѣйствіе различныхъ силъ, направленныхъ къ одной общей цѣли, которая прежде достигалась одной силой.

Если мы, принявъ это во вниманіе, бросимъ затѣмъ взглядъ на всю область хозяйственнаго приложенія труда въ томъ видѣ, какъ она исторически сложилась и ежедневно развивается дальше, то убѣдимся, что типическими примѣрами Адама Смита и выведенными изъ нихъ тремя формами раздѣленія труда не ограничивается кругъ его дѣйствія. Мы, наоборотъ, находимъ четвертый и пятый видъ раздѣленія труда, изъ которыхъ одинъ мы назовемъ образованіемъ профессій, а другой перемѣшеніемъ труда.

Что касается прежде всего образованія профессій, то эта форма, собственно говоря, должна быть поставлена впереди всѣхъ остальныхъ. Ибо ее мы встрѣчаемъ въ началѣ всякаго народно-хозяйственнаго развитія. Чтобы уразумѣть ее, нужно вспомнить, что до возникновенія народнаго хозяйства всѣ народы пережили періодъ домашняго хозяйства, въ продолженіе котораго всѣ потребности семьи удовлетворялись трудомъ ея членовъ. Трудъ этотъ различнымъ образомъ распредѣлялся между членами семьи сообразно возрасту, полу, физическимъ силамъ, отношенію къ главамъ семейства, но это раздѣленіе труда не носило экономического характера; его дѣйствіе ограничивалось одной семьей, не связывало этой семьи съ другими, не служило основаніемъ для образованія общественныхъ классовъ. Поэтому на этой ступени хозяйства хотя и имѣется сельско-хозяйственная и промышленная техника, но нѣтъ ни сельскаго хозяйства, ни ремесла, ни торговли какъ отдѣльныхъ отраслей хозяйства, нѣтъ также ни крестьянъ, ни промышленниковъ, ни купцовъ какъ соціально-профессіональныхъ группъ.

Это положеніе мѣняется, какъ только изъ многосторонняго хозяйства начинаютъ выдѣляться нѣкоторыя работы и становиться

объектомъ особой профессіи, источникомъ спеціального заработка. Явленіе это подготавливается тѣмъ раздѣленіемъ труда въ крупныхъ рабовладѣльческихъ и крѣпостныхъ хозяйствахъ, о которомъ была рѣчь въ третьемъ очеркѣ. Обособившаяся отъ замкнутаго домашняго хозяйства и превратившаяся въ особую профессію функція представляетъ либо цѣлый процессъ производства, какъ напримѣръ, гончарное производство, либо одинъ отдѣлъ его, какъ напримѣръ, валяніе сукна, помолъ зерна ⁴⁾, либо какой-нибудь родъ личныхъ услугъ, какъ напримѣръ, врачеваніе ранъ. Чаще, однако, образованіе профессій происходитъ засчетъ производительной части домашнихъ хозяйственныхъ задачъ, и послѣднія въ теченіе вѣковъ все болѣе отдѣляются въ область потребленія. Съ другой стороны, возникаютъ новыя отрасли промышленности и ремесла, число которыхъ, благодаря спеціализаціи и раздѣленію производства, увеличивается до безконечности.

Было бы ошибочно думать, что процессъ образованія профессій, начавшійся еще въ раннее средневѣковье, уже давно завершился. Еще и теперь постоянно отдѣляются части домашняго хозяйства — медленно въ деревнѣ, быстрѣе въ городахъ — и въ каждой городской адресной книгѣ можно найти цѣлый рядъ самостоятельныхъ промысловъ, возникшихъ лишь за послѣднія двадцать лѣтъ путемъ выдѣленія изъ сферы дѣятельности прежняго домашняго хозяйства.

Конечно, не слѣдуетъ полагать, что всякое возникновеніе новыхъ профессій, не произошедшее путемъ спеціализаціи или раздѣленія производства, должно быть сведено къ раздѣленію труда между домашнимъ хозяйствомъ и новыми промыслами. Фабрика велосипедовъ, гальванизаціонное учрежденіе, электрическая станція, заводъ для приготовленія искусственнаго льда, фотографія — все это промышленныя учрежденія, которыя обязаны своимъ возникновеніемъ не раздѣленію труда, а появленію новыхъ предметовъ потребленія. Въ виду этого они должны быть исключены изъ нашего разсмотрѣнія. Однако и они не находятся внѣ воздѣйствія раздѣленія труда, ибо съ самаго начала должны приспособиться къ обусловленнымъ имъ формамъ производства.

Между этимъ явленіемъ и тѣмъ, которое мы выше обозначили

---

⁴⁾ Въ этомъ случаѣ образованіе профессіи совпадаетъ съ раздѣленіемъ производства.

какъ перемѣщеніе труда, существуетъ только вышнее сходство. Последнее имѣетъ мѣсто при изобрѣтеніи новыхъ машинъ и другихъ орудій производства. Раздѣленіе труда проявляется здѣсь слѣдующимъ образомъ.

Введеніе вновь изобрѣтенной машины въ какой-нибудь отрасли производства ведетъ къ измѣненію существовавшей въ ней организаціи труда. Обыкновенно машина беретъ на себя лишь отдѣльныя движенія, которыя до того совершались человѣческой рукой, и возможно, что послѣ введенія новой машины въ данномъ предпріятіи все измѣненіе выразится въ томъ, что рабочій, производившій эти движенія, теперь приставленъ къ машинѣ, которая требуетъ отъ него иныхъ движеній. Такъ, напримѣръ, послѣ введенія швейной машины, рабочій въ портняжной мастерской работаетъ рукой и ногой, тогда какъ прежде онъ работалъ только рукой, да и то иначе.

Однако въ изготовленіи одежды и прежде, кромѣ портного, принимали участіе много другихъ лицъ. Во 1-хъ, производители матеріала, изъ котораго работаетъ портной: производитель шерсти, прядильщикъ, ткачъ, красильщикъ и т. п. Во 2-хъ, производители употребляемыхъ портнымъ орудій: фабрикантъ иглокъ, кузнецъ, изготовляющій ножницы, и многіе другіе. Всѣ эти производители продолжаютъ свою дѣятельность и послѣ введенія швейной машины. Но къ нимъ присоединяется еще новый: фабрикантъ машинъ, или даже — въ виду того, что при производствѣ машины имѣетъ мѣсто расчлененіе труда — цѣлый рядъ новыхъ производителей: слесарь-машинистъ, литейщикъ, токарь по металлу, модельщикъ, monterъ, лакировщикъ и т. п. Если обозрѣть весь процессъ производства платья въ цѣломъ, то оказывается, что часть общей работы перемѣщена изъ болѣе поздней стадіи въ болѣе раннюю, часть труда портного перенесена изъ портняжной мастерской на машинную фабрику.

Весь этотъ процессъ типиченъ и несомнѣнно обнаруживаетъ черты раздѣленія труда. Терминъ „перемѣщеніе труда“ слѣдуетъ понимать въ смыслѣ времени и мѣста. Въ смыслѣ мѣста перемѣщеніе труда означаетъ перенесеніе части труда изъ одного предпріятія въ другое; въ отношеніи времени оно является замѣной непосредственнаго труда трудомъ предварительнымъ, перенесеніемъ части труда, прилагавшагося прежде въ производствѣ самого пред-

мета, на изготовленіе орудій производства. При этомъ вовсе не требуется, чтобы возникло новое хозяйство (предпріятіе), спеціально производящее этотъ новый инструментъ; изготовленіе его — на примѣръ, швейной машины — можетъ быть также выполнено существующими машиностроительными заводами. Сущность разсматриваемаго явленія заключается лишь въ томъ, что новый способъ производства платья требуетъ большого числа различныхъ приемовъ, а слѣдовательно, и большого числа рабочихъ силъ.

Мы-познакомились такимъ образомъ съ пятью различными видами экономическихъ явленій, которые всеѣ подходятъ подъ понятіе труда, и всеѣ еще могутъ быть ежедневно наблюдаемы въ настоящее время. Этимъ однако еще очень мало сказано объ ихъ относительномъ значеніи въ современной экономической жизни. Ибо экономическая жизнь представляетъ собою продуктъ продолжительнаго процесса развитія, и если смотрѣть на нее глазами историка, то повсюду старое окажется рядомъ съ новымъ, первое — выступая скромно, второе — съ широко развернувшейся сферой дѣятельности. Человѣчество на длинномъ пути своемъ отъ изолированнаго хозяйства къ социальному постоянно искало и находило новыя формы организациі труда. Но оно при этомъ не покидало старыхъ и не покинетъ ихъ, пока они не сыграютъ своей роли до конца. Ибо и здѣсь имѣетъ силу великій экономическій принципъ: ничто не пропадаетъ, что хоть гдѣ либо можетъ быть примѣнено съ пользой.

Это относится и къ различнымъ формамъ раздѣленія труда. Если даже расчлененіе и перемѣщеніе труда по значенію своему въ настоящее время и превосходятъ спеціализацію и раздѣленіе производства, а образованіе профессій, какъ форма раздѣленія труда, почти не играетъ роли, то все же ни одинъ изъ этихъ принциповъ хозяйственной организациі не исчезъ олончательно, а продолжаетъ оказывать свое дѣйствіе тамъ, гдѣ онъ можетъ имѣть еще значеніе.

Въ исторіи хозяйства у каждаго изъ нихъ свой періодъ господства. Образованіе профессій относится къ періоду ранняго средневѣковья; развитіе спеціализаціи совпадаетъ съ расцвѣтомъ городовъ. Одновременно начинается раздѣленіе производства; однако въ полной силѣ оно обнаруживается лишь въ эпоху капи-

талистическаго хозяйства послѣ появленія расчлененія и перемѣшенія труда, которыя врядъ ли возникаютъ ранѣе XVII вѣка.

Я весьма сожалѣю, что не имѣю возможности подробно объяснить, чѣмъ обусловливалось появленіе каждаго изъ этихъ видовъ раздѣленія труда, а равно изложить причины и слѣдствія ея появленія. Сожалѣю особенно потому, что лишь въ этомъ предпринимаемое мною болѣе строгое разграниченіе отдѣльныхъ формъ можетъ найти себѣ полное оправданіе, и только этимъ путемъ абстрактное разсмотрѣніе проблемы раздѣленія труда можетъ быть вполне опровергнуто. Тѣмъ не менѣе я долженъ коснуться въ немногихъ словахъ причинъ и послѣдствій раздѣленія труда. Ибо различіе упомянутыхъ пяти видовъ его не имѣло бы никакого научнаго значенія и явилось бы празднымъ мудрствованіемъ, если бы всѣ они находились въ одинаковой причинной связи съ прочими экономическими явленіями.

Адамъ Смитъ всякое раздѣленіе труда выводитъ изъ одного и того же источника—прирожденной человѣку склонности къ обмѣну, причемъ остается невыясненнымъ, дѣйствуетъ ли эта склонность инстинктивно, или на основаніи сознательнаго размышленія. Онъ не даетъ такимъ образомъ точнаго психологическаго анализа хозяйственной дѣятельности и удовлетворяется тѣмъ, что погружаетъ корни раздѣленія труда въ туманную глубину инстинктивной жизни.

Этимъ однако онъ самъ впадаетъ въ противорѣчіе съ приводимыми имъ же примѣрами. Если раздѣленіе труда вытекаетъ изъ присущаго человѣку инстинкта, то оно представляетъ абсолютную категорію. Последняя должна проявлять свое дѣйствіе во всѣ времена и повсюду, гдѣ имѣются люди. Между тѣмъ примѣры Адама Смита всегда рядомъ съ состояніемъ раздѣленія труда изображаютъ состояніе, гдѣ раздѣленіе труда отсутствуетъ, и первое выводится изъ послѣдняго. Этого требуетъ уже динамическій характеръ слова „дѣленіе“. И дѣйствительно, какъ мы уже знаемъ, состояніе безъ экономическаго раздѣленія труда существовало много столѣтій, и время возникновенія отдѣльныхъ его видовъ можно даже опредѣлить довольно точно. Слѣдовательно, раздѣленіе труда есть вообще категорія историческая, а не элементарное хозяйственное явленіе.

То же слѣдуетъ сказать и относительно обмѣна. Подобно тому, какъ существовали періоды безъ экономическаго раздѣленія труда,

были періоды и безъ обмѣна. Первые случаи обмѣна появляются не одновременно съ раздѣленіемъ труда, а значительно ранѣе. Они служатъ для того, чтобы уравнивать между собой излишки и недостачи въ общемъ автономныхъ хозяйствъ. Обмѣнъ является здѣсь чѣмъ-то случайнымъ, а не вытекающимъ изъ существа хозяйства. И даже тогда, когда съ образованіемъ профессій начинается раздѣленіе труда, оно принимаетъ такія формы, въ которыхъ замѣтно стремленіе по возможности исключить обмѣнъ. Хозяйка прежняго времени мелеть изъ собственнаго зерна муку на ручной мельницѣ и изъ своей муки сама же печетъ хлѣбъ. Съ образованіемъ профессій мельника и пекаря зерно дается мельнику на помоль, а затѣмъ мука передается пекарю для изготовленія хлѣба. Отъ момента полученія сырого матеріала до момента окончательнаго изготовленія продукта послѣдній ни разу не мѣняется своего владѣльца. За свой трудъ мельникъ и пекарь удерживаютъ часть произведеннаго ими продукта. Это единственный моментъ въ этомъ основанномъ на раздѣленіи труда производствѣ, нѣсколько напоминающій обмѣнъ.

Изъ этого видно, что приведенное Смитомъ якобы инстинктивное стремленіе человѣка къ обмѣну не есть объясненіе, а скорѣе—оговорка. Мы не будемъ вдаваться въ подробности относительно этого пункта, тѣмъ болѣе, что въ этомъ отношеніи новѣйшіе экономисты не послѣдовали за своимъ англійскимъ учителемъ. Они скорѣе склонны разсматривать обмѣнъ какъ необходимое послѣдствіе раздѣленія труда, и мы можемъ признать это правильнымъ — съ оговоркой, что обмѣнъ становится необходимостью съ того момента, когда производитель дѣлается вмѣстѣ съ тѣмъ и собственникомъ всѣхъ средствъ производства. Тогда онъ является необходимымъ элементомъ каждаго хозяйства, и съ этого времени всякій шагъ впередъ въ отношеніи раздѣленія труда увеличиваетъ число необходимыхъ мѣновыхъ сдѣлокъ. Однако, отъ перваго проявленія раздѣленія труда до наступленія этой ступени развитія опять-таки проходятъ столѣтія. Даже въ настоящее время такое, напримѣръ, положеніе вещей, при которомъ мельникъ является собственникомъ зерна, а пекарь собственникомъ муки, и хлѣбъ поэтому можетъ дойти до потребителя лишь путемъ троекратнаго обмѣна—для деревни вовсе не является общимъ правиломъ.

Если, такимъ образомъ, при экономическомъ процессѣ развитія

раздѣленія труда обмѣнъ составляетъ только вторичный моментъ, то мы поневолѣ принуждены искать другой мотивировки для человѣческихъ дѣйствій, направленныхъ къ установленію раздѣленія труда.

Тѣмъ самымъ мы снова подходимъ къ основнымъ чертамъ хозяйственной жизни: къ безграничности человѣческихъ потребностей и ограниченности средствъ для удовлетворенія ихъ. Человѣческія потребности увеличиваются и утончаются безпредѣльно; по мѣрѣ культурнаго развитія онѣ растутъ какъ въ силѣ, такъ и въ объемѣ. Матерія же, которою человѣкъ располагаетъ для своихъ цѣлей, ограничена, какъ ограничены и его силы, превращающія эту матерію въ цѣнности и увеличивающія ея запасъ. Съ ростомъ народонаселенія отношеніе между общимъ количествомъ потребностей и количествомъ годнаго для хозяйственныхъ цѣлей сырого матеріала, имѣющагося въ природѣ, становится все менѣе благоприятнымъ. Для производства необходимыхъ продуктовъ количество труда должно быть увеличено по двумъ причинамъ: во 1-хъ потому, что необходимо произвести больше продуктовъ и лучшаго качества, во 2-хъ потому, что они должны производиться при менѣе благоприятныхъ условіяхъ. Количество труда, падающаго на каждого, участвующаго въ производствѣ, должно было бы возрасти въ концѣ концовъ до невозможныхъ размѣровъ, если бы путемъ экономической организаціи приложенія труда не удалось его сократить.

Уже простое наблюденіе показываетъ, что не каждый человѣкъ по своимъ природнымъ качествамъ одинаково годенъ для всякой работы. Различіе въ физическихъ и умственныхъ способностяхъ людей обуславливаетъ и существенную разницу въ результатахъ ихъ труда и, съ развитіемъ общественной жизни или, что то же, съ увеличеніемъ разнообразія трудовыхъ задачъ, приобретаетъ все большее значеніе. Принципъ хозяйственности требуетъ, чтобы каждый былъ занятъ работой, соответствующей его способностямъ, ибо только такимъ образомъ достигается наибольшая производительность его труда. Человѣкъ же тѣмъ легче найдетъ себѣ надлежащее мѣсто, чѣмъ многочисленнѣе подлежащія выполненію операціи.

Рука объ руку съ умноженіемъ этихъ задачъ происходитъ и ихъ упрощеніе. Всякая сложная работа сводится для производящаго

ее къ частой смѣнѣ движеній, а всякая смѣна послѣднихъ вызываетъ излишнюю трату силъ. Ибо при переходѣ отъ одного рода движеній къ другому, необходимо умственное и физическое приспособленіе къ новому виду труда—слѣдовательно, непроизводительная трата силъ. При равномѣрно же совершаемыхъ мышечныхъ движеніяхъ, напротивъ, умственный элементъ можетъ быть совершенно исключенъ изъ участія въ работѣ, и послѣ нѣкотораго приспособленія наступаетъ автоматическое выполненіе движеній, причемъ, по мѣрѣ навыка, моментъ утомленія отодвигается все далѣе. вмѣстѣ съ тѣмъ при такихъ автоматическихъ работахъ можетъ достигнута высокая степень и интенсивность ихъ, такъ что увеличивается не только продолжительность работы, но и количество движеній, падающихъ на единицу времени, влѣдствіе чего производительность труда значительно возрастаетъ ⁵⁾.

Все это приводитъ къ необходимому, вытекающему изъ принципа хозяйственности, требованію упрощенія трудовыхъ задачъ, съ той цѣлью, чтобы использовать способности всякаго рода и избѣгать всякой непроизводительной траты силъ. Но большая часть процессовъ производства обнимаетъ собой самые разнообразные элементы труда: ручной и умственный трудъ, операціи, требующія большой физической силы, наряду съ такими, при которыхъ важна ловкость пальцевъ, тонкость чувствъ, острота зрѣнія; работы, для выполненія которыхъ необходимо предварительное обученіе и опытность, и такія, которыя могутъ быть произведены каждымъ. Въ прежнія эпохи, когда всѣ эти виды труда соединялись въ однихъ и тѣхъ же рукахъ, широко расточались квалифицированныя рабочія силы, и производительную часть населенія составляли лишь тѣ, кто владѣлъ какой-либо техникой производства во всѣхъ ея частяхъ. Благодаря раздѣленію труда, при которомъ разъединяются различные по своему качеству элементы труда, представляется возможнымъ использовать какъ самыя крупныя, такъ и самыя мелкія рабочія силы и является побужденіе къ выработкѣ высшей сноровки въ той или другой спеціальности.

Такимъ образомъ, раздѣленіе труда есть въ концѣ концовъ не что иное, какъ одинъ изъ тѣхъ процессовъ приспособленія, ко-

---

⁵⁾ Подробно объ этомъ въ „Arbeit und Rhythmus“ стр. 22 и сл. (Русск. перев.—стр. 12 и слѣд.).

которые играют столь важную роль въ исторіи развитія всего живого міра: приспособленіе трудовыхъ задачъ къ разнообразію человѣческихъ силъ, приспособленіе рабочихъ силъ къ трудовымъ задачамъ, непрерывная дифференціація тѣхъ и другихъ. И тѣмъ самымъ весь процессъ изъ полумрака инстинктивной жизни выносятся на яркій свѣтъ сознательныхъ человѣческихъ дѣйствій.

Необходимо однако отмѣтить здѣсь еще одно обстоятельство, а именно: индивидуальный моментъ при возникновеніи раздѣленія труда выступаетъ тѣмъ яснѣе, чѣмъ далѣе мы заходимъ назадъ въ исторіи человѣчества. Поэтому на болѣе раннихъ ступеняхъ развитія преобладаютъ такія формы раздѣленія труда, при которыхъ индивиду отводится самостоятельная жизненная задача, выполняемая безъ особыхъ вспомогательныхъ матеріальныхъ средствъ. Ранѣе всѣхъ обособляются въ профессіи преимущественно духовныя и художественныя функціи. Жрецъ, прорицатель, врачъ, кудесникъ, пѣвецъ, танцовщикъ, какъ носители особыхъ дарованій, прежде всего выдѣляются въ качествѣ самостоятельныхъ профессій.

Во время существованія системы подневольнаго труда раздѣленіе труда прежде всего развивается среди рабовъ подъ влияніемъ одного почти не отмѣченнаго до сихъ поръ момента моральнаго свойства. Тамъ, гдѣ нельзя было примѣнить систему находящагося подъ надзоромъ опредѣленныхъ лицъ сотрудничества, господинъ вынужденъ былъ опредѣлить каждому невольнику особый кругъ обязанностей, за который послѣдній являлся отвѣтственнымъ; чтобы извлечь изъ него пользу, онъ долженъ былъ отвести ему одному особый родъ труда. Отсюда хитроумная спеціализація у римлянъ въ *familia urbana* ⁶⁾, тщательный подборъ рабовъ по ихъ тѣлеснымъ и духовнымъ качествамъ для различныхъ сельско-хозяйственныхъ работъ ⁷⁾; отсюда же столь частое въ средніе вѣка установленіе натурального оброка съ крѣпостныхъ въ опредѣлен-

⁶⁾ См. выпускъ первый, стр. 91.

⁷⁾ Срви. объ этомъ тонкія замѣчанія у Columella 1, 9: *Sed et illud censeo, ne confundantur opera familiae, sic ut omnes omnia exsequantur; nam id minime conducit agricolae, seu quia nemo suum proprium aliquod esse opus credit, seu quia, cum enisus est, non suo sed communi officio proficit ideoque labori multum se subtrahit; nec tamen viritum malefactum deprehenditur, quod fit a multis etc.*

ныхъ продуктахъ домашняго производства ⁸⁾). Тотъ, кто въ рабовладѣльческомъ хозяйствѣ исполнялъ исключительно роль полевого работника или кузнеца, бработрѣя или писаря, а въ барщинномъ хозяйствѣ долженъ былъ поставлять въ усадьбы исключительно бочки, миски, ножи или холеть, приобрѣталъ въ этихъ работахъ особую споровку, съ которой онъ, когда наступилъ часъ свободы, вошелъ въ общество въ качествѣ профессиональнаго работника. Такимъ образомъ, индивидуальное опредѣленіе подлежащей выполненію задачи, вызываемое въ замкнутомъ домашнемъ хозяйствѣ экономіей подневольнаго труда, и обусловленная этимъ спеціализація заключаетъ въ себѣ зародышъ общественнаго раздѣленія труда на послѣдующихъ ступеняхъ развитія.

Лишь значительно позже при раздѣленіи труда, наряду съ индивидуальнымъ моментомъ способностей и приспособленія, получаетъ значеніе и моментъ матеріальнаго свойства ⁹⁾). Подобно людямъ дифференцируются и вещи: орудія, сырые матеріалы, готовые продукты. Каждый успѣхъ въ области раздѣленія труда вызываетъ необходимость соотвѣтствующаго приспособленія существующихъ орудій и машинъ или созданія новыхъ. Стоитъ только вспомнить безчисленные виды молотовъ, щипцовъ, рѣзцовъ, употребляемыхъ въ различныхъ отрасляхъ металлической и деревообрабатывающей промышленности. Подобно дифференціаціи людей при раздѣленіи труда происходитъ и дифференціація орудій, въ зависимости отъ характера работы. Но до тѣхъ поръ, пока орудіе служитъ лишь для усиленія человѣческихъ органовъ, рѣшающимъ въ процессѣ раздѣленія труда является индивидуальное приспособленіе. И лишь съ момента изобрѣтенія такихъ искусственныхъ аппаратовъ, благодаря которымъ въ распоряженіе чловѣка поступаютъ силы природы, орудіе производства приобрѣтаетъ

⁸⁾ Факты см. въ вып. перв., стр. 95 и слѣд.

⁹⁾ Для пониманія дальнѣйшаго срвн. гл. IX „Arbeit und Rythmus“ (Русск. пер.—гл. V, стр. 87 и слѣд.). Насколько въ средневѣковомъ городскомъ хозяйствѣ преобладалъ въ раздѣленіи труда индивидуальный моментъ, можно видѣть изъ условій приѣма въ цехъ. Въ отношеніи ремесла поступающему ставятся только требованія личнаго характера (умѣніе самостоятельно производить промыселъ); требованіямъ матеріальнаго свойства вновь поступающій долженъ удовлетворять только въ качествѣ гражданина (владѣніе домомъ, вооруженіемъ!) и христіанина (вступительный взносъ въ видѣ извѣстнаго количества воска).

власть какъ надъ его тѣлесными движеніями, такъ и надъ его соціальной индивидуальностью. И толчокъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ въ области раздѣленія труда можетъ уже затѣмъ исходить равнымъ образомъ какъ отъ изобрѣтенія новаго орудія, такъ и отъ обладанія или пріобрѣтенія особыхъ личныхъ качествъ. Большинство вновь изобрѣтенныхъ машинъ требуютъ, для пользованія ими, рабочихъ такого качества, какихъ ранѣе въ предпріятіи не было. Въ связи съ этимъ выступаетъ капиталистическій моментъ экономіи расходовъ съ расширеніемъ размѣровъ производства—однако при условіи объединенія и концентраціи спроса, дѣлающаго массовое производство, которое технически, быть можетъ, уже давно было возможно, экономически осуществимымъ. Нѣкоторыя работы (вспомнимъ, напримѣръ, окраску, шлифовку, сушку, пересылку писемъ по почтѣ) вызываютъ одинаковые расходы независимо отъ того, имѣется ли малое или большое количество объектовъ. Если удастся организовать производство такимъ образомъ, что масса подлежащихъ такой обработкѣ сырыхъ матеріаловъ и полуфабрикатовъ скопляется въ опредѣленныхъ мѣстахъ, то наемъ особыхъ рабочихъ въ этихъ случаяхъ становится выгоднымъ и приводитъ къ значительному сокращенію издержекъ производства.

Насколько при такого рода процессахъ соціальные принципы связанности труда съ одной стороны, и свободной конкуренціи съ другой, дѣйствуютъ благотворно или неблагоприятно, — здѣсь не мѣсто выяснять. Мы только предостерегаемъ отъ разсмотрѣнія и критики этихъ вопросовъ исключительно съ точки зрѣнія условій современной промышленности. Раздѣленіе труда простирается далеко за предѣлы матеріальнаго міра; въ новѣйшее время имъ сдѣланы, особенно въ области умственнаго труда, такіе успѣхи, равныхъ которымъ врядъ ли можно указать въ области промышленной техники; мало того, во многихъ случаяхъ первые являются непосредственными причинами и поводами послѣднихъ. Въ обширной же области, лежащей за предѣлами матеріальнаго производства, вещественныя средства труда не играютъ существенной роли; здѣсь въ процессѣ раздѣленія труда рѣшающимъ всегда является моментъ индивидуальный, за которымъ мы и вообще должны признать главное значеніе въ этомъ великомъ культурно-историческомъ явленіи. Ничего больше, однако, объ общихъ причинахъ возникновенія раздѣленія труда мы ска-

зять не можемъ. Что же касается тѣхъ особыхъ условій, подъ влияніемъ которыхъ возникаютъ отдѣльные его виды и формы, то о нихъ вкратцѣ указано будетъ въ другомъ мѣстѣ.

Точно также лишь вскользь можемъ мы здѣсь коснуться экономическихъ послѣдствій раздѣленія труда, хотя именно въ этомъ отношеніи отдѣльные его формы расходятся особенно сильно.

Адамъ Смитъ знаетъ только одинъ результатъ раздѣленія труда: возрастаніе производительности труда. Онъ ограничиваетъ такимъ образомъ влияніе раздѣленія труда одной лишь сферой производства. И въ этомъ отношеніи онъ совершенно правъ: раздѣленіе труда даетъ возможность произвести при извѣстной затратѣ рабочей силы продукты въ большемъ количествѣ и лучшаго качества, чѣмъ это возможно при отсутствіи раздѣленія труда. Производство удешевляется; издержки, поскольку онѣ касаются платы за трудъ, уменьшаются. А такъ какъ для Адама Смита трудъ являлся истиннымъ мѣриломъ мѣрною цѣнности, то онъ могъ избѣгать дальнѣйшаго вопроса: при всѣхъ ли условіяхъ раздѣленіе труда обезпечиваетъ болѣе дешевое удовлетвореніе потребителя?

Сколь ни узокъ такой взглядъ, онъ все же, безъ сомнѣнія, болѣе основателенъ, чѣмъ то крайне преувеличенное представленіе о влияніи раздѣленія труда, которое мы находимъ у новѣйшихъ экономистовъ ¹⁰⁾, выводящихъ весь современный хозяйственный строй непосредственно изъ раздѣленія труда и полагающихъ, что его можно даже охарактеризовать терминомъ: „хозяйство, основанное на раздѣленіи труда“. При этомъ они исходятъ изъ представленія о томъ, что важнѣйшія экономическія явленія въ ихъ современной формѣ и дѣйствиіи опредѣляются раздѣленіемъ труда, что созданная имъ широко развитая профессиональная спеціализація образуетъ какъ бы скелетъ хозяйственного организма, тогда какъ обмѣнъ представляетъ связки и мышцы, скрѣпляющія его и заставляющія его функционировать, на подобіе огромнаго живого тѣла. Обмѣнъ, по ихъ мнѣнію, непосредственно обусловливается раздѣленіемъ труда, которое будто бы является его причиной.

---

¹⁰⁾ На этой точкѣ зрѣнія стоятъ и теперь еще Schmoller: Grundriss der allg. Volkswirtschaftslehre I (Leipzig, 1900), стр. 364 и сл.

Въ этомъ кроется большое заблужденіе. Раздѣленіе труда само по себѣ еще не вызываетъ обмѣна, и точно такъ же, наоборотъ, можно легко представить себѣ общество, въ которомъ нѣтъ раздѣленія труда, но сравнительно богато развитъ обмѣнъ.

Чтобы разъяснить, прежде всего, послѣднее положеніе, напомнимъ, что народы, въ общемъ находящіеся еще на ступени замкнутаго домашняго хозяйства, все же могутъ имѣть довольно значительный (возмездный или безвозмездный) обмѣнъ продуктовъ, если, вслѣдствіе большой неравномѣрности въ распредѣленіи природныхъ богатствъ или незначительности отдѣльныхъ хозяйствъ, ощущается въ немъ потребность. Каждый домъ и каждая рабочая сила производятъ здѣсь на основаніи принципа соединенія труда все, что позволяютъ естественныя условія мѣстности. Обмѣнъ заполняетъ только пробѣлы собственнаго производства, его объектомъ являются только избытки автономныхъ хозяйствъ. Чѣмъ слабѣе каждое отдѣльное хозяйство, чѣмъ чаще, — вслѣдствіе неблагоприятныхъ климатическихъ условій, падежа скота, порчи запасовъ, болѣзней членовъ семьи, — ощущается недостатокъ въ отдѣльныхъ предметахъ, тѣмъ чаще приходится привлекать избытки изъ другихъ хозяйствъ и давать въ обмѣнъ за нихъ излишки своего.

Такъ, у негритянскихъ племенъ Центральной Африки мы находимъ большое количество еженедѣльныхъ рынковъ, устраиваемыхъ нерѣдко среди дѣвственнаго лѣса подъ покровительствомъ особыхъ постановленій о мирѣ. Между тѣмъ у нихъ не найдется ни одного профессиональнаго ремесла и совершенно отсутствуетъ какое бы то ни было раздѣленіе труда, развѣ только за исключеніемъ раздѣленія всей сферы труда между различными полами. То же наблюдалось въ различныхъ чатяхъ Океаніи, и нужно полагать, что и въ западно-европейскихъ странахъ въ раннее средневѣковье существовалъ довольно оживленный рыночный обмѣнъ при совершенномъ отсутствіи раздѣленія труда.

Съ другой стороны, какъ мы уже указывали, на той же ступени домашняго хозяйства можетъ имѣть мѣсто раздѣленіе труда несмотря на то, что нѣтъ обмѣна, — въ томъ именно случаѣ, когда, благодаря рабству или крѣпостничеству, создаются хозяйства, заключающія въ себѣ большое число людей. Въ хозяйствахъ богатыхъ римлянъ и средневѣковыхъ помѣщиковъ имѣлись работники весьма разнообразнаго характера — вѣроятно, даже такіе, которые работали

по принципу расчлененія труда; между тѣмъ обмѣнъ не связывалъ ихъ ни между собой, ни съ потребителями ихъ продуктовъ. Связующимъ звеномъ между ними являлась власть главы хозяйства, которою этотъ послѣдній обязанъ былъ при господствѣ рабства—владѣнію рабами, а при крѣпостничествѣ—владѣнію землей. Организованное такимъ образомъ хозяйство представляетъ прочную производительную и потребительную единицу; то, что ею производится, ею же и потребляется; мало того, раздѣленіе труда даже является для нея какъ бы желаннымъ средствомъ для избѣжанія обмѣна.

Въ такого рода крупныхъ хозяйствахъ готовится профессиональное раздѣленіе труда, возникающее на слѣдующей ступени хозяйственного развитія. Оно отрываетъ часть людей отъ земли, на владѣніи которою до того времени исключительно покоилось ихъ существованіе. Оно создаетъ рядомъ съ крестьянствомъ и городскіе промыслы. Специализація увеличиваетъ источники заработка; она какъ бы образуетъ рамку, внутри которой развивается искусность въ области физическаго труда. Таково же ближайшее вліяніе и раздѣленія производства. Всѣ эти три вида раздѣленія труда вмѣстѣ взятые, конечно, въ состояніи создать „хозяйство, основанное на раздѣленіи труда“, но это не будетъ еще народное хозяйство, ибо въ немъ еще отсутствуетъ обращеніе продуктовъ.

Весь совершающійся до этого момента процессъ раздѣленія труда происходитъ, какъ мы знаемъ, такимъ образомъ, что отъ замкнутаго домашняго хозяйства землевладѣльца отдѣляются нѣкоторыя рабочія силы и предоставляютъ свой трудъ въ распоряженіе другихъ хозяйствъ въ формѣ работы на заказъ. Хотя они и являются профессиональными работниками, живущими своей профессіей, однако сырой матеріалъ, обрабатываемый ими, принадлежитъ тому, кто намѣренъ воспользоваться продуктомъ ихъ труда. Но бываютъ случаи, что въ одномъ и томъ же производствѣ до окончательнаго изготовленія продукта принимаютъ участіе нѣсколько такихъ работниковъ на заказъ, какъ, на примѣръ, при производствѣ хлѣба — мельникъ и пекарь, или при производствѣ платья — ткачъ, красильщикъ и портной. Технически всѣ эти самостоятельно работающіе специалисты связаны между собой продуктомъ, который въ различныхъ стадіяхъ производства

попадаетъ имъ въ руки. Каждый изъ нихъ продолжаетъ работу другого. Экономическая связь между ними создается чрезъ посредство собственника сырого матеріала, который большею частью самъ его добываетъ и къ которому, въ концѣ концовъ, возвращается готовый продуктъ,—иначе говоря: чрезъ потребителя. Средство же, благодаря которому послѣдній въ состояніи заставить работать на себя всѣхъ этихъ различныхъ производителей, заключается въ уплачиваемой имъ заработной платѣ. Въ этой уплатѣ состоитъ и единственный мѣновой актъ, существующій при этой формѣ раздѣленія труда.

При постройкѣ новаго дома нанимаются за плату поочередно каменщикъ, плотникъ, кровельщикъ, стекольщикъ, столяръ, слесарь, штукатуръ, которымъ выдается необходимый для ихъ работы матеріалъ. Вещественнымъ средоточіемъ для нихъ является новая постройка, личнымъ звеномъ—ея хозяйинъ. Послѣдній какъ бы связываетъ ихъ во временную производительную единицу. Но связь эта непрочна, измѣнчива и не ведетъ къ образованію постоянной хозяйственной организаціи; сегодня они служатъ одному, завтра другому лицу, строящему домъ. При этомъ раздѣленіи труда производители не завязаны въ социальномъ отношеніи ни другъ отъ друга, ни отъ предпринимателя. Они остаются самостоятельными „мастерами“.

Это положеніе почти не измѣняется и тогда, когда работникъ на заказъ (Lohnwerker) превращается въ ремесленника, обрабатывающаго собственный матеріалъ (Handwerker). Телѣга, напримѣръ, заказывается у каретника, затѣмъ ее отдаютъ кузнецу для обивки и красильщику для окраски. Каретникъ доставляетъ дерево, кузнецъ — желѣзо, красильщикъ — краску. Получаемая ими плата включаетъ только цѣну затраченнаго ими матеріала и вознагражденіе за трудъ. Руководителемъ же производства по прежнему является потребитель произведеннаго при раздѣленіи труда продукта.

Какъ мы видимъ, во всѣхъ старыхъ формахъ раздѣленія труда господствуетъ ясное стремленіе ограничить число мѣновыхъ актовъ безусловно необходимымъ. Въ центрѣ всѣхъ возникшихъ влѣдствіе раздѣленія труда профессій находится домашнее хозяйство, изъ котораго онѣ произошли, съ его древнимъ, лишь медленно исчезающимъ, сотрудничествомъ. И даже на ступени городского

хозяйства его еще связывают крѣпкія и весьма короткія нити съ отдѣльными промышленными предпріятіями и профессиональными работниками, вызванными къ жизни образованіемъ профессій, спеціализаціей и раздѣленіемъ производства. Они принимаютъ заказы отъ своихъ кліентовъ и исполняютъ ихъ; нерѣдко они даже образуютъ съ кліентами временную, на время выполненія заказа, потребительную единицу (отхожій промыселъ).

На ступени народнаго хозяйства потребитель все болѣе удаляется отъ той роли, которую онъ игралъ въ теченіе столѣтій— роли руководителя и объединителя раздѣленнаго на части производства. Теперь эти функціи сами превращаются въ профессию; но ею можетъ самостоятельно заниматься лишь тотъ, въ чьихъ рукахъ находятся вмѣстѣ съ тѣмъ орудія производства (по крайней мѣрѣ, оборотный капиталъ), т. е. капиталистъ. Послѣдній, въ виду двойной задачи, на него такимъ образомъ возложенной (доставленія капитала и руководства производствомъ) — называется также предпринимателемъ.

Въ его рукахъ раздѣленіе труда совершенно измѣняетъ свой характеръ. Что касается раздѣленія производства, то каждый работникъ, производящій часть продукта, передаетъ своему преемнику по производству продукты, изготовленные имъ изъ собственнаго матеріала. Продукты являются для каждаго источникомъ дохода, оборотнымъ капиталомъ. Такимъ образомъ, рядомъ съ обмѣномъ готовыхъ продуктовъ, возникаетъ послѣдовательный обмѣнъ продуктовъ болѣе раннихъ ступеней производства или полуфабрикатовъ, съ тою лишь цѣлью, чтобы связать отдѣльныя ступени раздѣленія труда. Этотъ обмѣнъ носитъ совершенно иной характеръ, чѣмъ тотъ, который былъ прежде единственно необходимымъ — именно между потребителемъ и различными производителями. Въ послѣднемъ случаѣ онъ, по крайней мѣрѣ для пріобрѣтателя продукта, является чисто потребительнымъ обмѣномъ, при которомъ продуктъ имѣетъ для него значеніе только какъ предметъ потребления; первая же форма обмѣна составляетъ какъ для продавца, такъ и для покупателя каждый разъ актъ важивы, при которомъ обмѣниваемый продуктъ имѣетъ значеніе не столько въ качествѣ предмета потребления, сколько въ качествѣ капитала, въ качествѣ источника прибыли. При вновь возникающихъ формахъ раздѣленія труда — перемѣщеніи и расчлененіи его — пріобрѣтаютъ характеръ

капитала и орудія производства. Расчлененіе труда создаетъ постоянный зависимый рабочій классъ. Лишь оно поднимаетъ капиталистическое производство на его настоящую высоту и снова уничтожаетъ въ доступныхъ его вліянію областяхъ то, что создано было образованіемъ профессій и спеціализаціей: самостоятельность мелкихъ производителей.

Эта новая фаза раздѣленія труда доводитъ, правда, обмѣнъ до неслыханныхъ ранѣе размѣровъ. Она вызываетъ въ области торговли, транспортнаго, кредитнаго, страховаго дѣла новыя, основанныя на предпринимательскомъ принципѣ, проявленія раздѣленія труда, слѣдствіемъ которыхъ являются въ свою очередь множество новыхъ мѣновыхъ актовъ. Но не раздѣленіе труда само по себѣ создаетъ эти новыя формы обмѣна, не оно составляетъ двигающій, творческій элементъ современнаго народнаго хозяйства, а промышленный капиталъ, питаемый обмѣномъ.

Область, въ которой капиталъ въ формѣ денегъ впервые обнаруживается въ качествѣ источника дохода, есть торговля. Отсюда онъ проникаетъ и въ производство, гдѣ руководителемъ его вмѣсто потребителя становится купецъ. Такимъ путемъ возникла домашняя промышленность. Съ внѣшней стороны скупщикъ занимаетъ по отношенію къ работнику на заказъ и къ ремесленнику совершенно то же положеніе, какое занималъ прежде домохозяинъ; первому онъ выдаетъ въ качествѣ аванса сырой матеріалъ, у второго онъ скупаетъ изготовленные имъ изъ собственного матеріала продукты, чтобы перепродать ихъ далѣе. Тамъ, гдѣ производство распадается на нѣсколько различныхъ отдѣловъ, онъ переводитъ продуктъ изъ одного въ другой, и въ концѣ концовъ доставляетъ его въ готовомъ видѣ на рынокъ. Въ общемъ онъ оперируетъ только оборотнымъ капиталомъ. На постоянный капиталъ онъ начинаетъ обращать свое вниманіе лишь съ того времени, когда становится выгоднымъ перейти отъ домашней формы промышленности къ фабричной. Но если торговый капиталъ въ промышленности имѣлъ значеніе только реформирующее, то въ банковомъ, транспортномъ и страховомъ дѣлѣ его роль является творческой; эти области, если разсматривать ихъ съ точки зрѣнія раздѣленія труда, представляются въ сущности лишь развѣтвленіями торговли.

Такимъ образомъ, мы должны, какъ мнѣ кажется, признать, что организующую силу современнаго народнаго хозяйства представляетъ собою капиталъ, а средство его—раздѣленіе труда. Его посетелемъ и представителемъ является предприниматель. Ясно, что этотъ послѣдній сумѣлъ съ большимъ успѣхомъ использовать средство раздѣленія труда, чѣмъ прежній домохозяинъ. Въ настоящее время предприниматель опредѣляетъ все, что мы ѣдимъ и пьемъ, читаемъ въ газетахъ и смотримъ въ театрѣ, —опредѣляетъ, какъ мы должны жить и одѣваться. Этимъ сказано все. У насъ отнято право самоопредѣленія въ отношеніи большей части нашихъ потребностей, а такъ какъ для предпринимателя наиболѣе выгодно массовое производство однородныхъ предметовъ, то въ области потребленія имѣеть мѣсто все увеличивающееся однообразіе.

Въ противоположность этому, въ области труда происходитъ все возрастающая дифференціація. Поле дѣятельности каждаго все болѣе суживается. Лишь разложивъ технически трудовыя способности на ихъ атомы, предприниматель можетъ использовать ихъ для своей цѣли. Всякое предпріятіе есть соединеніе разнообразныхъ, возникшихъ путемъ раздѣленія труда, частичныхъ функций въ одно органическое цѣлое. Оно соединяетъ экономически и технически несамостоятельныхъ рабочихъ въ одну постоянную производительную единицу. Эта производительная единица не совпадаетъ уже, однако, съ потребительною; члены ея, наоборотъ, принадлежатъ къ различнымъ, освобожденнымъ отъ выполненія производительныхъ задачъ домохозяйствамъ, не находящимся ни въ какой связи ни между собой, ни съ домохозяйствомъ предпринимателя.

При образованіи такихъ производительныхъ единицъ предприниматель идетъ различными путями, смотря по тому, имѣются ли въ той области, въ которой онъ намѣренъ приложить свой капиталъ, уже болѣе раннія формы раздѣленія труда, или нѣтъ.

Въ первомъ случаѣ онъ привлекаетъ въ свое предпріятіе всѣ существующія, экономически самостоятельныя профессіи, занимавшіяся ранѣе производствомъ даннаго продукта, устанавливаетъ спеціализацію рабочихъ, заставляя ихъ выполнять лишь отдѣльныя части того, что необходимо въ данномъ производствѣ. Примѣромъ можетъ служить мебельная фабрика, гдѣ въ одномъ производствѣ соединены работающіе рядомъ столяръ, токарь, рѣзчикъ

по дереву, обойщикъ, стекольщикъ, красильщикъ и лакировщикъ.

Во второмъ случаѣ онъ прежде всего организуетъ данное производство по принципу расчлененія труда и обставляетъ фабрику большимъ аппаратомъ механическихъ средствъ производства.

Въ обоихъ случаяхъ въ оборудованномъ предпріятіи рядомъ съ предпринимателемъ существуютъ только зависимые, технически несамостоятельные рабочіе. Въ первомъ случаѣ они происходятъ изъ самостоятельныхъ ремесленниковъ, и задача предпринимателя заключается въ организациі ихъ, чтобы создать единство производства; во второмъ—это единство уже дано, и нужно только отыскать необходимыя для него составныя части. Вскорѣ, однако, отличіе между рабочими того и другого предпріятія исчезаетъ.

Въ основѣ прежняго ремесленнаго предпріятія лежало сотрудничество немногихъ одинаково обученныхъ силъ, хотя бы и находившихся въ различныхъ стадіяхъ подготовки (ученикъ, подмастерье, мастеръ). Работавшія совмѣстно въ каждомъ ремеслѣ группы во всѣхъ своихъ элементахъ рѣзко отличались отъ такихъ же группъ въ другихъ ремеслахъ, и переходъ ихъ одного промысла къ другому былъ невозможенъ: кузнецъ не могъ стать шорникомъ. Законъ признавалъ это, проводя рѣзкія границы между различными ремеслами.

Современная промышленность соединяетъ совершенно неравныя и различно подготовленныя рабочія силы для совмѣстной работы въ одномъ и томъ же предпріятіи. Группировка ихъ въ цѣляхъ производства совершается во всѣхъ отрасляхъ промышленности на основаніи одинаковыхъ принциповъ организациі. Рѣзкихъ границъ между промыслами нѣтъ. Нѣтъ и профессиональныхъ отличій между предпринимателями; они имѣются только между рабочими. Функціи предпринимателя тѣ же, стоитъ ли онъ во главѣ городского трамвая, металлургическаго завода или ткацкой фабрики. Между рабочими, напротивъ, благодаря постоянному расчлененію труда, мы находимъ въ настоящее время многочисленныхъ специалистовъ, въ которыхъ нуждаются различныя отрасли промышленности. Слесарь, токарь по металлу, литейщикъ, строгальщикъ встрѣчаются во всѣхъ отдѣлахъ широко развитой металлической промышленности, во всѣхъ областяхъ машиностроительной индустрии.

стри, въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и т. п.; истопники и машинисты необходимы въ каждомъ крупномъ предпріятіи, независимо отъ того, производятся ли въ немъ бумажныя нитки или иллюстрированныя газеты; столяръ, жестянникъ, токарь, бондарь могутъ входить въ составъ самыхъ разнообразныхъ предпріятій и такое же всестороннее примѣненіе находятъ себѣ конторщики, чертежники, инженеры. Къ нимъ нужно прибавить еще массу не квалифицированныхъ рабочихъ, которыхъ поглощаетъ крупное производство. Во многихъ случаяхъ предпринимателю остается только сочетать эти рабочіе элементы въ необходимой пропорціи и организовать ихъ такъ, чтобы они дѣйствовали какъ цѣльный механизмъ.

Изъ всего изложеннаго видно, что раздѣленіе труда въ различныхъ времена оказывало совершенно различное вліяніе на хозяйство народовъ и на жизнь людей, смотря по принципамъ, преобладавшимъ на данной ступени хозяйственной жизни.

На ступени замкнутаго домашняго хозяйства господствуетъ либо соединеніе труда въ рукахъ отца или матери семейства, либо раздѣленіе труда, основанное на институтахъ рабства и крѣпостничества. И въ томъ и въ другомъ случаѣ семья является постоянной производительной и потребительной единицей. Здѣсь имѣетъ силу принципъ: кто трудится со мною, тотъ и ѣсть со мною.

На ступени городского хозяйства господствуетъ спеціализація и раздѣленіе производства. Производители отдѣльныхъ частей продукта лично свободны, но способъ и время ихъ производства опредѣляются главнымъ образомъ потребителемъ ихъ продуктовъ, который въ соответствующихъ случаяхъ соединяетъ ихъ во временныя производительныя единицы. Въ теченіе этого времени онъ нерѣдко даетъ имъ также и харчи.

На ступени развитаго народнаго хозяйства производствомъ предметовъ, основаннымъ на раздѣленіи труда, руководить предприниматель. Производители отдѣльныхъ частей—лично свободныя рабочіе, которыхъ предприниматель соединяетъ въ продолжительныя производительныя единицы. Всякая иная форма обшенія здѣсь исключена, и если, по случаю юбилея предпріятія, предприниматель устраиваетъ праздникъ своимъ рабочимъ, то газеты отмѣчаютъ, что онъ ѣлъ и пилъ за однимъ столомъ съ ними, и

усматриваютъ въ этомъ особенно милостивое отношеніе съ его стороны.

Передъ нами два совершенно различныхъ экономическихъ міра, отдѣленныхъ другъ отъ друга глубокою пропастью. Въ то время, какъ отъ первоначальнаго соединенія труда въ домохозяйствѣ, а отчасти и отъ раздѣленія труда стараго времени вѣетъ теплотой основаннаго на нравственныхъ принципахъ общенія людей, современное раздѣленіе труда пронизано холоднымъ, непримиримымъ духомъ разчета, договора, наживы. Въ то время, какъ прежнее раздѣленіе труда являлось носителемъ хозяйственной самостоятельности, современное раздѣленіе труда повергаетъ все большія массы въ зависимость. По своимъ производительнымъ функциямъ люди подъ гнетомъ капитала все болѣе дифференцируются, въ потребленіи же своемъ они все болѣе нивеллируются. Если въ старое время имущество каждаго было индивидуальнымъ произведеніемъ его рукъ и головы, какъ бы воплощеніемъ частицы его „я“, то окружающіе насъ въ настоящее время предметы потребленія представляютъ собою произведенія многихъ головъ и многихъ рукъ. Къ ихъ творцамъ мы совершенно равнодушны, также какъ и къ самимъ произведеніямъ, за которыя мы уплатили владѣльцу по рыночной цѣнѣ. Въ тѣсномъ кругу профессиональной дѣятельности, умъ суживается перѣдко до полнато отупѣнія. За эту утрату полноты бытія и радостей творчества получили ли мы достаточное вознагражденіе въ видѣ богатства предметовъ потребленія, которыми мы теперь располагаемъ благодаря тому, что для насъ трудятся тысячи рукъ и за насъ думаютъ тысячи головъ? Или, быть можетъ, раздѣленіе труда, сдѣлавъ жизнь болѣе богатой наслажденіями, въ то же время сдѣлало ее болѣе бѣдной радостями?

СП6ГУ

IX.

Организація труда и образованіе
общественныхъ классовъ.

СП6Г

Экономическая организація труда ¹⁾ во всѣхъ своихъ формахъ есть актъ приспособленія. Всѣ явленія этого рода, относятся ли они къ области соединенія труда, сотрудничества или раздѣленія труда, исходятъ изъ стремленія устранить возможное несоотвѣтствіе между трудовою задачею и индивидуальными силами и привести ихъ въ соотвѣтствіе другъ съ другомъ. Вслѣдствіе этого, они должны оказывать вліяніе на личность, вынуждая ее прино- ровляться физически и духовно къ определенной трудовой задачѣ и приспособляться къ ней. При этомъ вначалѣ всегда необходимо преодолѣть извѣстное сопротивленіе со стороны человѣческой при- роды; но коль скоро это удалось, дальнѣйшее упражненіе уже вы- зываетъ вмѣсто отрицательнаго дѣйствія положительное. Человѣкъ начинаетъ вникать въ особенности своего труда; у него выраба- тывается въ этомъ отношеніи особая сноровка; направленныя по- стоянно къ одной и той же цѣли, умственные силы развиваются въ этомъ именно направленіи; словомъ—предрасположеніе къ этому труду становится частью его существа, которою онъ отли- чается отъ другихъ людей.

¹⁾ Для лучшаго пониманія излагаемаго въ этомъ очеркѣ и двухъ предыдущихъ будетъ небезполезно дать здѣсь схематическій обзоръ ви- довъ и подвидовъ организаціи труда.

А. Соединеніе труда.

В. Сотрудничество.

С. Раздѣленіе труда.

{	1. Работа въ компаніи.
}	2. Работа скопомъ.
{	<i>a.</i> Простыя работы скопомъ.
}	<i>b.</i> Связныя работы.
}	3. Групповыя работы.
{	1. Образование профессій.
}	2. Спеціализація.
}	3. Раздѣленіе производства.
}	4. Расчлененіе труда.
}	5. Перемѣщеніе труда.

Если, такимъ образомъ, родъ труда, которому посвящаетъ себя человѣкъ, способенъ наложить особый отпечатокъ на его индивидуальность, то возникаетъ вопросъ, насколько такія обусловленные трудомъ индивидуальныя отличія вліяютъ на общественную жизнь человѣчества. Болѣе рѣзко вопросъ этотъ формулируется такъ: соответствуетъ ли опредѣленной организаціи труда и опредѣленный строй общества, и какое вліяніе первая оказываетъ на вторую?

Вопросъ этотъ не такъ простъ, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Проще всего, напримѣръ, было бы свести индійскую кастовую систему къ наслѣдственной передачѣ профессій и считать, слѣдовательно, источникомъ ея раздѣленіе труда. Но мы знаемъ, что низшія касты другого происхожденія, чѣмъ высшія, и существуютъ нѣкоторыя указанія на то, что при возникновеніи этихъ наслѣдственныхъ общественныхъ классовъ оказали также вліяніе мѣсто жительства и имущественное состояніе. Затѣмъ, сущность кастъ усматривали въ чистотѣ крови и общенія. Такъ, напримѣръ, различіе кастъ исключало общность трапезъ, не препятствуя, повидимому тому, чтобы занятія были одинаковы. Все это вполне допускаетъ предположеніе, что раздѣленіе по профессіямъ является не причиной ²⁾, а слѣдствіемъ возникшаго изъ племенныхъ различій раздѣленія на касты. Подобный же процессъ развитія можно установить и для средневѣковыхъ сословій.

Вообще, что касается отношеній между хозяйствомъ и обществомъ, то не слѣдуетъ забывать, что они имѣютъ взаимный характеръ, и при этомъ весьма рѣдко удается точно установить, что является причиной и что послѣдствіемъ. Подобно тому какъ какой-нибудь видъ организаціи труда, захватывающій личность на всю жизнь, даетъ обществу своеобразно дифференцированныхъ людей, точно также и общество, съ своей стороны, въ своихъ слояхъ и отдѣльныхъ личностяхъ, даетъ для организаціи труда готовый матеріалъ. Известнаго рода организація труда облегчаетъ развитіе опредѣленныхъ формъ сотрудничества и раздѣленія труда, тогда какъ другія формы организаціи затрудняютъ ихъ развитіе. При господствѣ рабства, напримѣръ, лучше всего процвѣтаютъ связныя ра-

---

²⁾ Быть можетъ, сказанное въ вып. перв. (стр. 50 и слѣд.) о племенныхъ промыслахъ способно навести на правильное объясненіе.

боты (Arbeitverkettung); наличность многочисленного класса немущих рабочих способствует тому, что развивается расчленение труда. Но социальные моменты сами по себе еще не могут вызвать указанных явлений; для этого должны существовать кроме того условия технического и общекультурного характера: например, для расчленения труда—многообразно дифференцированный аппарат орудий производства.

Таким образом, все эти взаимоотношения чрезвычайно сложны и требуют при исследовании их большой осторожности. Большею частью удастся только установить, что в хозяйственной и социальной жизни идет рука об руку, но мы лишь редко в состоянии решить, какова причинная зависимость между данными явлениями. Если мы, согласно с этим, попытаемся указать те социальные отношения, которые соответствуют различным формам организации труда, то мы очутимся в области, чрезвычайно мало исследованной, где каждый шаг, сделанный в сторону от прямого пути, ведет в непроходимые дебри.

Что касается, прежде всего, наиболее древней системы организации труда—соединения труда, то оно, повидимому, не оказало на общество никакого влияния. Первые его проявления относятся к дохозяйственному периоду, когда каждый вынужден был производить всю необходимую для его жизни работу. В более широких размерах соединение труда встречается на ранних ступенях замкнутого домашнего хозяйства. Орудия производства несложны и малочисленны; каждое из них служит для самых разнообразных целей; всякий должен уметь владеть ими. Такого рода труд, очевидно, не может породить расчленения общества, не может создать социально зависимых отношений. Такое общество должно, повидимому, состоять из однородной массы хозяйств, и таковым оно действительно является, пока господствует общинная собственность на землю. Внутри каждого отдельного хозяйства может иметь место разделение труда между мужчинами и женщинами; но внутри общества разделения труда еще нет; каждое домохозяйство в этом отношении есть точная копия прочих. Если тем не менее встречаются социальные различия, то причину их нужно искать в других обстоятельствах.

На более высоких ступенях развития вплоть до самых высших соединение труда сохраняет тот же характер. В

настоящее время оно имѣетъ мѣсто почти исключительно въ низшихъ сферахъ экономической жизни и въ низшихъ слояхъ общества. Оно большею частью вытекаетъ изъ стремленія къ самостоятельности, являясь поддержкой „маленькихъ людей“, ихъ опорой и утѣшеніемъ. Иногда оно проявляется здѣсь даже какъ противодѣйствіе слишкомъ далеко зашедшему раздѣленію труда³⁾. Если бы оно одно господствовало въ хозяйствѣ народовъ, то это привело бы общество къ смертельному однообразію, ибо имъ исключается всякое стремленіе снизу вверхъ.

Другое дѣло сотрудничество. Правда, въ своей наиболѣе непрочной формѣ—работы въ компаніи, оно имѣетъ мѣсто только временно между равными и не можетъ поэтому оказывать вліяніе на разслоеніе общества, въ лучшемъ случаѣ являясь отраженіемъ его. Напротивъ того, обѣ формы работы скопомъ оказываются не безразличными для соціальной группировки; онѣ создаютъ и сохраняютъ зависимыя соціальныя отношенія или поддерживаютъ существованіе тѣхъ отношеній, какія образовались подъ вліяніемъ другихъ условій. И то же, хотя и съ меньшей опредѣленностью, можно сказать о нѣкоторыхъ формахъ групповыхъ работъ. Въ обоихъ случаяхъ сотрудничество многихъ обусловливается значительностью работы по сравненію съ недостаточностью орудій, и въ томъ случаѣ, если такого рода работы постоянны или часто повторяются въ какой-нибудь отрасли хозяйства (напримѣръ, въ сельскомъ хозяйствѣ), онѣ требуютъ для своего обезпеченія прочной соціальной группировки, охраняемой какою-нибудь высшею властью.

Этимъ въ значительной мѣрѣ объясняется продолжительное существованіе рабства и крѣпостничества, хотя нельзя сказать, чтобы эти институты первоначально возникли изъ необходимости сотрудничества. Повсюду, однако, гдѣ существовало владѣніе людьми и наслѣдственная зависимость рабочаго населенія, мы видимъ, что вначалѣ господинъ и рабъ мало отличались другъ отъ друга, что оба они одинаково трудились, и что зависимое сословіе по численности не только не превосходило господствующее, но было даже меньше его. Но съ теченіемъ времени это измѣняется; порабо-

³⁾ Сравн. мою статью въ Handwörterbuch d. Staatsw. IV, стр. 377. (Русск. перев.—въ сборникѣ „Исторія труда, въ связи съ исторіей нѣкоторыхъ формъ промышленности“. Статьи изъ „Handw. d. Staatsw.“, подъ ред. С. Н. Булгакова. Изд. Водовозовой. 1897, стр. 76 и слѣд.).

ценная часть населенія становится болѣе многочисленной, не столько вслѣдствіе естественнаго роста, сколько благодаря войнамъ, похищенію и покупкѣ рабовъ, угнетенію болѣе слабыхъ свободныхъ людей. И одновременно происходитъ рѣзкое отдѣленіе имущаго свободного населенія отъ несвободнаго; въ глазахъ перваго трудъ является чѣмъ-то позорнымъ, для втораго онъ становится все болѣе тяжелымъ ярмомъ. Глубокая пропасть раздѣляетъ общество на двѣ части, и нѣтъ другого средства устранить ее, какъ отмѣна принудительнаго труда. Но и это не всегда оказывается дѣйствительнымъ, какъ это видно, напримѣръ, изъ того рѣзкаго различія между свободными и вольноотпущенниками, какое мы находимъ у римлянъ.

Необходимость такого постепеннаго развитія объясняется моментами технического характера, которыми обусловливаются болѣе сложныя формы сотрудничества. Вслѣдствіе несовершенства орудій⁴⁾, для достиженія болѣе крупныхъ результатовъ необходимо массовое примѣненіе человѣческой силы. Всякій успѣхъ отдѣльнаго хозяйства возможенъ лишь при условіи увеличенія числа его подневольныхъ рабочихъ. Всякій ростъ благосостоянія господствующихъ классовъ связанъ съ огромнымъ, по нашимъ понятіямъ, расточеніемъ человѣческаго матеріала. Послѣдній же въ цѣляхъ болѣе производительнаго примѣненія труда долженъ быть организованъ и дисциплинированъ.

Необходимость групповаго пользованія рабочей силой несвободнаго населенія всегда объяснялась его ненадежностью и лѣнностью, вслѣдствіе чего требуется строгій надзоръ за работой; и дѣйствительно, эти признаки являются повсюду характерными для несвободнаго труда въ качествѣ постояннаго института. Но не только для него одного; они представляютъ собою скорѣй необходимыя сопутствующія явленія всякаго полуцивилизованнаго общества и встрѣчаются также среди людей свободныхъ. Кромѣ того, рабовладѣлецъ наряду съ системой сотрудничества примѣняетъ также систему раздѣленія труда тамъ, гдѣ есть возможность отвести каждому рабочему особый кругъ обязанностей, за выполне-

---

⁴⁾ Сравн. также А. Логія: «Die Sklavenwirtschaft im modernen Amerika und im europäischen Altertum» въ Ztschr. f. Social-und Wirtschaftsgeschichte IV, стр. 68 и сл.

ніе которыхъ онъ является отвѣтственнымъ ⁵⁾). Но большею частью въ области производства такое выдѣленіе особаго круга работъ для каждаго является или невозможнымъ, или невыгоднымъ, вслѣдствіе чего при принудительномъ трудѣ сотрудничество имѣетъ особенно обширное примѣненіе и является преобладающимъ типомъ организаціи хозяйства.

Уже Давидъ Юмъ ⁶⁾ замѣтилъ, что рабство необходимо требуетъ строгой военной дисциплины, и мы дѣйствительно находимъ ее всегда при этой системѣ организаціи труда.

Въ древнемъ Египтѣ „каждое большое хозяйство имѣло своихъ ремесленниковъ и рабочихъ, раздѣленныхъ на партіи. Мы встрѣчаемъ такія партіи во владѣніяхъ знатныхъ людей древняго царства и видимъ, какъ онѣ, предводительствуемыя знаменосцемъ, дефилируютъ предъ владѣльцемъ помѣстья. Особую партію составляютъ и гребцы; и даже демоны, везущіе ночью солнечную ладью по подземному царству, носятъ это названіе. Такъ же организованы ремесленники въ храмахъ и некрополяхъ; египетскій чиновникъ не можетъ себѣ иначе представить людей низшаго сословія, какъ въ формѣ толпы; единичный рабочій такъ же мало существуетъ для него, какъ для нашихъ генераловъ—единичный солдатъ... Если уже свободные и полусвободные работники выступаютъ только партіями, то настоящіе крѣпостные храмовъ и некрополей и крѣпостные крестьяне организованы совершенно какъ воинскія команды и считаются даже частью арміи“ ⁷⁾).

Нѣчто подобное существовало и въ крупныхъ рабовладѣльческихъ хозяйствахъ древняго Рима. Въ помѣстьяхъ несвободные рабочіе раздѣлены на отдѣлы, смотря по ихъ занятіямъ; каждый отдѣлъ распадается, въ свою очередь, на рабочіе отряды не болѣе чѣмъ въ десять человекъ каждый, которые подчинены „погонщику“; всѣ они вмѣстѣ находятся подъ начальствомъ вилликуса. Ежедневный трудъ совершается въ военномъ порядкѣ; ночью они помѣщаются въ казармахъ. Въ наиболѣе богатыхъ домахъ и *familia urbana*

---

⁵⁾ Это дѣлается даже особенно часто при домашнихъ работахъ и службахъ. См. въ и. п. е. р. в., стр. 90 и сл., а также выше, стр. 77 и сл.

⁶⁾ Essays, стр. 252.

⁷⁾ Eг m a n: Ägypten und ägyptisches Leben im Altertum, стр. 180—186.

имѣть такой же характеръ; при императорскомъ дворѣ отдѣлы рабовъ носятъ прямо названія коллегій или корпорацій ⁸⁾).

Мы видимъ, такимъ образомъ, какъ необходимость сотрудничества привела къ прочнымъ организаціямъ среди несвободнаго населенія. Въ меньшей степени это имѣло мѣсто и впоследствии въ римскомъ колонатѣ, въ средневѣковомъ барщинномъ строѣ и въ новѣйшемъ крѣпостничествѣ, благодаря которымъ необходимыя для крупныхъ хозяйствъ рабочія силы объединялись въ замкнутыя корпораціи для того, чтобы при измѣняющейся потребности въ рабочихъ рукахъ они всегда имѣлись наготовѣ на время посѣва и жатвы. Можно даже сказать, что барщинный строй, прикрѣпленіе къ землѣ и личная крѣпостная зависимость коренились въ необходимости сотрудничества, которой и обуславливалось широкое ихъ распространеніе и продолжительное существованіе.

Въ виду этого, становится несомнѣннымъ воздѣйствіе сотрудничества на общественную группировку. Оно наложило на общество не только особый социально-правовой отпечатокъ, но оказало существенное вліяніе и на душевный складъ работниковъ. Одинъ изъ наиболѣе глубокомысленныхъ наблюдателей сѣверо-германскихъ аграрныхъ условій XVIII вѣка ⁹⁾ находилъ, что наиболѣе бросающеюся въ глаза чертой характера крестьянъ является „тѣсная привязанность ихъ другъ къ другу. Они болѣе общительны между собой, чѣмъ простые горожане. Они встрѣчаются ежедневно за работой въ усадьбѣ, лѣтомъ—на полѣ, зимой—въ амбарѣ или прядильнѣ. Они, подобно солдатамъ, образуютъ корпусъ и приобрѣтаютъ также *esprit de corps*“. Это относится ко всѣмъ видамъ несвободнаго состоянія: однородность и дисциплинированность труда создаетъ стадоподобныя массы, которыя тѣмъ тупѣе и лѣнивѣе, чѣмъ безнадежнѣе ихъ положеніе.

Въ этомъ заключается отчасти причина малой производительности ихъ труда, что, въ свою очередь, вызываетъ безчеловѣчную жестокость въ обращеніи съ ними, низводящую рабочаго на сту-

---

⁸⁾ Сравни Marquardt: *Privatleben der Römer*, стр. 144 и сл., 154.

⁹⁾ Christian Garve: *Ueber den Charakter der Bauern und ihr Verhältnis gegen die Gutsherrn und gegen die Regierung*, Breslau, 1786, стр. 14 и сл.

пень животнаго. Отъ одного поколѣнія къ другому вмѣстѣ съ одинаковымъ трудомъ передается и одинаковый образъ мыслей, тѣ же чувства по отношенію къ угнетателю. Господствующій классъ уже замѣтнымъ образомъ, какъ умственно, такъ и физически, отличается теперь отъ угнетаемаго, какъ рослое дерево отличается отъ зачахшаго. Но причины и слѣдствія спутаны въ этомъ процессѣ въ одинъ безпорядочный клубокъ; мы видимъ только лабиринтъ дѣйствій и противодѣйствій хозяйственныхъ и социальныхъ моментовъ, и нигдѣ не находимъ нити, по которой можно было бы безошибочно направиться при изученіи этихъ явленій. Существуютъ тѣсныя взаимоотношенія между обѣими областями — вотъ все, что мы можемъ установить съ нѣкоторою достовѣрностью.

Несравненно легче вопросъ этотъ разрѣшается въ отношеніи третьей формы организаціи труда, именно раздѣленія труда, и здѣсь онъ пріобрѣтаетъ для насъ особый интересъ. Ибо въ настоящее время онъ затрагиваетъ каждого человѣка въ отдѣльности; каждый изъ насъ, если онъ не хочетъ быть бесполезнымъ членомъ человѣческаго общества, долженъ приспособиться къ какой-нибудь специальной отрасли труда, и чѣмъ лучше онъ достигаетъ этого, тѣмъ болѣе значительными становятся различія между людьми во всѣхъ ихъ поступкахъ и мысленіи.

Германская перепись профессій 1895 года различала 10298 профессій. Если даже допустить, что нѣкоторыя профессіи въ различныхъ частяхъ государства носятъ различныя наименованія, и что поэтому, во избѣжаніе двойного счета, необходимо сдѣлать изъ этой цифры нѣкоторый вычетъ, то не слѣдуетъ, съ другой стороны, забывать, что особенно въ области общественной службы и либеральныхъ профессій имѣются весьма различныя занятія, называемыя однимъ именемъ, и что многочисленныя работы, обусловленныя въ отдѣльныхъ крупныхъ предприятияхъ расчлененіемъ труда и составляющія специальность особыхъ рабочихъ, тоже далеко не всегда различаются переписью. Поэтому приведенную цифру можно скорѣй считать слишкомъ малой, чѣмъ преувеличенной. Такимъ образомъ мы имѣемъ 10.000 различныхъ видовъ человѣческой дѣятельности, изъ которыхъ каждая въ современномъ обществѣ можетъ стать задачей человѣческой жизни и подчинить себѣ всю личность человѣка.

Къ тому же постоянно образуются новыя спеціальности ¹⁰⁾. Всякій новый способъ производства, всякій успѣхъ въ области техники или науки подчиняется общему принципу раздѣленія труда и замыкаетъ мыслящихъ и чувствующихъ людей въ узкія рамки мелкихъ и мелочныхъ профессиональныхъ интересовъ. Время, которое предсказывалъ Фергюсонъ, когда и мышленіе станетъ особой профессіей, уже давно наступило ¹¹⁾. Кругъ общечеловѣческихъ интересовъ суживается въ той же мѣрѣ, въ какой расходятся между собой частныя интересы безчисленныхъ жизненныхъ сферъ, и становится труднѣе борьба за существованіе.

Естественныя и культурныя различія между людьми, безъ сомнѣнія, способствуютъ тому, что они расходятся въ жизни въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ—но все же въ значительно меньшей степени, чѣмъ это нерѣдко полагаютъ. Конечно, всякій знаетъ,

¹⁰⁾ Съ 1882 по 1895 годъ число профессій, различаемыхъ германской статистикой, увеличилось на 4119. Оно равнялось по

профессиональной переписи:

	1882	1895
A. земледѣліе, садоводство, скотоводство, лѣсоводство и рыболовство	352	465
B. горная, горнозаводская, фабричная и строительная промышленность	2661	5406
C. торговля, пути и средства сообщенія	1215	2266
D. домашнія услуги и перемѣнный поденный трудъ	75	82
E. военная, придворная, государственная, общественная и церковная служба, свободныя профессіи	1876	2079
Итого	6179	10298

Насколько этотъ численный приростъ дѣйствительно соотвѣтствуетъ увеличенію видовъ профессій и въ какой мѣрѣ его слѣдуетъ приписать большей точности статистической обработки матеріала—трудно сказать. Но, безъ сомнѣнія, доля замѣчаемой разницы должна быть отнесена къ росту раздѣленія труда.

¹¹⁾ Наболѣе замѣтно это въ области политики, относительно которой большинство людей заимствуютъ готовыя мысли изъ какой-нибудь газеты. Но въ значительной степени и въ наукѣ, гдѣ поэтому всегда правъ послѣдній: напимѣръ, рецензентъ или вообще какой-нибудь критикующій книгу писака передъ авторомъ ея.

чѣмъ долженъ отличаться жокей отъ носильщика, пивоваръ отъ портного, танцовщица отъ пѣвицы, поэтъ отъ купца, если они находятся на высотѣ своего призванія. Но какія природныя качества заставляютъ одного стать изслѣдователемъ трихинъ, другого переплетчикомъ, мозольнымъ операторомъ, чулочнымъ фабрикантомъ или продавцомъ сигаръ,—было бы такъ же трудно опредѣлить, какъ предсказать успѣхъ отдѣльнаго человѣка въ какой-нибудь либеральной профессіи.

Если, такимъ образомъ нѣкоторыя профессіи могутъ довести исключительное природное дарованіе до высшаго развитія, то въ большинствѣ случаевъ дарованіе не можетъ имѣть значенія. Но всѣ профессіи при постоянномъ упражненіи и навыкѣ приводятъ къ извѣстной дифференціаціи людей, ими занимающихся: одни органы, вслѣдствіе неупотребленія ихъ, атрофируются, тогда какъ другіе, вслѣдствіе постоянного примѣненія, достигаютъ значительнаго совершенства; въ зависимости отъ рода труда личность физически, умственно и нравственно настраивается на извѣстный ладъ; профессія накладываетъ на нее особый, нерѣдко даже вышнимъ образомъ замѣтный отпечатокъ. Это всѣ мы признаемъ, когда, встречая незнакомыхъ намъ людей, мы относимъ ихъ невольно, про себя къ той или иной профессіи.

Дифференцируя людей, экономическая организація труда простираетъ тѣмъ самымъ свое вліяніе и на все общество. Одинаковыя жизненныя задачи и воззрѣнія, одинаковое экономическое положеніе и привычки ведутъ къ образованію новыхъ социальныхъ группъ. Возникаютъ профессиональныя сословія, связанные до мельчайшихъ своихъ развѣтвленій настолько сильной общностью интересовъ, что она въ состояніи сгладить прежнюю сословную разницу или, по крайней мѣрѣ, свести ея значеніе до минимума. Мы сами были свидѣтелями того, какъ эти новыя социальныя группы вышли за предѣлы политическихъ границъ, какъ эти, вытекающіе изъ профессиональной группировки, социальныя интересы и чувство общности заглушали національное чувство, покоящееся на общемъ происхожденіи.

При этихъ условіяхъ мы имѣемъ основаніе поставить выдвинутый уже новѣйшей біологіей вопросъ: преемственны-ли и въ какой мѣрѣ, вызванныя раздѣленіемъ труда индивидуальныя различія между людьми въ обществѣ со свободнымъ выборомъ профессіи, подобно тому,

какъ этого рода особенности унаслѣдуются въ кастахъ и родовыхъ сословіяхъ? Дѣло идетъ въ данномъ случаѣ не только о врожденныхъ, необходимыхъ для той или иной профессіи, качествахъ, возможность передачи которыхъ—но и только—никакъ нельзя отрицать. Дѣло идетъ о физическомъ и умственномъ предрасположеніи къ какой-нибудь профессіи, о пріобрѣтенной путемъ приспособленія къ опредѣленной сферѣ труда сноровкѣ, объ обусловленномъ этимъ трудомъ умственномъ уровнѣ, о сложившемся подъ его влияніемъ міровоззрѣніи и направленіи воли.

Съ такой точки зрѣнія вопросъ этотъ со времени шекспировекой „Зимней Сказки“ трактовался въ литературѣ не разъ, и обыкновенно такимъ образомъ, что изображалось влияніе воспитанія, идущаго въ разрѣзъ съ характеромъ и условіями жизни родителей. Взгляды на результаты такого воспитанія въ теченіе послѣдняго столѣтія измѣнялись неоднократно, и на этой проблемѣ воспитанія и наслѣдственности историкъ литературы съ успѣхомъ могъ бы прослѣдить зависимость поэтического творчества отъ духа времени и жизненныхъ условій писателей. Въ то время какъ у Линдау („Gräfin Lea“) дочь ростовщика, несмотря на отцовское воспитаніе, представляетъ образецъ благородства характера, — въ романѣ Арсэна Гусса (Arsène Houssaye: Les trois duchesses) изъ трехъ подмѣненныхъ тотчасъ послѣ рожденія дѣтей сынъ крестьянки, несмотря на княжеское воспитаніе, по уму и наклонностямъ остается крестьяниномъ, дочь легкомысленной актрисы становится куртизанкой, а дочь герцогини и въ низменной средѣ проявляетъ врожденную высоту образа мыслей.

И въ научной литературѣ вопросъ этотъ затрагивался не разъ. Такъ В. Г. Риль въ своихъ „Kulturgeschichtliche Charakterköpfe“ противопоставляетъ „ограниченнымъ крестьянскимъ мальчикамъ“, оканчивающимъ гимназію первыми, „умственно весьма развитыхъ сыновей образованныхъ родителей“, которые съ трудомъ переходятъ изъ класса въ классъ. Первые, полагаетъ онъ, становятся въ университетѣ посредственными студентами, которыхъ скоро обгонитъ, если онъ вообще дойдетъ до университета, „образованный сынъ образованныхъ родителей“. Въ концѣ концовъ прежній крестьянскій мальчикъ станетъ „въ высшей степени посредственнымъ, но всегда корректнымъ чиновникомъ“. Что выходитъ изъ сына образованныхъ родителей, которому „различные

умственные интересы были навъяны уже въ родительскомъ домѣ“, объ этомъ мы, къ сожалѣнію, не узнаемъ.

Съ притязаніемъ на строго-научное изслѣдованіе ¹²⁾—котораго предыдущій авторъ, повидимому, не предъявляетъ — разсматриваетъ впервые и съ большой увѣренностью разрѣшаетъ этотъ вопросъ Шмоллеръ. „Приспособленіе индивидовъ, говоритъ онъ, къ тому или другому роду труда, усиленное передачей по наслѣдству въ теченіе столѣтій, все болѣе увеличивало индивидуальныя различія людей“. Всякая высшая общественная организація покоится, по его мнѣнію, на непрерывной дифференціаціи, обусловленной раздѣленіемъ труда. Касты, аристократія, въ видѣ духовенства, военачальниковъ, купцовъ, цеховой строй, вся современная организація труда являются лишь измѣняющимися по времени формами, навязанными обществу раздѣленіемъ труда и дифференціаціей, и каждый выполняетъ ту или иную функцію не только благодаря своимъ индивидуальнымъ особенностямъ и случаю, но также благодаря своему физическому и умственному складу, своимъ нервамъ, своимъ мускуламъ, которые обусловлены наслѣдственной передачей, предопредѣлены причиной зависимостью многихъ поколѣній. Различія же въ социальномъ положеніи, имуществѣ, почетѣ и доходѣ являются лишь вторичными послѣдствіями социальной дифференціаціи“ ¹³⁾.

Читатель, можетъ быть, ожидаетъ, что авторъ попытается доказать столь поразительныя положенія на основаніи данныхъ біологіи. Однако, если не считать мимолетныхъ біологическихъ аналогій, онъ не идетъ этимъ путемъ. Между тѣмъ, если бы онъ пошелъ дальше

---

¹²⁾ Шмоллеръ въ рецензіи о моей книгѣ въ *Jahrbuch für Gesetzg., Verw. und Volksw.* XVII (1893), стр. 303 и сл., оспаривалъ это выраженіе, предлагая смотрѣть на эти его разсужденія какъ на своего рода „историко-философскій опытъ“. Я не вижу разницы между этимъ опредѣленіемъ и выраженіемъ, мною употребленнымъ. Не могу также принять за доказанное, что я въ существенныхъ пунктахъ его не понялъ. Въ виду этого считаю наиболѣе правильнымъ оставить дальнѣйшее изложеніе въ томъ же видѣ, какъ оно было напечатано въ первомъ изданіи, обративъ вниманіе читателей на относящіяся сюда въ указан. мѣстѣ замѣчанія Шмоллера.

¹³⁾ Срвн. статьи Шмоллера о раздѣленіи труда въ его *Jahrbuch*, XIII, стр. 1003—1074, XIV, стр. 45—105 и краткую сводку выводовъ въ *Preussische Jahrbücher*, т. LXIX, стр. 464.

въ томъ же направленіи, онъ неминуемо дошелъ бы до опредѣленія понятія наслѣдственности и разграниченія ея области отъ области подражанія и воспитанія ¹⁴⁾.

Поэтому и мы вынуждены будемъ оставить этотъ путь и обратиться къ анализу того обширнаго историческаго и этнографическаго матеріала, на основаніи котораго Шмоллеръ выводитъ свои положенія.

Нѣчто странное происходитъ съ такого рода историческими доказательствами! Взору, обращенному назадъ, вещи представляются какъ бы перемѣщенными. Причина и слѣдствіе кажутся одинаково близкими. Мы находимся въ положеніи смотрящаго въ даль чело-вѣка, которому выступающая далеко изъ-за группы домовъ колокольня представляется находящеюся непосредственно за передними зданіями.

Боюсь, что и Шмоллеръ въ рѣшающихъ моментахъ своихъ обширныхъ изысканій видѣлъ каузальную зависимость историческихъ явленій въ послѣдовательности, противоположной дѣйствительной. Поскольку эти явленія не относятся къ временамъ, ускользающимъ отъ историческаго изслѣдованія, какъ, напримѣръ, возникновеніе кастъ, жреческаго сословія, древнѣйшаго дворянства—поразительный выводъ Шмоллера можно было бы, мнѣ кажется, безъ труда перевернуть и сказать: различіе въ имуществѣ и доходахъ есть не слѣдствіе, а главная причина раздѣленія труда.

Для прошлаго, поскольку изученіе его для насъ доступно, это можетъ быть доказано съ очевидною ясностью. Неравенство въ размѣрѣ и характерѣ землевладѣнія у древнихъ грековъ и римлянъ, а также у германскихъ и романскихъ народовъ, начиная съ ранняго

---

¹⁴⁾ Такого рода попытку, правда, очень слабую, сдѣлалъ Felix: Entwicklungsgeschichte des Eigentums, стр. 130 и сл. Среди новѣйшихъ біологовъ занимающая насъ здѣсь проблема наслѣдственности уже кажется рѣшена; особенно Weismann (Das Keimplasma, Jena, 1892) рѣшительно оспаривалъ передачу по наслѣдству приобретенныхъ качествъ. Сравни также: Galton: A theory of heredity въ Journal of the Anthropological Institut, V, стр. 329 и сл., James: The Principles of Psychologie, II, 678.—Alfr. Russel Wallace (Studies scientific and social, I, стр. 512) приводитъ очень интересные примѣры, изъ которыхъ онъ выводитъ заключеніе, что приобретенная въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, путемъ упражненія, сноровка не передается по наслѣдству и не обнаруживаетъ способности къ росту.

средневѣковья, являлось основой сословныхъ различій. Дворянство, крестьянство, крѣпостные рабы представляютъ прежде всего только различныя въ имущественномъ отношеніи сословія и лишь со временемъ становятся профессиональными классами ¹⁵). Образование сословія ремесленниковъ, также имѣетъ свои корни въ распредѣленіи имущества. Дворовые или крѣпостные, не имѣвшіе земли, но владѣвшіе какимъ нибудь промысломъ, начинаютъ примѣнять свое искусство за свой страхъ. Форма, въ какой они занимаются ремесломъ, вполне соответствуетъ ихъ бѣдности: это исключительно работа на заказъ, при которой ремесленникъ получаетъ матеріалъ отъ заказчика. Настоящее раздѣленіе производства между земледѣльцемъ и ремесленникомъ наступаетъ только позже. Ремесленникъ приобретаетъ собственный промышленный капиталъ. Но насколько капиталъ этотъ еще ничтоженъ, можно лучше всего усмотрѣть изъ того, что обыкновенно ремесленникъ работаетъ только поштучно на заказъ, и весь процессъ производства, продѣлываемый продуктомъ, находится въ однихъ рукахъ. Производство почти исключительно мелкое. Если какое-нибудь ремесло, вслѣдствіе обширности области производства, нуждалось въ болѣе крупномъ капиталѣ, то прибѣгали не къ крупному предпріятію съ расчлененіемъ труда, а къ спеціализаціи, которая, уменьшая размѣръ необходимаго промышленнаго капитала, сохраняла мелкое производство.

Такимъ образомъ, каждый шагъ, сдѣланный раздѣленіемъ труда въ средневѣковой промышленности, зависѣлъ отъ размѣровъ имущества. То же имѣло мѣсто и въ торговлѣ. Средневѣковый торговый классъ происходитъ изъ городскихъ землевладѣльцевъ, которые посредствомъ заклада домовъ и покупки ренты стали обладателями движимаго капитала. Изъ этихъ рентьеровъ и купцовъ создается въ XVII вѣкѣ классъ фабрикантовъ. Благодаря тому, что послѣдній своими капиталами оплодотворяетъ промышленность, возникаютъ обѣ новыя формы раздѣленія труда—расчлененіе и перемѣщеніе труда—и достигаетъ своего расцвѣта уже существовавшее ранѣе раздѣленіе производства. Только теперь полуфабри-

¹⁵) „Служилое дворянство“ не только не является доказательствомъ противъ этого, но, наоборотъ, говоритъ за такое пониманіе. Оно было бы не мыслимо, если бы ему не предшествовало дворянство помѣстное.

каты массами переходятъ изъ одной мастерской въ другую, становясь въ каждой изъ нихъ капиталомъ, въ каждой принося доходъ; во всѣхъ отдѣлахъ производства на нихъ нарастаютъ новые проценты и издержки. Расчлененіе труда предполагаетъ наличность класса неумущихъ рабочихъ. Онъ возникаетъ изъ части ремесленного класса, лишившейся работы влѣдствіе капиталистической организаціи раздѣленія труда, и изъ безземельнаго крестьянства.

Именно въ области промышленности зависимость раздѣленія труда отъ имущественныхъ условій особенно ярко выступаетъ наружу. Въ средніе вѣка всякій успѣхъ раздѣленія труда въ области промышленности приводилъ къ увеличенію числа источниковъ дохода для городского населенія, ибо уменьшалъ размѣры промышленныхъ капиталовъ; въ настоящее время прогрессъ въ сферѣ раздѣленія труда уменьшаетъ, наоборотъ, число самостоятельныхъ хозяйствъ, ибо увеличиваетъ размѣры необходимаго основного и оборотнаго промышленнаго капитала. Въ средніе вѣка стремились возможно дольше задержать продуктъ въ производствѣ, чтобы воплотить въ немъ возможно большее количество труда; въ настоящее время, благодаря расчлененію труда, оборотный капиталъ возможно быстро проводится черезъ данный отдѣлъ процесса производства, чтобы создать возможно болѣе выгодное отношеніе между уплаченнымъ процентомъ и выручаемой прибылью. Въ средніе вѣка недостатокъ въ капиталахъ вызывалъ специализацію; въ настоящее время обиліе капиталовъ ведетъ къ расчлененію и перемѣщенію труда.

Итакъ, въ своихъ основныхъ чертахъ современная социальная дифференціація обязана своимъ возникновеніемъ различіямъ въ распредѣленіи имущества и продолжаетъ покоиться на этомъ основаніи, все болѣе укрѣпляемомъ современнымъ хозяйственнымъ строемъ. Последнее объясняется весьма просто слѣдующими двумя обстоятельствами: 1) при нашемъ экономическомъ строѣ всякая профессія приноситъ доходъ; но только имущіе имѣютъ возможность изъ всей области организаціи труда выбрать себѣ наиболѣе доходныя мѣста, предоставивъ неумущимъ удовлетворяться менѣе доходными¹⁶⁾.

---

¹⁶⁾ Сравни Lotmar: Die Freiheit der Berufswahl (Leipzig, 1898), стр. 27.

2) имущество по своей капиталистической природе способно и без личного труда владѣльца приносить доходъ и съ этой своей способностью передается по наслѣдству. Поскольку наши имущіе классы представляютъ собою и социальнo-профессиональные классы, они являются таковыми не въ силу того, что профессія создаетъ имущество, а вслѣдствіе того, что выборъ профессіи обуславливается имущественнымъ состояніемъ, и приносимый ею доходъ обыкновенно повышается и понижается подобнымъ же образомъ, какъ и размѣры имущества, на которомъ основывается данная профессія.

Все это не представляетъ собою ничего новаго. Каждый изъ насъ дѣйствуетъ по этому принципу, который подсказываетъ намъ ежедневный опытъ и (который признавался всегда и экономической наукой. Не даромъ же вся теорія заработной платы исходить изъ предположенія, что сынъ рабочаго не можетъ стать ничѣмъ инымъ какъ рабочимъ и что обуславливается это не его наслѣдственной профессиональной приспособленностью, а его бѣдностью. Неужели же нужно еще доказывать, что профессіи, для которыхъ требуется капиталъ или значительныя издержки на подготовку, почти что закрыты для неимущихъ? Пресловутая „свобода выбора занятій“ имѣетъ такимъ образомъ значеніе только въ очень узкихъ предѣлахъ. Въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ эти предѣлы иногда переступаются; въ общемъ же степень состоятельности родителей опредѣляется если не специальность каждаго, то во всякомъ случаѣ тотъ социальнo-профессиональный классъ ¹⁷⁾, къ которому онъ будетъ принадлежать. „Социальный рангъ“ для каждаго профессиональнаго класса въ глазахъ людей врядъ ли сохранилъ бы свое значеніе безъ соответственнаго имущественнаго ценза—доказательство тому, что и онъ въ концѣ концовъ есть не „вторичный результатъ социальной (основанной на раздѣленіи труда) дифференціаціи“, а дитя брака по расчету между имуществомъ и профессіей.

Сколько бы мы ни различали социальнo-профессиональныхъ классовъ, каждый изъ нихъ обнимаетъ собой весьма разнообразныя отрасли, между которыми совершается постоянный обмѣнъ рабочихъ силъ. Этотъ обмѣнъ происходитъ постольку, поскольку при-

---

¹⁷⁾ Объ этомъ понятіи, въ которомъ я старался выразить взаимодѣйствіе между имуществомъ и профессіей, сравн. мое сочиненіе «Bevölkerung des Kantons Basel-Stadt», стр. 70.

близительно равны имущественныя условія этихъ профессій, т. е. поскольку онѣ находятся въ одномъ „соціальномъ рангѣ“; иначе говоря: поскольку люди вступаютъ между собой въ бракъ, бываютъ другъ у друга, находятся на одномъ и томъ же образовательномъ уровнѣ. Всѣ эти моменты находятся между собой во взаимодѣйствіи. Намъ ежедневно приходится видѣть, какъ крупный чиновникъ заставляетъ сына своего заниматься сельскимъ хозяйствомъ, имѣя въ виду купить ему впоследствии помѣстье, какъ сынъ крупнаго помѣщика или фабриканта избираетъ ученую карьеру, сынъ священника становится инженеромъ, сынъ инженера—врачемъ, сынъ врача—купцомъ, сынъ купца—юристомъ или архитекторомъ. Такъ же легко и часто совершается переходъ отъ крестьянина къ сельскому учителю или пивовару, отъ пекаря къ часовыхъ дѣлу мастеру, отъ кузнеца къ переплетчику, отъ рудокопа къ фабричному рабочему, отъ сельского батрака къ желѣзнодорожному сторожу или извозчику. Несмотря на большую разницу въ техникахъ труда, мы всѣ находимъ такіе переходы въ соціальномъ отношеніи вполне подходящими, въ экономическомъ — вполне правильными, хотя врядъ ли существуютъ болѣе „дифференцированные“ раздѣленіемъ труда люди, чѣмъ министр и сельскій хозяинъ, фабрикантъ и профессоръ, купецъ и архитекторъ и т. п. Къ тому же мы знаемъ, что во многихъ случаяхъ, когда сынъ фабриканта дѣлается фабрикантомъ, а сынъ крестьянина остается крестьяниномъ, это вызвано соответственнымъ профессіи имущественнымъ состояніемъ, независимо отъ того, насколько навязанная роль подходитъ данному человѣку.

Брошенный нами взглядъ на дѣйствительную жизнь долженъ предостеречь насъ отъ слишкомъ узкаго пониманія Шмоллеровской теоріи наслѣдственности дифференцированныхъ индивидуальныхъ качествъ, пріобрѣтенныхъ подъ влияніемъ раздѣленія труда. Нельзя понимать эту теорію въ томъ смыслѣ, что сынъ сапожника, благодаря наслѣдственной приспособленности, дѣйствительно болѣе пригоденъ точать сапоги, чѣмъ изготовлять, напримѣръ, рамки для картинъ, а сынъ пастора, хотя бы при рожденіи потерявшій отца, проявить наибольшую склонность къ духовному званію. Если бы въ этомъ послѣднемъ случаѣ предки пастора въ теченіе двухъ столѣтій передавали другъ другу духовный санъ, то, по біологической теоріи наслѣдственности, профессиональное

приспособленіе изъ поколѣнія въ поколѣніе должно было бы возрасти, вслѣдствіе чего должны были бы обнаружиться большее совершенство въ области данной профессіи. Однако, вряд ли кто либо будетъ серьезно утверждать, что находящіяся въ подобномъ положеніи многочисленныя пасторскія семьи евангелической Германіи даютъ въ настоящее время сравнительно лучшихъ проповѣдниковъ и болѣе даровитыхъ пастырей, чѣмъ въ XVII вѣкѣ.

Въ области цехового ремесла нашихъ городовъ званіе мастера, вслѣдствіе эгоистичной замкнутости отдѣльныхъ промысловъ, съ XVI до XVIII вѣка, за ничтожными исключеніями, дѣйствительно всегда переходило отъ отца къ сыну. Тѣмъ не менѣе техника при этомъ не только не усовершенствовалась, но даже понижалась и падала, какъ доказалъ это самъ Шмоллеръ въ одной изъ болѣе раннихъ своихъ работъ ¹⁸⁾. Сыновья не только не превзошли отцовъ въ искусности, но оказались даже неспособными удержаться на достигнутой предками высотѣ профессиональной сноровки.

Въ виду всего этого, не желая быть несправедливыми къ этой новой теоріи, мы должны будемъ понимать ее въ смыслѣ наследственной передачи физическихъ и умственныхъ свойствъ между членами одного и того же социальна-профессиональнаго класса. Но такъ какъ социальна-профессиональная группировка обыкновенно совпадаетъ съ имущественною и подоходною, и такъ какъ имущество и доходъ опредѣляютъ высоту (материальнаго и умственнаго) уклада жизни, то отъ автора этой теоріи мы выравѣ потребовать проведенія границы между тѣмъ, что есть слѣдствіе обусловленнаго имущественнымъ состояніемъ класса образа жизни и воспитанія, и тѣмъ, что должно быть отнесено къ унаслѣдованію профессиональной приспособленности. Если такое разграниченіе возможныхъ и вѣроятныхъ причинъ не проводится, если раздѣленію труда безъ разбора приписывается то, что съ болѣе болѣе вѣроятіемъ должно быть отнесено къ условіямъ имущественнаго распредѣленія, то всю эту теорію, при несомнѣнной слабости ея „историческаго доказательства“, придется считать лишь неудачной дарвинистической аналогіей, бездоказательно выставленнымъ положеніемъ.

Никто, кажется, не подвергалъ сомнѣнію преемственность „фи-

¹⁸⁾ Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe im 19. Jahrhundert стр. 14, 667 и сл.

зического и умственного склада“, „нервовъ и мускуловъ“ изъ поколѣнія въ поколѣніе въ предѣлахъ одного и того же социальнo-профессіональнаго класса. Пусть она называется наслѣдственностью, не слѣдуетъ только упускать изъ виду, что каждое новое поколѣніе лишь путемъ обученія и воспитанія поднимается на духовный и нравственный уровень родителей. И если при этомъ элементы образованія навѣваются на него (по мѣткому выраженію Рила — anfliegen) окружающей средой и примѣръ ея побуждаетъ къ подражанію, если безъ труда имъ усваивается многое, что другому, воспитывающемуся при иныхъ условіяхъ поколѣнію дается лишь съ большими усиліями, то все же главное здѣсь не въ прирожденномъ, а въ пріобрѣтенномъ. Это относится до извѣстной степени даже къ тѣлосложенію, поскольку оно зависитъ отъ питанія и воспитанія, отъ „нервовъ и мускуловъ“ ¹⁹⁾.

Конечно, элементы профессіональной приспособленности могутъ передаваться тѣмъ же путемъ „навѣванія“ и подражанія, какъ и другіе элементы. Но процессъ этотъ кореннымъ образомъ отличается отъ наслѣдственности въ біологическомъ смыслѣ ²⁰⁾. Унаслѣдуемое въ этомъ смыслѣ должно было бы обнаружиться даже въ томъ случаѣ, если бы потомство съ момента рожденія совершенно не находилось подъ вліяніемъ родителей.

Не знаю, существуютъ ли люди, полагающіе, что физическія и духовныя особенности, опредѣляющія культурный уровень нашихъ шести или восьми социальнo-профессіональныхъ классовъ, преемственны въ томъ смыслѣ, что проявятся даже тогда, если потомство одного класса будетъ воспитываться въ сферѣ вліянія другого класса. Практическая жизнь даетъ въ этомъ отношеніи лишь единичные примѣры, и никто до сихъ поръ не потрудился собрать ихъ. Въ такихъ случаяхъ большею частью

¹⁹⁾ Schöffle (Bau und Leben des socialen Körpers II, стр. 201) называетъ это физическою стороною педагогики. Онъ говоритъ: „Физическое воспитаніе каждаго новаго поколѣнія, развитіе въ немъ тѣлесныхъ качествъ отцовъ или дѣдовъ составляетъ огромную задачу, приходящую къ функціи полового размноженія... Этимъ вторымъ актомъ достигается такое физическое приспособленіе, какимъ не обладаютъ родители“.

²⁰⁾ О немъ-то у Шмоллера и идетъ рѣчь, какъ онъ самъ ясно говоритъ въ Preuss. Jhb. 69, стр. 464. Соціологическое понятіе наслѣдственности, конструированное Шефлэ (l. c. I, стр. 208 и сл.), его не интересуетъ, хотя многія изъ его разсужденій вызываютъ въ памяти конструкцію Шефлэ.

дѣло идетъ о дѣтяхъ низшихъ сословій, воспитанныхъ и даже формально усыновленныхъ членами высшихъ профессиональныхъ классовъ. Врядъ ли кто-нибудь рѣшится утверждать, что эти искусственно вошедшіе въ высшую социальную группу элементы впоследствии отличаются отъ элементовъ, принадлежащихъ къ ней по рожденію, худшими профессиональными качествами или болѣе низкимъ культурнымъ уровнемъ.

Другой рядъ относящихся сюда наблюдений даютъ тѣ случаи, когда потомство одного класса собственными силами поднимается до болѣе высоко стоящаго класса. Каждый знаетъ, какія трудности встрѣчаютъ такого рода попытки въ нашъ вѣкъ капиталистическаго производства, и какъ часто онѣ терпятъ крушеніе. Каждый легко представить себѣ и образъ „высочки“, который при всѣхъ своихъ профессионально-техническихъ достоинствахъ не въ состояніи достигнуть духовно-нравственнаго уровня новаго класса, въ который онъ вошелъ. Въ этомъ уже кроется и тотъ фактъ, что вынуждаемое раздѣленіемъ труда приспособленіе къ профессіи — главное условіе матеріальнаго успѣха — можетъ быть безъ особаго труда достигнуто каждымъ, тогда какъ нравственное и умственное приспособленіе, требуемое культурнымъ уровнемъ профессиональнаго класса, созрѣваетъ очень медленно, притомъ лишь въ соответствующей обстановкѣ, и часто достигается только вторымъ или третьимъ поколѣніемъ.

Строго доказать несостоятельность наслѣдственной теоріи Шмоллера такъ же трудно, какъ трудно было найти доказательства въ пользу ея. Нужно было бы пожалуй разобрать всѣхъ великихъ людей того или другого народа по профессіямъ ихъ родителей и опредѣлить, сколько изъ нихъ вышло изъ низшихъ слоевъ. Одновременно съ этимъ необходимо было бы установить для каждаго класса степень вѣроятности достиженія принадлежащими къ нему лицами болѣе высокаго положенія, въ которомъ они только и въ состояніи найти приложеніе своему крупному дарованію. И наконецъ, надо было бы опредѣлить отношеніе дѣйствительнаго количества великихъ людей, вышедшихъ изъ каждаго профессиональнаго класса, къ полученному на основаніи теоріи вѣроятности. Я думаю, нѣтъ надобности доказывать, что для такого изслѣдованія нѣтъ никакихъ данныхъ.

Можно однако положительно утверждать, что новая теорія про-

тиворѣчить пониманію современныхъ культурныхъ народовъ, основанному на наблюденіи многихъ поколѣній.

Какъ часто приходится слышать жалобы на то, что столько талантовъ погибаетъ вслѣдствіе неблагоприятныхъ внѣшнихъ условій! Правда, на это возражаютъ, что всякій истинный талантъ всегда пробьетъ себѣ дорогу. Однако это утвержденіе, лестное для самолюбія счастливецъ, жизнью рѣдко оправдывается.

Все наше социально-правовое развитіе со времени французской революціи покоится на томъ принципѣ, что каждому открытъ доступъ ко всѣмъ свободнымъ профессіямъ и всѣмъ государственнымъ должностямъ, въ которыхъ мы все еще видимъ высшую ступень профессиональнаго расцѣленія. Принципъ „свободнаго выбора профессіи“, признаніе котораго завоевано было послѣ тяжелой борьбы, былъ бы крупнымъ заблужденіемъ, а старанія провести его въ жизни — напраснымъ трудомъ, если бы для осуществленія его нужно было преодолѣть не только неравномѣрность имущественнаго распредѣленія, но еще и наследственность профессиональнаго приспособленія.

Къ тому же и нѣкоторыя наиболѣе старыя учрежденія нашей университетской жизни при свѣтѣ этой теоріи оказались бы побочными. Всѣмъ извѣстно, какъ сильно затрудняетъ доступъ къ наиболѣе выгоднымъ профессіямъ дороговизна подготовки. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельстве давно усматривали большую опасность, являющуюся тормазомъ для созданія хорошихъ чиновниковъ и профессоровъ, и ее старались предотвратить посредствомъ установленія стипендій, предоставленія даровыхъ обѣдовъ, допущенія платежей въ разсрочку и т. п. мѣръ, которыя должны сдѣлать образованіе доступнымъ и для бѣдныхъ. Можно спорить о практическихъ результатахъ этихъ мѣръ. Но все же при оцѣнкѣ ихъ никогда не слѣдуетъ забывать, что успѣхъ въ той или иной привилегированной профессіи зависитъ не только отъ личныхъ достоинствъ человѣка, но также и отъ социальнаго воспитанія каждаго, отъ его умѣнья использовать свои силы; что въ нашемъ несовершенномъ мірѣ скромный, хотя бы и достойный человѣкъ нерѣдко легко затирается дерзко пролѣзающею посредственностью; что поднимающемуся по социальной лѣстницѣ съ самаго низу труднѣе взобраться на самый верхъ, чѣмъ тому, кто началъ взбираться съ середины

ея. Нѣмецкое выраженіе „sich hervortun“ *) удачно отмѣчаетъ моментъ личнаго участія въ успѣхѣхъ на профессиональномъ поприщѣ. Поэтому и „крестьянскія дѣти съ высшимъ образованіемъ“, о которыхъ говоритъ Риль, впоследствии остаются незамѣтными людьми едва ли по той причинѣ, что они неспособны создать ничего выдающагося, но вѣроятно и потому, что въ извѣстный моментъ не сумѣли „выдвинуться“, не сумѣли себя показать.

При всякой соціальной группировкѣ, при которой имѣетъ значеніе профессія, въ каждой группѣ возникаетъ классовое чувство, инстинктивно противящееся всякому желающему проникнуть извнѣ и не дающее ему ходу, несмотря на талантъ, тогда какъ своихъ членовъ, принадлежащихъ къ группѣ по рожденію, хотя и слабыхъ, оно поддерживаетъ и защищаетъ. Такъ, для карьеры въ чиновничьемъ мірѣ, болѣе другихъ сохранившемъ характеръ чисто профессиональнаго класса, наряду съ имуществомъ рѣшающее значеніе имѣютъ личные и семейныя связи, и тамъ, гдѣ онѣ служатъ прикрытіемъ системы nepotизма, онѣ могутъ придать этому сословию прямо таки родовой характеръ. Во всей остальной лежащей за его предѣлами, обширной области профессиональнаго труда, до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать современная организація хозяйства, за имуществомъ тѣмъ паче сохранится значеніе главнаго фактора въ образованіи общественныхъ классовъ, рядомъ съ которымъ раздѣленіе труда будетъ имѣть лишь второстепенное значеніе, подобно тому, какое имѣетъ сотрудничество на ступени принудительнаго труда. Если профессія переходитъ отъ отца къ сыну, то это происходитъ не влѣдствіе того, что унаслѣдуется профессиональная приспособленность, а потому, что переходитъ по наслѣдству имущество, отъ котораго зависитъ принадлежность къ профессіи.

Въ виду этого, наслѣдственная теорія Шмоллера—конечно, помимо воли ея автора—являетъ непривлекательныя черты соціальной философіи имущихъ классовъ. Она говоритъ человѣку низкаго происхожденія, почувшему въ себѣ силу занять болѣе высокое положеніе въ профессиональной жизни: „оставь всякія надежды; твоя тѣлесная и духовная структура, твои нервы, твои мускулы, причинная зависимость между поколѣніями тянутъ тебя внизъ. Твои

---

*) Ему соответствуетъ русское слово „выдвинуться“. *Примѣч. перев.*

предки въ теченіе столѣтій были крѣпостными, твой отецъ и дѣдъ были поденщиками, ты предназначенъ для подобной же профессіи“. Миѣ нѣтъ надобности доказывать, насколько выводы этого новаго ученія рѣзко противорѣчатъ нашему нравственному сознанію, нашему идеалу справедливости.

Въ той стадіи недоказаннаго тезиса, въ которомъ это ученіе находится въ настоящее время, оно, по моему мнѣнію, опровергается довольно часто дѣлаемымъ наблюденіемъ, что всея путь отъ низшей до высшей точки современной культуры, отъ низшей до высшей ступени раздѣленія труда, отъ подножья до вершины соціальной лѣстницы продѣлывается въ обоихъ направленіяхъ въ теченіе одного поколѣнія. Нужно собственно удивляться, что подобное ученіе могло возникнуть у народа, который среди своихъ гигантовъ мысли насчитываетъ Лютера, сына рудокопа, Канта, сына шорника, Фихте, сына бѣднаго сельскаго ткача, Винкельмана, сына сапожника, Гауса, сына садовника, не говоря уже о многихъ другихъ ²¹⁾.

Существуетъ старинный анекдотъ о кардиналѣ, отецъ котораго былъ свинопасомъ, и гордомъ своимъ происхожденіемъ французскомъ посланникѣ. Въ какомъ-то сложномъ дѣлѣ, въ которомъ кардиналъ умѣло и настойчиво защищалъ интересы церкви, посланникъ вспылилъ и попрекнулъ его происхожденіемъ. „Дѣйствительно, сказалъ кардиналъ, отецъ мой пасъ свиней; но если бы вашъ отецъ былъ свинопасомъ, то и вы бы остались тѣмъ же“.

Въ этомъ маленькомъ рассказѣ лучше, быть можетъ, чѣмъ это можно было бы сдѣлать длинными разсужденіями, выражено наблюденіе многихъ поколѣній, что достоинства отцовъ не всегда передаются внукамъ и правнукамъ, и если даже унаслѣдуется профессія, то часто умѣнье ее выполнить исчезаетъ. Всякая аристократія, имущественная ли, или профессиональная, съ тече-

---

²¹⁾ Еще Валерій Максимъ написалъ главу (III, 4) „De humili loco natis, qui clari avaserunt“, которая начинается такъ: Saepe evenit, ut et humili loco nati ad summam dignitatem consurgant et generosissimarum imaginum foetus in aliquod revoluti dedecus acceptam a maioribus lucem in tenebras convertant. — Въ новѣйшемъ значительно смягченномъ изложеніи своей теоріи (Grundriss, стр. 396 и сл.) Шмоллеръ объясняетъ тотъ фактъ, „что въ народѣ, находящемся въ общемъ на высокой ступени развитія, великіе люди выходятъ изъ всѣхъ классовъ“ „своеобразнымъ вліяніемъ принципа измѣнчивости“. Но это ничего намъ не объясняетъ.

ніемъ времени вырождается, какъ вырождается растеніе, растущее на слишкомъ тучной почвѣ. Нѣтъ даже надобности понимать подъ этимъ нравственное вырожденіе; достаточно ослабленія физическихъ и умственныхъ силъ, пониженія размноженія, чтобы доказать, что притокъ свѣжей крови изъ низшихъ слоевъ профессиональной жизни въ высшіе является главнымъ условіемъ здороваго соціального обмѣна вещества. Именно въ томъ, чтобы сдѣлать возможнымъ постепенное соціальное восхожденіе и постоянное обновленіе высшихъ профессиональныхъ классовъ, мы всегда усматривали великую задачу нашего времени, между тѣмъ какъ кастовый строй, являющійся необходимымъ результатомъ теоріи наслѣдственности, представлялся намъ не началомъ, а концомъ всякаго культурнаго развитія.

Мы твердо будемъ стоять на этой точкѣ зрѣнія. Разрѣшеніе этой проблемы является для современныхъ культурныхъ народовъ вопросомъ жизни. Ибо, если исторія чему-нибудь насъ научила, то прежде всего слѣдующему. Если народъ не можетъ обновляться изъ бьющаго въ низшихъ классахъ родника свѣжихъ тѣлесныхъ и духовныхъ силъ, то къ нему можно отнести сказанное когда-то Нибуромъ объ Англіи и Голландіи: онъ лишенъ своей сердцевины и неминуемо долженъ погибнуть.

Х.

Типы большихъ городовъ на протяже-
ніи пяти тысячелѣтій.

СП6ГУ

Большіе города не представляют явленія новѣйшаго времени. Имена Оивъ, Мемфиса, Вавилона, Ниневіи, Зузы, Экбатаны ведутъ насъ въ глубокую древность. Въ третьей главѣ пророка Іоны мы читаемъ, что Ниневія, этотъ „великій городъ“, занималъ пространство въ три дня пути; Геродотъ ¹⁾ рассказываетъ о Вавилонѣ, что онъ представлялъ огромный четырехугольникъ въ 120 стадій съ каждой стороны, всего, слѣдовательно, въ 480 стадій, или на нашу мѣру—въ 88 километровъ. Такимъ образомъ онъ занималъ плоскость въ 484 кв. килом., т. е. въ восемь разъ большую, чѣмъ Берлинъ и почти въ двѣнадцать разъ большую, чѣмъ Дрезденъ. Одинъ теологъ-статистикъ, на основаніи указанія Іоны, что въ Ниневіи было „120,000 человекъ, не умѣвшихъ отличать правой и лѣвой стороны“, насчиталъ въ ней миллионъ жителей ²⁾. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что массы народа жили на пространствахъ, окруженныхъ крѣпкими стѣнами, величина которыхъ приводила въ изумленіе не только современниковъ, но и позднѣйшихъ путешественниковъ, видѣвшихъ развалины этихъ городовъ. Однако, они совершенно не походили на наши города. Они не имѣли связанной сѣти улицъ, а представляли лишь огромныя пространства съ многочисленными большими и малыми группами домовъ, между которыми разстилались поля, сады, луга и фруктовыя рощи, служившія во время войны убѣжищемъ для всего окружающаго населенія и его стадъ и, благодаря своимъ размѣрамъ, крайне затруднявшія для непріятеля осаду. Рассказъ Аристотеля ³⁾ о томъ, что въ то самое время, какъ Вавилонъ уже три

¹⁾ I, 178. (Геродотъ: Исторія въ девяти книгахъ. Русск. перев. Ф. Г. Мищенко. Москва. 1885. Т. I, стр. 91). Онос. дальн. срвн. въ особ. Pöhlmann: Die Uebervölkerung der antiken Grosstädte, Leipzig 1884.

²⁾ Süsmilch: Göttl. Ordnung II, стр. 335 и сл.

³⁾ Polit. III, 1, 12. (Аристотель; Политика. Перев. съ греч. Н. Скворцова. Москва, 1865, стр. 125).

дня находился въ рукахъ непріятели, часть „города“ ничего не знала объ этомъ, представляется правдоподобнымъ.

Но возникновеніе подобныхъ городовъ всегда, повидимому, шло рука объ руку съ основаніемъ большихъ царствъ отдѣльными могущественными предводителями воинственныхъ племенъ. Поэтому города эти были одновременно и столицами. Въ центрѣ ихъ возвышался царскій дворецъ, который со своими каменными громадами и стѣнами самъ представлялъ крѣпость, гдѣ жилъ царь со своими сокровищами, женами, тѣлохранителями и безчисленнымъ количествомъ рабовъ. По близости отъ него находились храмы національныхъ боговъ. Кругомъ жили вольные люди, чтобы въ случаѣ войны быть наготовѣ, тогда какъ женщины и дѣти во время походовъ оставались укрытыми отъ нападений кочующихъ разбойниковъ. Въ господствѣ надъ Малой Азіей одно племя смѣнялось другимъ. Халдейское царство смѣнилось ассирійскимъ, ассирійское—вавилонскимъ, вавилонское—мидійскимъ, мидійское—персидскимъ. Но во время всѣхъ этихъ смѣнъ погибъ одинъ только большой городъ: Ниневія. Персидскіе цари жили попеременно во всѣхъ трехъ столицахъ царства: зимой—въ Вавилонѣ, весной—въ еламитской Сузѣ, а лѣтомъ—въ мидійской Экбатанѣ, съ тою цѣлю, чтобы ихъ повсюду признавали наследниками национальныхъ царей ⁴).

Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ городами Египта ⁵). Мы знаемъ относительно фараоновъ такъ называемыхъ средняго и ранняго царства (2130 — 1050 г.г. до Р. X.) и есть основаніе предполагать относительно фараоновъ древняго царства (приблизительно 2000—2130 г.г. до Р. X.), что каждый уважавшій себя царь при вступленіи на престолъ начиналъ „строить для себя городъ“, который и получалъ его имя. Городъ строился по плану Оивъ, остававшихся благодаря своей святинѣ, въ теченіе долгаго времени религиознымъ центромъ, строился съ царскимъ дворцомъ, кладовыми, амбарами, садами и прудами, роскошь которыхъ воспѣвалась придворнымъ пѣвцомъ:

Его величество построилъ городъ
Имя ему побѣдоносный...

⁴) Срвн. E. d. Meyer: Gesch. des Altertums III, § 15.

⁵) Относ. дальн. см. E. rman: Aegypten und Aegyptisches Leben im Altertum, стр. 242 и слѣд.

Онъ лежитъ между Палестиной и Египтомъ
И полонъ всякаго добра.
Онъ подобенъ южному оону
И будетъ долговѣченъ какъ Мемфисъ.
Солнце восходить на его горизонтъ
И заходить внутри его ⁶⁾.
Всѣ люди покидаютъ свои города
И селятся въ западной его части...
Аммонъ живетъ въ южной части въ храмѣ;
Но Астартъ живетъ на сторонѣ, гдѣ восходить солнце,
А Уд'ойтъ въ сѣверной части ⁷⁾.
Дворецъ въ немъ
Полобенъ небесному своду
Рамзесъ, любимецъ Аммона, въ немъ богъ и т. д.

Только одна изъ этихъ столицъ, Мемфисъ, просуществовала долгое время; всѣ остальные погибли вскорѣ послѣ смерти ихъ основателей; выступающія изъ береговъ воды Нила сравняли глиняныя постройки съ землей; насильственно переселенные жители снова разсѣялись, и только воздвигавшіяся каждымъ изъ влaстителей пирамиды свидѣтельствуютъ объ ихъ мимолетномъ существованіи.

Это странное явленіе встрѣчается и до сихъ поръ въ Африкѣ, главнымъ образомъ въ обширной области, охватывающей пространство между южной границей Сахары и экваторомъ, и такъ какъ оно представляетъ наиболѣе древній типъ большого города, то не лишнимъ будетъ на немъ нѣсколько остановиться. Всѣ существующія тамъ болѣе или менѣе крупныя царства были основаны выдающимися предводителями воинственныхъ племенъ; покоривъ на большомъ протяженіи сосѣднія племена, они со своими воинами строили хорошо укрѣпленные города, откуда наводили страхъ на своихъ подданныхъ ⁸⁾. Послѣ смерти такого царя наслѣдникъ его основываетъ въ другомъ мѣстѣ новую столицу; прежняя же пустынь и оставляется совершенно на произволь судьбы; или во всякомъ случаѣ въ ней остается лишь небольшое число обитателей ⁹⁾. То же самое имѣетъ мѣсто, когда завоеватель покоряетъ какое-нибудь царство, съ тою лишь разницей, что въ

⁶⁾ Указаніе на то, что въ немъ живетъ царь (E g m a n).

⁷⁾ Каждое божество имѣетъ свой храмъ, обращенный къ той сторонѣ, въ которой находится его родина. (E g m a n).

⁸⁾ Срвн. S c h u r t z: Urgeschichte der Kultur, стр. 447 и сл.

⁹⁾ Срвн. вып. первый, стр. 22 и слѣд.

этомъ случаѣ покоренная столица нерѣдко, превращаясь въ резиденцію намѣстника, влечить и впослѣдствіи жалкое существованіе.

Ясную картину такихъ мертвыхъ городовъ представляетъ собою Суданъ, гдѣ они обозначаютъ этапы распространенія магометанства. То, что сообщается въ описаніяхъ путешествій о размѣрахъ большихъ городовъ Сокото, Кано, Гандо, Кука, Катзена, Мазена, напоминаетъ во многомъ описаніе Вавилона у Геродота. Колоссальныя каменные ограды, выстроенныя и поддерживаемыя тяжелымъ трудомъ, окружаютъ огромныя пространства, лишь въ небольшой своей части застроенныя домами, въ остальной же представляющія поля, луга и фиговые роци. Единственное видное строеніе — царскій дворець, вблизи котораго ежедневно происходитъ оживленный рынокъ. Извѣстная безопасность въ отношеніи жизни и имущества господствуетъ только въ стѣнахъ города; вплоть до стѣнъ доходятъ разбойничьи племена пустыни, и горе тому, кто выйдетъ изъ города невооруженный! У Барта и Нахтигала мы не разъ читаемъ о томъ впечатлѣніи, какое производили на нихъ эти города издали, и о той картинѣ пустоты и ужаса, которую они находили за ихъ стѣнами ¹⁰⁾. Даже знаменитый Тимбукту оказался сплошною развалиной, когда въ мартѣ 1894 года французы безъ боя имъ овладѣли; подъ желѣзнымъ игомъ Туареговъ онъ превратился въ городъ смерти.

Мы можемъ назвать этотъ типъ города, встрѣчающійся и въ древнемъ Китаѣ, первобытнымъ деспотическимъ городомъ. Желѣзная сила создала его и согнала туда жителей какъ въ большой укрѣпленный лагерь. Дань, доставляемая въ натурѣ покоренными племенами, наполняетъ кладовыя и склады властелина и обильно кормитъ тысячеголовый придворный штатъ и многочисленный зависимый отъ него мелкій людъ; время отъ времени походы приносятъ „неисчислимую добычу“. Кой-какая промышленность и производимая иностранцами торговля ютятся на окраинахъ города. Но въ общемъ такой городъ представляетъ собою лишь средство защиты и орудіе власти; въ экономическомъ же отношеніи онъ — только потребительный элементъ, участвующій въ національномъ производствѣ лишь тѣмъ, что снимаютъ его жители со своихъ садовъ, полей и фруктовыхъ деревьевъ.

¹⁰⁾ Срвн. напр. Barth: Reisen und Entdeckungen in Nord-und Zentralafrika II, стр. 49, 78, 123 и слѣд., 148, 168 и другія.

Обращаясь далѣе къ древнеклассическимъ народамъ, грекамъ и римлянамъ, мы видимъ, что вся ихъ исторія есть въ сущности не что иное, какъ исторія городовъ; ихъ государства—города, ихъ строй—городской строй, ихъ культура—городская культура. Правда, они выступаютъ на историческую арену, какъ чисто земледѣльческій народъ, разсѣянный по неукрѣпленнымъ селамъ (*χωρι, vicī*), живущій плодами земли, слабо сплоченный. Но здѣсь это не оканчивается, какъ у восточныхъ народовъ, тѣмъ, что какой-нибудь предводитель племени становится властелиномъ надъ многими или всѣми другими племенами и своей деспотической властью принуждаетъ ихъ къ рабскому повиновенію; здѣсь оно завершается тѣмъ, что племена превращаются въ города, покидаютъ сельскій образъ жизни и основываютъ въ годномъ для укрѣпленія мѣстѣ, за крѣпкими стѣнами, свободныя общины, въ которыхъ они находятъ защиту отъ внѣшняго врага и создаютъ кипучую внутреннюю общественную жизнь. Таковъ тотъ однообразный ходъ развитія, который имѣетъ мѣсто не только у грековъ и италиковъ, но и у всѣхъ почти народовъ, обитающихъ у Средиземнаго моря, отъ Малой Азіи вплоть до Испаніи и Галліи: повсюду небольшія племена стягиваются въ города, частью добровольно, частью по приказанію вліятельныхъ начальниковъ. Во времена римской имперіи этотъ процессъ захватываетъ даже варварскія страны: такъ, гальское племя алоброговъ растворяется въ римской колоніи Виенна, а германскіе уби въ *Colonia Agrippinensis*, нынѣшнемъ Кельнѣ.

Ранѣе всего этотъ замѣчательный процессъ превращенія въ города совершился у грековъ; у нихъ онъ обозначается особымъ выраженіемъ — синоикизмъ (общее поселеніе), и можно даже сказать: все то великое, что создано было эллинскимъ духомъ, вошло въ законъ и строй полиса — этого города-государства ¹¹⁾. Греки и сами сознавали это; горныя племена этоловъ, акарнановъ, озолійскихъ локрійцевъ, не продѣлавшія такого развитія, они считали полуварварами. Изъ всѣхъ греческихъ народностей, сыгравшихъ роль въ исторіи, только спартанцы со-

¹¹⁾ Изложено на основаніи изслѣд. Emil Kuhn'a: Ueber die Entstehung der Städte der Alten. Komenverfassung und Synoikismus. Leipzig 1878. Срви. кромѣ того Jac. Burckhard: Griechische Kulturgeschichte Bd. I и J. Kaerst: Geschichte des hellenistischen Zeitalters, I, стр. 1 и слѣд.

ставляютъ исключеніе, ибо у нихъ господствующее сословіе жило въ пяти неукрѣпленныхъ селахъ. Въ остальныхъ же мѣстностяхъ былъ полностью проведенъ принципъ синоикизма, либо такимъ образомъ, что все населеніе соединялось въ одномъ городѣ, какъ на примѣръ, въ Атикѣ (согласно сказанію—Тезеємъ), либо путемъ образованія нѣсколькихъ городскихъ центровъ, какъ на примѣръ, въ Бэотіи.

Сами греки видѣли основу синоикизма въ томъ, что люди, живущіе разбросанно, не способны поддерживать другъ друга во время войны, и политическое ихъ единство страдаетъ, если каждая мѣстность преслѣдуетъ свои цѣли. Къ нему прибѣгли, слѣдовательно, въ интересахъ обороны и гражданскаго единенія, и дѣйствительно, та воинская и политическая мощь, тотъ общественный духъ, то высокое развитіе искусства, выражающееся въ общественныхъ зданіяхъ, какія обнаружили эти городскія общины, останутся безпримѣрными во все времена. Фукидидъ въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ: если допустить, что Спарта и Аѣины разрушены были бы вѣдоть до храмовъ и основаній стѣнъ, то позднѣйшія поколѣнія съ большимъ сомнѣніемъ отнесли бы къ славѣ спартацевъ, въ то время какъ могущество Аѣинъ имъ показалось бы вдвое большимъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности ¹²⁾.

Въ маленькихъ государствахъ-городахъ, въ которыхъ, во время общенародныхъ собраній на рыночномъ мѣстѣ, голосъ оратора овладѣвалъ всей толпой, и все граждане знали другъ друга, греки усматривали высшее воплощеніе политическаго духа, и тѣ идеальные образы государства, которые даютъ намъ Платонъ и Аристотель, въ существенныхъ своихъ чертахъ скопированы съ дѣйствительности. Человѣкъ для нихъ растворялся въ гражданинѣ, а гражданинъ въ полисѣ; внѣ города они не признавали жизни, для которой стоило бы жить.

Строго проведенный синоикизмъ представлялъ слияніе всехъ населенныхъ мѣстностей страны въ одинъ городъ. Однако, воплѣ достигалась эта цѣль только очень маленькими общинами, какъ на примѣръ, Платеей, Теспіей; въ болѣе крупныхъ странахъ, какъ въ Атикѣ, селенія внѣ города, конечно, сохранились; но все правительственныя власти находились въ городѣ, въ деревнѣ же для веденія хозяйства продолжали жить только мелкіе землевладѣльцы,

¹²⁾ Фукидидъ I, 10. (Русск. перев. Ф. Г. Мищенко. Москва. 1887. Т. I, стр. 42).

арендаторы и рабы крупных помѣщиковъ, во время войны успѣшно спасавшіеся вмѣстѣ со скотомъ и добромъ за городскія стѣны. Состоятельный гражданинъ имѣлъ большею частью, кромѣ дома въ городѣ, еще и домъ въ деревнѣ, въ которомъ въ спокойныя времена онъ проживалъ часть года. Во всякомъ случаѣ идеальный гражданинъ государства-города долженъ быть землевладѣльцемъ и сельскимъ хозяиномъ, идеальное государство производить все, необходимое для существованія гражданъ, собственными силами; для него не существуетъ различія между городомъ и деревней. Обрабатывающая промышленность предоставлена чужестранцамъ (метэкамъ) и рабамъ. Только въ городахъ съ приморскими портами, которые соединялись съ городомъ „длинными стѣнами“, торговля играла существенную роль въ снабженіи жителей.

Ясно, что въ странѣ, раздѣленной по своимъ естественнымъ условіямъ на множество различныхъ частей, видѣвшей высшее политическое единство въ автономной городской общинѣ, несмотря на живое національное самосознаніе, не могло возникнуть объединенное національное государство. Города, правда, заключали между собою союзы, т. н. симахи, нѣкоторые на нихъ, какъ напримѣръ, Аѣины въ дѣлійскомъ морскомъ союзѣ, достигали при этомъ гегемоніи, а иногда могущественныя общины и прямо покоряли другія, присоединяли ихъ земли или дѣлили ихъ между гражданами по жребію; но все же въ общемъ сильное стремленіе къ расширенію большею частью выражалось въ основаніи колоній, создававшихъ на чужбинѣ новыя поселенія по образцу родного города. Такимъ образомъ, мало по малу все Средиземное побережье и всѣ острова покрылись насажденными греками городами, изъ которыхъ греческій городской строй проникъ даже въ варварскія страны. Въ глубинѣ современной Россіи, въ странѣ будиновъ бѣглые греки основали городъ Гелонось; ограда длиною въ тридцать стадій была изъ дерева, дома изъ дерева и храмы изъ дерева. Въ то время, какъ туземные варвары ведутъ кочующій образъ жизни, „гелонцы воздѣлываютъ землю, ѣдятъ хлѣбъ и занимаются садоводствомъ.“ Ихъ святилища, по греческому обычаю, имѣютъ изображенія божества; „каждые три года они празднуютъ въ честь Діонисія празднества съ оргіями ¹³⁾. Таково культурное значеніе эллинскаго городского

¹³⁾ По Геродоту IV, 108 и слѣд. (Русск. перев. О. Мищенко, т. I, стр. 344—345).

строю, создававшего повсюду только эту одну форму политической организации; лишь впоследствии, в царствах Александра Великого и его диадохов, онъ, въ соединеніи съ македонскимъ влияніемъ, сталъ ферментомъ крупныхъ территоріальныхъ государствъ. Только въ этотъ эллинистическій періодъ возникли дѣйствительно большіе города, какъ Александрія, Селевкія и Антиохія; но еще большой вопросъ, произошло бы это безъ влияния восточныхъ элементовъ.

Эллинизмъ національный не создалъ большихъ городовъ. Многіе, правда, причисляли къ таковымъ Аѳины во времена ихъ расцвѣта. Точныя свѣдѣнія о численности аѳинскаго населенія до насъ не дошли; новѣйшія вычисленія общаго числа населенія, предпринятыя на основаніи античныхъ данныхъ относительно отдѣльныхъ классовъ населенія, колеблутся между 250.000 и 640.000 душъ для всей Аттики, включая сюда гражданъ, метэковъ и рабовъ¹⁴). Врядъ ли Аѳины вмѣстѣ съ Пирэемъ когда либо имѣли болѣе 150.000 постоянныхъ жителей. Большинство указаній древнихъ относится къ числу гражданъ; судя по нимъ, оно равнялось 20 – 30.000, и это, по всей вѣроятности, соответствовало дѣйствительности. Надо помнить, что собственныхъ источниковъ пропитанія въ этой болшей частью гористой странѣ было мало, и что оживленная торговля, сосредоточившаяся въ Пирэѣ, почти всецѣло находилась въ рукахъ метэковъ. Существованіе такого огромнаго количества людей возможно было лишь благодаря тому, что Аѳины свое главенство въ дѣлѣйскомъ морскомъ союзѣ превратили въ господство надъ сотнями городовъ и острововъ, обязанныхъ имъ платить дань. Аѳинскіе граждане превратились такимъ образомъ въ вассаловъ огромнаго государства, и по исчисленію Аристотеля¹⁵), свыше 20.000 человекъ получало постоянное свое содержаніе изъ этого источника.

Перехожу къ римской имперіи, которая въ интересующемъ

---

¹⁴) Свѣдѣнія объ этомъ читатель найдетъ въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: Boeckh: Staatshaushaltung der Athener II³, стр. 42 и слѣд.; Beloch: Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt, стр. 57 и слѣд.; Ed. Meyer: Forschungen zur alten Geschichte II.

¹⁵) Аристотель: Аѳинское государственное устройство, 24. (Русск. перев. Н. Шубина. Спб. 1901, стр. 19). Любопытно, что Аристотель под черкиваетъ въ началѣ и въ концѣ своего исчисленія, что это и есть причина того, почему населеніе Аѳинъ сосредоточилось въ городѣ.

насть вопросѣ имѣеть особенно важное значеніе. Ибо на вершинѣ своего могущества она представляла господство одного города надъ полъ-міромъ и своей системой управленія усыпала всю эту обширную область городами, превративъ всѣ земли, подпавшія подъ ея владычество, въ сплошной рядъ городовъ ¹⁶⁾. Колоніи римскихъ гражданъ и латинянъ въ качествѣ городскихъ укрѣпленныхъ пунктовъ служатъ въ Италіи показателями распространенія римской государственности: первыя—въ прибрежныхъ мѣстностяхъ, вторыя—внутри страны. Позже возникаютъ земледѣльческія колоніи—съ социально-политической цѣлью надѣленія землей пролетаріевъ, и военныя колоніи—для награжденія землей ветерановъ. Во времена Августа вся Италія вплоть до рѣки По, „состояла изъ римскихъ городскихъ территорій“; то, что мы называемъ „сельскими мѣстностями“, не существовало; обычай помѣщиковъ жить въ городахъ, и теперь еще господствующій въ значительной части Италіи, возникъ въ то время. Изъ Италіи эта система перешла въ провинціи, отчасти путемъ, напоминающимъ греческій синоизмъ и современное присоединеніе предмѣстій къ крупнымъ городамъ (римляне называли это *attribuere*), отчасти также благодаря основанію городовъ императорами, богатыми купцами или дарованію городскихъ привилегій т. наз. лагернымъ городамъ. И здѣсь исчезаютъ сельскія общины; публично-правовое значеніе признается только за городами; земля же образуетъ ихъ округъ. Тому, что римляне сумѣли распространить свой языкъ и культуру далеко въ предѣлы варварскихъ странъ, они обязаны именно системѣ превращенія сельскихъ мѣстностей въ города и щедрому дарованію ими правъ гражданства покореннымъ народамъ ¹⁷⁾.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что городъ Римъ, какъ центръ государства протяженіемъ свыше 100.000 кв. миль плодотворнѣйшей на свѣтѣ земли, превратился въ дѣйствительно крупный го-

---

¹⁶⁾ Относительно дальнѣйшаго срвн. E. Kuhn: Die städtische und bürgerliche Verfassung des Römischen Reichs bis auf die Zeiten Justinians. 2 тома, Leipzig, 1864/5 и статью E. Meyer'a „Kolonisation, römische“ въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften, Supplementband II стр. 544 и сл.

¹⁷⁾ О населеніи Рима см. Wietersheim: Gesch. der Völkerwanderung I изд. I, стр. 392 и слѣд., Beloch, l. c. стр. 392 и слѣд. Противъ него Seek въ Jhb. f. N. u. Stat. III, F. XIII, стр. 169 и слѣд. и отвѣтъ Beloch'a, l. c., стр. 328 и сл.

родь. О численности его населенія мы, правда, не имѣемъ надлежащихъ данныхъ; новѣйшія оцѣнки колеблются въ предѣлахъ 700.000 и двухъ милліоновъ. Прокормленіе такого количества людей было бы не мыслимо при тѣхъ средствахъ сообщенія, которыя существовали въ древности, если бы не было водяного сообщенія съ моремъ по Тибру, по которому привозился изъ провинцій хлѣбъ, поступающій отсюда въ качествѣ дани. Собственныхъ источниковъ дохода населеніе Рима не имѣло; экспортной промышленности не существовало; господствующее рабовладѣльческое хозяйство ограничивало даже имѣющуюся повсюду, гдѣ скопляется много народа, возможность кормиться розничной торговлей или всякаго рода личными услугами. Въ общемъ, населеніе Рима, подобно населенію Аѳинъ, пользовалось своимъ положеніемъ властелина: богатые составляли себѣ состояніе изъ занимаемыхъ ими должностей; бѣдные получали отъ государства „хлѣбъ и зрѣлища“. Болѣе двухъ третей столичныхъ жителей, изъ которыхъ каждый воображалъ себя до извѣстной степени властелиномъ міра, пользовались публично раздаваемымъ хлѣбомъ. Число получавшихъ хлѣбъ еще до Цезаря достигало 320.000 мужчинъ, что вмѣстѣ съ женами и дѣтьми составляло 600.000 пролетаріевъ. Подобное же положеніе вещей находимъ впоследствии въ Константинополѣ, когда туда была перенесена резиденція ¹⁸⁾.

О населеніи другихъ городовъ Италіи и провинцій имѣется мало свѣдѣній ¹⁹⁾. Возможно, что столицы діадоховъ подъ покровительствомъ установленнаго императоромъ мира сохранили или даже умножили численность своего населенія; можно было бы привести и изъ другихъ частей государства тотъ или иной городъ съ значительнымъ населеніемъ. Но на этихъ провинціальныхъ городахъ оправдывается сказанное нѣкогда Фукидидомъ объ Аѳинахъ: если мы будемъ судить по ихъ развалинамъ, то необходимо станемъ преувеличивать ихъ размѣры. Повсюду въ этихъ городахъ временами господствовала настоящая строительная горячка. Побуждаемая мѣстнымъ патріотизмомъ, даже мелкія городскія общины старались подражать Риму въ отношеніи роскоши храмовъ, портиковъ и акведуктовъ; нѣрѣдко частныя лица тратили огромныя

¹⁸⁾ Срвн. ниже XII очеркъ.

¹⁹⁾ Я вынужденъ ограничиться ссылкой на Beloch' a l. c., стр. 477 и сл. и Friedländer'a: Darstellungen aus des Sittengeschichte Roms III⁶, стр. 175 и сл.

суммы на сооруженіе роскошныхъ общественныхъ зданій; во всѣхъ частяхъ римской имперіи сохранилась, благодаря прочности каменныхъ построекъ, масса величественныхъ остатковъ этой похвальной строительной роскоши. Длина городскихъ стѣнъ, о которой у древнихъ имѣются многочисленныя цифровыя данныя, еще менѣе можетъ служить масштабомъ для опредѣленія размѣровъ населенія, ибо мы не знаемъ, насколько застроена была окруженная стѣнами площадь.

Иную картину представляетъ германо-романское средневѣковье. Мы и здѣсь находимъ множество городовъ, довольно равномерно распределенныхъ по странѣ, но между ними раскинулись сельскія поселенія, мѣстечки, деревни, деревушки, болѣе древняго происхожденія, чѣмъ города. Если распределить ихъ равномерно между городами, то на каждый городъ придется 30—40²⁰⁾. Такой характеръ расселенія указываетъ на социальный строй, въ которомъ города играли совершенно другую роль, чѣмъ въ древности.

Правда, и въ средніе вѣка они являются прежде всего средствами обороны, крѣпостями, и потому всегда окружены крѣпкими стѣнами, за которыми въ случаѣ войны укрывается и сельское населеніе. Но это сельское населеніе не растворилось въ городахъ, какъ это было въ римскомъ государствѣ. Оно имѣетъ свой особый социальный строй и политическое значеніе. Оно образуетъ общины съ особымъ мѣстнымъ управленіемъ: старшинами и шеффенами, сельскими судьями и мн. др. Оно подвластно землевладѣльцу, будь то дворянинъ, князь или духовная корпорація, и подчинено особому земскому праву и земскому суду, тогда какъ городъ имѣетъ свое городское право и свой городской судъ. Городскіе жители носятъ названіе горожанъ, а сельскіе—крестьянъ; они образуютъ два рѣзко отличныхъ другъ отъ друга сословія. Итакъ, въ то время, какъ въ древности города поглотили села, въ средніе вѣка и тѣ и другіе являются самостоятельными и равноправными²¹⁾.

²⁰⁾ Мнѣ извѣстно только число общинъ, которыхъ въ 1900 году было 76,959, изъ нихъ 3,360 съ 2,000 и болѣе жит. и 73,599—менѣе 2,000 жит. Vierteljahrshfte zur Statistik des deutschen Reichs, XI (1902), 3, 82. Число мѣстностей, конечно, гораздо больше; срвн. вып. первый стр. 108 и слѣд.

²¹⁾ Впрочемъ, въ средневѣковыхъ „посадскихъ“ мы имѣемъ зачатки

Здѣсь предъ нами, такимъ образомъ, совершенно иной міръ, непохожій на древне-классическій,—міръ, для пониманія котораго необходимо уяснить себѣ экономическое различіе между древностью и средними вѣками. Въ Греціи и Римѣ городской житель одновременно является и землевладѣльцемъ и земледѣльцемъ, хотя бы онъ производилъ работу не самъ лично, а черезъ своихъ рабовъ или арендаторовъ. Ксенофонтъ и Катонъ увѣряютъ, что хорошій гражданинъ долженъ быть и хорошимъ помѣщикомъ. Этой роли гражданинъ средневѣковаго города не исполнялъ. Если онъ и разводилъ садъ или воздѣлывалъ нѣсколько полюсъ земли, онъ все же прежде всего являлся промышленникомъ, ремесленникомъ. Городъ и деревня раздѣлили между собой экономическія функціи. Деревня добываетъ сырье и пищевые продукты, городъ обрабатываетъ эти сырые матеріалы и посредствомъ торговли привлекаетъ изъ другихъ странъ то, чего не можетъ произвести самъ. Крестьянинъ и горожанинъ обмѣниваются своими продуктами на городскомъ рынкѣ. Своего рода естественная необходимость связываетъ городъ и окружающія его села въ одно замкнутое экономическое цѣлое, которое путемъ раздѣленія труда само себя снабжаетъ и имѣетъ самодовлѣющій характеръ. При этомъ города обнаруживаютъ склонность искусственно закрѣплять это выгодное для нихъ положеніе различными окружными и складочными привилегіями. Они устанавливаютъ принципъ, что ремесленникъ не долженъ жить въ селѣ (запрещеніе производить и сбывать издѣлія въ городѣ, городская черта) и въ значительной мѣрѣ осуществляютъ его на дѣлѣ.

Средневѣковый городъ германскихъ и романскихъ народовъ является естественнымъ продуктомъ внутренняго экономическаго развитія страны, мѣстнымъ средоточіемъ промышленнаго и торговаго населенія ²²⁾). Онъ имѣетъ, такимъ образомъ, свой особый „источникъ пропитанія“ и представляетъ собою не только потребительный центръ, подобно городамъ грековъ и римлянъ, но и центръ всякой производительной дѣятельности. „Трудъ—краса гражданина“. Пслѣдній не живетъ данью покореннаго населенія или трудомъ рабовъ

того процесса развитія, который совершался въ древности. Срвн. мое сочиненіе: „Bevölkerung von Frankfurt a M. im XIV и XV Jh.“, стр. 366 и сл.

²²⁾ О русскихъ „городахъ“ и ихъ совершенно особомъ положеніи срвн. интересныя данныя у П. Н. Милюкова: Очерки по исторіи русской культуры. 5-е изд. журн. „Міръ Божій“, ч. I, стр. 193 и слѣд.

и чиншевиговъ, какъ аѳинскій или римскій гражданинъ, и тѣмъ не менѣ имѣть обезпеченное существованіе: средневѣковъ городъ предоставляетъ городской рынокъ исключительно ремесленнымъ цехамъ; издѣлія, произведенныя въ города, онъ допускаетъ лишь въ видѣ исключенія. Онъ заботится о томъ, чтобы всѣ граждане находили себѣ одинаковое пропитаніе.

И по своему происхожденію большинство средневѣковыхъ городовъ отличается отъ городовъ древняго міра. Послѣдніе, какъ мы знаемъ, были почти всегда сооружены по приказанію публичной власти. Мы имѣемъ нѣчто подобное и въ средніе вѣка (напомнимъ основаніе городовъ Генрихомъ I, вельфами, цезингами); но большинство нѣмецкихъ городовъ все же выросло постепенно изъ сельскихъ общинъ. Правда, ихъ городское право основывалось на княжеской грамотѣ, но оно не сдѣлало ихъ зависимыми, а напротивъ, указало имъ путь къ гражданской свободѣ.

Экономическое положеніе средневѣковыхъ городовъ не позволяло скопляться слишкомъ большимъ массамъ въ одномъ мѣстѣ. Поэтому большихъ городовъ мы въ эту эпоху не найдемъ. Мы не намѣрены умалить славы такихъ старинныхъ городовъ, какъ Кельнъ, Франкфуртъ, Страсбургъ, Аугсбургъ, Регенбургъ. Но предположеніе, будто въ средніе вѣка въ нихъ было 60, 80 и даже 120 тыс. жителей, давно уже опровергнута. Въ настоящее время въ отношеніи Нюрнберга, Страсбурга, Нердлингена и Фрейбурга (Швейцарія) мы располагаемъ данными средневѣковыхъ переписей, а для цѣлаго ряда другихъ городовъ сравнительно точными вычисленіями, сдѣланными на основаніи податныхъ реестровъ и списковъ гражданъ ²³⁾. Согласно этимъ даннымъ получаютъ слѣдующія цифры городского населенія:

Любекъ (конецъ XIV в.)	22,300	Майнцъ (конецъ XV в.)	5,800
Страсбургъ (1473/7)	20,722	Нердлингенъ (1459)	5,295
Нюрнбергъ (1440)	20,165	Фрейбургъ (Швейц.) (1444)	5,200
Ульмъ (1427)	20,000	Фрейбургъ (Саксон.) (1474)	5,000
Аугсбургъ (1475)	18,000	Юберлингенъ (1444)	4,800
Цюрихъ (1410)	10,500	Дрезденъ (1477)	4,200
Франкфуртъ на Майнѣ (1387)	10,000	Лейпцигъ (1474)	4,000
Базель (1471/5)	9,000	Будбахъ (1421)	2,200
Эгеръ (1446)	7,300	Мейссенъ (1481)	2,000

²³⁾ Для краткости я сошлюсь на в. Jпaтa: Handwörterbuch d. Staatsw. II, стр. 663 и слѣд. (Русск. перев.— въ сборникъ „Народонаселеніе“ ученіе о народонаселеніи. Статьи изъ „Handw. d. Staatsw.“, подъ ред. С. Булгакова. Изд. Водовозовой. 1897, стр. 22 и слѣд.) и Statist. Monatsschr. XI (1906), стр. 281.

Такимъ образомъ, по численности населенія средневѣковые города въ общемъ не превышали размѣровъ современныхъ небольшихъ городовъ. Ихъ несомнѣнная мощь по сравненію съ земскими территоріальными властями покоилась на свободномъ строѣ городской жизни и на болѣе или менѣе совершенной социально-экономической организаціи. Въ томъ же направленіи вліяла слабость центральной власти, не имѣвшей ни постоянной резиденціи, ни цѣльной системы управленія, при которой отдѣльные города могли бы выдвинуться какъ резиденціи провинціальныхъ и окружныхъ властей.

Все это измѣнилось съ возникновеніемъ централизованнаго государства, съ появленіемъ котораго мы вступаемъ въ современный періодъ развитія городовъ. Современное государство не терпитъ рядомъ съ собою самостоятельныхъ властей; это рѣшило судьбу не только автономнаго средневѣковаго города, но также дворянскихъ и церковныхъ сеньориальныхъ владѣній. Современное государство знаетъ непосредственно своихъ подданныхъ; оно не опредѣляетъ для городовъ и помѣстій податныхъ и рекрутскихъ контингентовъ, а устанавливаетъ для каждаго подданнаго податную и воинскую повинность. Для того, чтобы сложная организація управленія могла оказать свое дѣйствіе, необходимо было снова разложить общество на его естественные элементы и сгруппировать его на новый манеръ. Города, мѣстечки, села являются для него лишь ограниченными извѣстнымъ пространствомъ корпоративными союзами, предназначенными для осуществленія государственныхъ задачъ; они представляютъ низшіе органы правительственнаго тѣла, простирающагося отъ окружныхъ и провинціальныхъ управленій вверхъ до центральныхъ учреждений. Каждая мѣстная община должна по мѣрѣ силъ служить благу цѣлаго.

Но, для того, чтобы отдѣльныя мѣстности могли выполнить эту задачу плодотворно и наиболѣе хозяйственнымъ образомъ, ихъ необходимо было дифференцировать. Не всякая община въ состояніи одинаково хорошо выполнить любую задачу для блага цѣлаго, подчиненнымъ членомъ котораго она является. Внутренняя безопасность дѣлаетъ излишнимъ большинство городскихъ стѣнъ. Въ то время какъ въ средніе вѣка каждый городъ былъ укрѣпленъ, теперь достаточно нѣсколькихъ пограничныхъ крѣпостей для защиты всего государства; если прежде въ каждомъ городѣ содержались наемные войска, то теперь многочисленная армія сосредоточивается

въ небольшомъ числѣ гарнизонныхъ городовъ. Одинъ городъ становится постоянною резиденціей главы государства, другіе—резиденціями провинціальныхъ и окружныхъ властей, мѣстонахожденіемъ окружнаго и мирового суда; въ третьихъ находятся университеты, политехническіе институты, академіи художествъ; четвертые являются узловыми пунктами желѣзнодорожной сѣти, ярмарочными центрами, курортами и т. д. Они берутъ на себя опредѣленныя функціи въ интересахъ всей страны и всѣхъ прочихъ мѣстностей. Но эти функціи не всегда специфически городскія. Онѣ могутъ выполняться и сельскими мѣстностями.

Особенно рѣзко это выступаетъ наружу съ развитіемъ современной крупной промышленности и съ чрезвычайнымъ размноженіемъ и усовершенствованіемъ путей сообщенія. Съ этихъ поръ все національное производство распределяется по территоріи такимъ образомъ, чтобы каждая отрасль находилась въ наиболѣе для нея благопріятныхъ условіяхъ. Возникаютъ цѣлыя фабричныя и кустарныя раіоны, придающіе долинамъ въ горахъ и равнинамъ на значительномъ протяженіи полугородской характеръ. Въ нѣкоторыхъ городахъ отдѣльныя отрасли промышленности и торговли развиваются до предѣловъ, на много превышающихъ не только мѣстный спросъ, но и спросъ всей страны. Въ другихъ, наоборотъ, исчезаетъ всякая промышленная и торговая дѣятельность; они опускаются до ступени деревень, и городское право, которое они сохранили отъ прежнихъ временъ, рѣзко противорѣчитъ ихъ экономическому состоянію и численности населенія ²⁴⁾. Различія между го-

²⁴⁾ Въ Германской имперіи въ 1890 году было всего 2,285 „городовъ“. Изъ нихъ 26 имѣли болѣе 100,000 жит.; 22—отъ 50 до 100,000 ж., 104—отъ 20 до 50,000 ж. и 169 съ 10—20,000 ж. Но кромѣ этого насчитывалось 26 деревень и предмѣстій съ 10—50,000 ж., изъ нихъ 11—съ числомъ жителей свыше 20,000.—Въ Пруссіи въ это время было 46 „городовъ“ съ числомъ жит. менѣе чѣмъ 1,000; изъ нихъ 14 въ пров. Познани, 12—въ Силезіи, 10—въ Гессенъ-Нассау, 3—въ Бранденбургѣ, по 2 въ Западной Пруссіи и Вестфалии, по одному въ Саксоніи, Ганноверѣ и Рейнской провинціи. (Шлейденъ съ 515 ж.). Рядомъ съ этими карликовыми городами насчитывалось 37 сельскихъ общинъ съ числомъ жителей свыше 10,000. — Насколько сильно опустелись нѣкоторые старинные города, показываютъ слѣдующія данныя, относящіяся къ Бадену. Тамъ въ 1885 году, насчитывалось 114 „городовъ“, изъ которыхъ только 63 имѣли болѣе 2,000 и 9 болѣе 10,000 ж. Изъ остальныхъ 51 „городовъ“ 42 имѣли: 1—2,000 ж.,

родомъ и деревней ступеваются: вблизи цвѣтущихъ промышленныхъ городовъ они соглаживаются вслѣдствіе того, что въ ихъ предмѣстьяхъ и окрестностяхъ основываются промышленныя заведенія и жилища для рабочихъ, а вблизи падающихъ маленькихъ городовъ — вслѣдствіе того, что послѣдніе сливаются съ окружающими деревнями и возникаютъ многолюдныя промышленныя села.

Разумѣется, этотъ радикальный переворотъ въ области національнаго раздѣленія труда не могъ свершиться безъ одновременнаго переселенія людей. Могли ли удержать у себя все возрастающее народонаселеніе мелкіе города и деревни, не имѣвшіе возможности увеличить количество своей земли? Но для того, чтобы населеніе могло съизнова распредѣляться по странѣ, соответственно имѣющимся въ данное время источникамъ пропитанія, необходимо было уничтожить прежнія ограниченія въ отношеніи выбора занятій и свободы передвиженія.

Съ могучими передвиженіями населенія современнаго періода наступила новая жизнь. Этотъ новый міръ не знаетъ ни городскихъ привилегій, ни прикрѣпленія къ землѣ; различіе между городомъ и деревней все болѣе ступеваются; мы почти не знаемъ иного различія между мѣстностями кромѣ количественнаго. Правда и въ среднѣ вѣка мы наблюдаемъ движеніе изъ деревень въ города. Но если всѣ ремесла въ городѣ были заняты, то пришельцы не находили себѣ тамъ дѣла, а власти прибѣгали къ ограниченіямъ доступа въ городъ и закрытію доступа въ цехъ. Въ настоящее время мы не въ состояніи опредѣлить предѣлы, какихъ можетъ достигнуть наша промышленность, въ особенности крупная, и въ виду этого не можемъ предсказать, когда завершится непрерывный ростъ нашихъ большихъ городовъ.

Переживаемый нами періодъ роста большихъ городовъ такъ неожиданно налетѣлъ на насъ, что мы въ настоящее время еще не можемъ вполне уяснить себѣ его сущность и значеніе. Въдѣ

4—500—1,000 и 5 менѣе 500 ж. (среди нихъ Клейнлауфенбергъ—441, Нейфрайштетъ — 427, Блюменфельдъ — 349, Фюрстенбергъ — 341, Гауенштейнъ—157). На каждый городъ приходилось приблизительно 14 сель. Съ другой стороны 129 общинъ (изъ нихъ 14 деревень) имѣли свыше 2,000 ж. Изъ старыхъ городовъ современному понятію города отвѣчало только 55%, а изъ деревень 4% съ точки зрѣнія статистики относятся къ городамъ.

это развитіе не старше стариковъ нашего поколѣнія. Сто лѣтъ назадъ на протяженіи Германской имперіи только одинъ городъ (Берлинъ) имѣлъ болѣе 100.000 жителей, а Гамбургъ еле достигалъ этой цифры. Около 1850 г. число городовъ, имѣвшихъ больше 100 тыс. жителей въ Германіи, равнялось только 5, главнымъ образомъ благодаря естественному росту населенія; въ 1870 году такихъ городовъ было 8, и съ этого времени начинается гигантскій ростъ ихъ: въ 1880 г.—15, въ 1890 г.—26, въ 1900 г.—33 и въ 1905 г.—41.

Если къ большимъ городамъ причислять только города, имѣющіе болѣе 100 тыс. жителей, то въ 1850 г. изъ 38 нѣмцевъ одинъ былъ жителемъ большого города, въ 1870 г. одинъ изъ 20, въ 1880 г. одинъ изъ 13; въ 1890 г. уже каждый 8-й, въ 1900 г. каждый 6-й, а въ 1905 г. каждый 5-й нѣмецъ былъ жителемъ большого города. Извѣстно, что подобное же развитіе еще ранѣе Германіи имѣло мѣсто въ Англіи, Франціи, Италиі, Бельгіи, что оно охватываетъ всѣ культурныя страны и что еще быстрѣе, чѣмъ въ Европѣ, то же самое происходитъ въ колониальныхъ странахъ, особенно въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки. Наибольшихъ размѣровъ оно достигло въ Англіи, гдѣ уже въ 1891 году не менѣе 32 процентовъ всего населенія жило въ городахъ съ числомъ жителей свыше 100 тыс., 21,7%—въ городахъ съ 20—100 тыс. жит. и только 28% въ сельскихъ округахъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что во всѣхъ этихъ странахъ населеніе все болѣе скопляется въ отдѣльныхъ пунктахъ. Но совершающійся при этомъ процессъ лишь весьма не точно опредѣляется терминомъ „урбанизаци“ культурнаго человѣчества. Такое опредѣленіе болѣе подходило бы къ классической древности. Современная „агломераци“ обнаруживаетъ сходство съ образованіемъ городовъ въ средніе вѣка постольку, поскольку и она является результатомъ внутренняго экономическаго развитія. Но съ половины XVIII вѣка это развитіе находится подъ вліяніемъ непрерывнаго роста населенія, который за послѣднія десятилѣтія въ Германіи составляетъ круглымъ счетомъ 1 процентъ въ годъ. Такъ какъ за это время очень рѣдко основывались новыя мѣстности, то понятно, что въ существующихъ уже мѣстностяхъ населеніе должно было увеличиваться благодаря естественному росту. Дрезденъ при 40,000 жителей въ 1800 году, путемъ лишь одного естественнаго прироста, слѣдствіе

превышенія рожденій надъ смертноcтью, въ 1900 году сталъ бы большимъ городомъ, т. е. переступилъ бы границу въ 100 тыс.; то же относится ко многимъ изъ нашихъ 41 большихъ городовъ. Мало того, нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, Кенигсбергъ и Данцигъ, въ настоящее время не имѣютъ даже того числа жителей, которое они должны были бы имѣть, если бы ихъ населеніе съ конца XVIII вѣка увеличивалось въ той же пропорціи, какъ возростало общее населеніе всей Пруссіи или окружающей ихъ провинціи. Берлинъ, насчитывавшій въ 1816 году уже почти 200,000 жителей, долженъ былъ имѣть еще до конца XIX вѣка свыше полумилліона, если бы приростъ населенія былъ въ немъ такой же, какъ въ старыхъ прусскихъ провинціяхъ того времени.

Отсюда вытекаетъ, что въ основѣ существованія нашихъ большихъ городовъ лежитъ отчасти естественный ростъ, который получается, если мы общій приростъ населенія съ 1750 года распредѣлимъ между существующими мѣстами пропорціонально прежней численности ихъ населенія. Но не только этому обязано возникновеніе большихъ городовъ. Ибо въ то же время происходило и мѣстное перемѣщеніе населенія; прибавлявшееся количество людей распредѣлялось не въ равной пропорціи по всѣмъ мѣстамъ; въ однихъ населеніе росло быстрѣе, чѣмъ это соотвѣтствовало бы естественному росту, въ другихъ—медленнѣе; немногіе сохраняли неизмѣнное число жителей; многіе шли назадъ. Этому явленію перемѣщенія дали названіе „движеніе въ города“. Крайне неудачное выраженіе! Въдъ какъ разъ тѣ мѣста, населеніе которыхъ быстрѣе всего увеличивалось и увеличивается теперь, представляютъ собою сельскія общины, между тѣмъ какъ населеніе сохранило неизмѣнную численность или даже пошло назадъ именно въ городахъ.

Созданное такимъ образомъ, съ теченіемъ времени, положеніе вещей находится въ рѣзкомъ противорѣчьи съ соціально-правовымъ состояніемъ многихъ мѣстъ. Множество мѣстъ по историческому праву называются городами и подлежатъ городовому положенію, между тѣмъ какъ по численности населенія они находятся позади многихъ сельскихъ общинъ. Наоборотъ, многія сельскія общины, насчитывающія 10, 15 и даже 20, 30, а нѣкоторыя свыше 40 тысячъ жителей, сохранили до сихъ поръ земское общинное управленіе. Въ Пруссіи 1 декабря 1900 года было всего 318 общинъ,

насчитывавшихъ каждая болѣе 10000 жителей, изъ нихъ 73 (=22,9%) были сельскія общины, изъ которыхъ наибольшія двѣ (Альтендорфъ и Борбекъ, Эссенскаго округа) вмѣстѣ имѣли 110000 жителей. Съ 1895 года населеніе этихъ 73 сельскихъ общинъ увеличилось въ общемъ почти на 40 процентовъ, тогда какъ въ населеніи 245 городскихъ общинъ, съ числомъ жителей свыше 1000 въ каждой, приростъ составлялъ только 20 процентовъ. Въ Саксоніи одна пятая скопляющагося въ отдѣльныхъ центрахъ населенія принадлежитъ къ сельскимъ общинамъ.

Статистики поэтому давно уже убѣдились, что старое понятіе города потеряло всякій смыслъ, и что въ настоящее время мѣста жительства можно различать только по численности ихъ населенія. Они указываютъ этимъ на то, что въ могучемъ движеніи, свидѣтелями котораго мы являемся, какъ бы столкнулись два различныхъ міра. Старые „города“ исчезли; выполнивъ свою историческую миссію, они въ беззильной старости медленно дожили свой вѣкъ. Болѣе половины мѣстъ, которыя, опираясь на свое историческое право, еще и теперь носятъ въ Германіи наименованіе города, его болѣе не заслуживаютъ, ибо они не имѣютъ городского характера, и официальная статистика очень мѣтко назвала ихъ терминомъ „сельскіе города“ (Landstädte). Ихъ замѣнили новыя социальныя образованія, возникшія на мѣстахъ какъ прежнихъ городовъ, такъ и сельскихъ общинъ. Они имѣютъ другое назначеніе въ жизни націи, чѣмъ старые города, и съ этимъ измѣненіемъ ихъ культурной миссіи тѣсно связаны и поразительный ихъ ростъ.

Современные городскіе центры скопленія населенія отличаются отъ городовъ прошлаго прежде всего органическимъ характеромъ своего роста. Ихъ вызвала къ жизни не внѣшняя сила; сотни тысячъ людей, наполняющихъ каменные дома и асфальтовыя улицы, сами или ихъ предки, пришли сюда добровольно, гонимые главнымъ образомъ экономическими мотивами; каждый можетъ оставить городъ, когда ему вздумается. Но отъ этого не опустѣютъ его стѣны и жилища; напротивъ, изъ года въ годъ приходится строить сотни новыхъ „наемныхъ казармъ“, чтобы дать мѣсто массѣ людей, которыхъ точно гонить въ городъ какая-то магическая сила. И нельзя пока предвидѣть конца этому росту.

Возможность прокормить такую огромную массу людей обуслов-

ливается современной техникой сообщеній и промышленной организаціей. Въ среднемъ, во всѣхъ крупныхъ городахъ Германіи въ 1895 году приходилось: 50,9% населенія на промышленность, 26,1% на торговлю и перевозочныя предприятия, 9,4% на государственную и общественную службу и свободныя профессіи, 8,5% на людей безъ профессіи (изъ нихъ 6,1% рентьеровъ и пенсіонеровъ) и, наконецъ, 5,1% на различныя другія профессіи. Если вспомнимъ, что, по крайней мѣрѣ, двѣ трети лицъ, занимающихся торговлей и транспортомъ, получаютъ работу отъ индустріи или заняты тѣмъ, что обслуживаютъ промышленное населеніе, и что тѣмъ же живетъ нѣкоторая часть изъ другихъ группъ населенія, то надо будетъ сказать, что три четверти населенія крупнаго города прямо или косвенно живетъ индустріей. Правда, нѣкоторые города, первые вошедшіе въ категорію большихъ городовъ, обязаны этимъ тому, что они были столицами, гарнизонами и центрами утонченной жизни; но все же безусловно ошибочно было бы утверждать, какъ это дѣлается въ новѣйшее время, будто наши большіе города являются экономически пассивными, главнымъ образомъ потребительными органами соціального тѣла.

Въ качествѣ центра труда, интенсивнѣйшаго національнаго производства наши большіе города, поскольку они дѣйствительно заслуживаютъ этого наименованія, несомнѣнно напоминаютъ средневѣковые города; но все же между тѣми и другими значительная разница: средневѣковый городъ основываетъ свое благополучіе на гармоническомъ развитіи мелкихъ промысловъ, сбытъ которыхъ простирается лишь постольку, поскольку непосредственный обмѣнъ на городскомъ рынкѣ привлекаетъ окрестное населеніе. Современный городъ, вслѣдствіе своей односторонне развитой крупной промышленности, работаетъ не только на національный, но и на международный рынокъ; границы его производства въ настоящее время еще не могутъ быть опредѣлены. Вслѣдствіе этого, первый по существу представляетъ собою небольшой городъ, тогда какъ второй по природѣ своей имѣетъ тенденцію развитія въ направленіи большого города. Но оба они представляютъ собою по преимуществу производительныя общины, между тѣмъ какъ всѣ болѣе ранніе типы городовъ носятъ экономически характеръ потребительныхъ единицъ. Первобытный деспотическій городъ является складочнымъ мѣстомъ военной добычи и дани, подобно той пещерѣ, въ которую хищный

звѣрь тащить свою добычу; чѣмъ больше страна, центромъ которой онъ является, тѣмъ больше могутъ быть его размѣры. Города обоихъ классическихъ народовъ древности представляютъ собою укрѣпленныя поселенія землевладѣльцевъ; ихъ величина въ общемъ зависѣла отъ размѣровъ страны, эксплуатируемой послѣдними; но несовершенство техники сообщеній не позволяло имъ переходить за извѣстные предѣлы. Исключеніе составляли только приморскіе города и въ особенности столицы государства, обнаруживающія еще нѣкоторыя черты первобытнаго деспотическаго города.

Еще яснѣе выступаютъ различія въ политическомъ отношеніи. Деспотическій городъ заключаетъ въ себѣ господствующее племя, за его предѣлами живетъ только покоренное населеніе. Грецескій полисъ представляетъ собою свободную общину, городъ и государство вмѣстѣ; государственное и городское управленіе совпадаютъ; отношеніе между городами такое, какъ въ настоящее время между плѣнами народами. Зачатки подобнаго строя мы наблюдаемъ и въ древней Италіи. Въ началѣ расцвѣта Рима могло казаться, будто усиленіе его могущества обозначаетъ принятіе жителей болѣе слабыхъ городовъ въ число гражданъ столицы. Но это не могло продолжаться долго, и дѣло не дошло до общей для всей страны системы управленія; муниципіи со своими территоріями обладаютъ самостоятельностью и ихъ внутренній укладъ подобенъ древнему строю Рима. Средневѣковыя города также обнаруживаютъ сильное стремленіе къ политической автономіи, но лишь немногіе достигли господства надъ экономически зависимыми отъ нихъ сельскими общинами. Все же и они по своему политическому положенію значительно отличаются отъ современныхъ городскихъ общинъ; они являются почти государствами въ государствѣ, тогда какъ современные города, хотя бы съ населеніемъ въ сотни тысячъ жителей, представляютъ только не-самостоятельные органы общаго государственнаго организма. Городское управленіе преслѣдуетъ въ нихъ государственныя цѣли подъ наблюденіемъ и руководствомъ государственной власти; кругъ его самостоятельной дѣятельности ограничивается „порученными ему государственными функціями“.

Такимъ образомъ, современные города составляютъ въ общемъ ходѣ развитія новый типъ, не похожій ни на одинъ изъ прежнихъ типовъ городовъ культурнаго міра. Они не возникли ни по приказанію деспота, ни по рѣшенному народнымъ собраніемъ синой-

кизму, ни путемъ политическо-военной колонизаціи, ни вслѣдствіе публично-правового акта, какимъ является дарованіе городскихъ привилегій въ средніе вѣка. Будучи продуктами чисто соціального развитія, они возникли на почвѣ политическо-гражданской свободы, и притязанія ихъ на первенствующую роль въ побѣдномъ шествіи современной культуры основываются не на писанныхъ пергаментяхъ, а на фактахъ соціального подбора, въ силу котораго они стали носителями всего высшаго, что представляетъ собою нація въ духовномъ и экономическомъ отношеніи. Въ томъ-то и кроется притягательная сила современныхъ крупныхъ населенныхъ центровъ, что они въ хозяйственномъ строѣ, покоющемся на формѣ крупнаго предпріятія и на принципѣ свободной конкуренціи, открываютъ широкое поле борьбы, гдѣ каждый талантъ можетъ рассчитывать на высшую награду. И хотя надежды эти рѣдко осуществляются, и многіе борцы въ концѣ концовъ безсильно опускаютъ руки, но за ними слѣдуютъ все новыя толпы, вступающія на арену труда, пока на ней есть мѣсто.

Разумѣется, переживаемый нами періодъ когда-нибудь окончится, и тогда наступитъ состояніе неподвижности или даже оцѣпенѣнія, какое имѣло мѣсто въ старинныхъ городахъ съ XVI до XVIII столѣтія. Напрасно было бы печалиться теперь объ этомъ; столь же бесполезны часто раздающіяся жалобы на непріятныя сопутствующія явленія, которыми, какъ всякій переворотъ, сопровождается перетасовка населенія. Вѣдь зато жизнь большихъ городовъ создала уже неизвѣстныя дотолѣ силы въ области техники, науки, искусства, помощи неимущимъ классамъ. Наконецъ, изъ нашего историческаго обзора вытекаетъ еще и то, что современный городъ, городъ свободно избраннаго труда, представляетъ собою болѣе высокую форму соціальной жизни, чѣмъ всѣ прежніе типы городовъ, не исключая и греческій полисъ. Несмотря на свое гордое величіе, онъ не существуетъ для себя, не стремится къ господству, къ эксплуатаціи, а какъ подчиненный членъ организованнаго въ государство народа, онъ для общаго блага прокладываетъ путь къ вышему, истинно-соціальному культурному развитію.

XI.

Соціальный строй середньовікового
города.

СПбГУ

Чтобы понять социальную группировку средневѣковаго городского населенія, необходимо выяснитъ себѣ прежде всего то огромное различіе въ отношеніи характера государства и общества, какое существуетъ между средневѣковьемъ и настоящимъ временемъ.

Обширная область массовыхъ человѣческихъ отношеній и взаимодѣйствій, какую представляетъ современное общество, столь же мало извѣстна среднимъ вѣкамъ, какъ и всеобъемлющее могущество и единство современнаго государства. И то и другое отсутствовало, за недостаткомъ объединяющей силы, которая заключается въ общественныхъ интересахъ истинной народно-хозяйственной жизни.

Что касается государства, то это мало нуждается въ доказательствахъ. Недаромъ же научная терминологія, говорящая объ „исторіи германскихъ императоровъ“ вмѣсто употреблявшагося прежде выраженія „исторія германской имперіи“, признала тѣмъ самымъ, что объединяющая сила старой имперіи заключалась въ личности государя. Всѣмъ извѣстно, какъ при слабомъ государѣ государство распадалось и какъ оно крѣпло, когда во главѣ оказывались сильные государя, появившіеся повсюду лично и отправлявшіе свои функціи управленія въ видѣ—да будетъ разрѣшено экономисту такое выраженіе—странствующаго промысла. Во сколько же разъ прочіѣе сковано современное государство, сколь независимо оно отъ появленія и смерти даже наиболѣе выдающихся государей! Намъ нѣтъ надобности доказывать то, въ чемъ убѣждаютъ насъ наименѣе совершенныя политическія организациі Европы, сохраняющія свое государственное бытіе, несмотря на происходящія внутри ихъ и граничащія съ анархіей потрясенія.

Что касается далѣе общества, то стойкость современнаго государства не мыслима безъ тѣсно сплоченнаго общежитія и многообразнаго взаимодѣйствія между всѣми его гражданами. При этомъ

поразительное развитіе обмѣна вывело соціальныя отношенія массъ далеко за предѣлы отдѣльнаго государства. Оно создало міровой рынокъ, міровую промышленность, международное раздѣленіе труда, международную кліентелу, приложеніе капитала и „интересы“ за границей; мало того, однородность экономическихъ условій пробудила между профессиональными и имущественными классами отдѣльныхъ странъ общность интересовъ и взглядовъ, которая не нуждается болѣе во внѣшнемъ скрѣпленіи.

Въ средніе вѣка, наоборотъ, общественная жизнь протекаетъ въ узкихъ кругахъ; преобладаютъ интересы отдѣльныхъ мѣстныхъ группъ; лишь немногіе общественныя связи обнимаютъ все государство; единственная соціальная организація, имѣющая международный характеръ это—церковь.

А средневѣковое государство! Какъ оно жалко и слабо по сравненію съ широкою мощью современнаго! Весьма многое изъ того, что теперь подчинено принудительной власти политической организаціи, въ средніе вѣка было предоставлено свободной самодѣятельности общества. Наиболѣе важныя общественныя задачи должны были выполняться узко ограниченными мѣстными союзами. Эти маленькія организованныя соціальныя группы нерѣдко получаютъ такую силу и значеніе, которыя вызываютъ ошибочное представленіе о нихъ, какъ о политическихъ образованіяхъ, о государствахъ въ государствѣ, какими они, по крайней мѣрѣ вначалѣ, вовсе не были.

Это прежде всего относится къ городамъ.

Будучи первоначально ничѣмъ инымъ, какъ крестьянскими селеніями, отличавшимися отъ деревень только своими укрѣпленіями, они вскорѣ дѣлаются рыночными мѣстами, центрами свободного обмѣна и въ связи съ нимъ гражданской свободы. Они становятся убѣжищами для лучшихъ элементовъ среди крѣпостнаго населенія, и вскорѣ одно за другимъ въ нѣдрахъ ихъ развиваются два профессиональныхъ класса, неизвѣстныхъ въ прежнемъ обществѣ—классъ ремесленниковъ и классъ торговцевъ. Рядомъ съ землевладѣніемъ, хотя и не независимо отъ него, они образуютъ новую форму имущества—движимый капиталъ.

Такимъ образомъ, города являются всецѣло соціальными образованіями: мѣстомъ защиты и убѣжища для сельскаго населенія, средоточіями обмѣна, центрами промышленной дѣятельности, оази-

сами денежнаго обращенія въ эпоху почти исключительно натурального хозяйства.

Мы знаемъ, какого политическаго могущества достигли, вслѣдствіе этого, нѣмецкіе города, какъ возвысились они въ концѣ среднихъ вѣковъ надъ большею частью многочисленныхъ мелкихъ территоріальныхъ княжествъ, на которыя распалась священная римская имперія, какое независимое положеніе они постепенно заняли по отношенію къ князьямъ и къ императору, какъ они мощною рукой подавили дворянство и какъ они, наконецъ, добились признанія своего независимаго положенія имперскихъ городовъ.

Что же придавало имъ такое политическое значеніе? Численность ихъ населенія? Корпоративная организація, завоеванная цехами въ долгой борьбѣ съ патриціями-землевладѣльцами? Денежныя богатства или военная сила?

Я думаю, ни одинъ изъ этихъ моментовъ, или, по крайней мѣрѣ, ни одинъ изъ нихъ отдѣльно отъ прочихъ взятый. Ихъ мощь заключалась скорѣе всего въ удачной соціальной группировкѣ и организаціи населенія, которая давала имъ возможность въ случаѣ опасности выставить такую объединенную народную силу, какой не было въ распоряженіи ни у одной изъ тогдашнихъ властей.

Если принять за масштабъ наиболѣе изслѣдованныя въ послѣднее время XIV и XV столѣтія, когда городское развитіе достигло высшей своей точки, то получаютъ весьма скромныя цифры городского населенія ¹⁾. Поскольку имѣются данныя о численности населенія нѣмецкихъ городовъ того времени, всѣ они, по нашимъ понятіямъ, являются мелкими городами, и намъ кажется даже страннымъ, что можно было предполагать въ нихъ такое значительное населеніе, какого тогдашнее экстенсивное земледѣліе не въ состояніи было бы и прокормить.

И даже такое незначительное число жителей большинство городовъ не въ состояніи было сохранить на продолжительное время. Черезъ каждыя два-три года масса народу погибала отъ чумы, голода, междоусобныхъ войнъ или осадъ; иногда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ умирала десятая, шестая или даже четвертая часть населенія. Съ 1326 по 1400 г.

---

¹⁾ Сравн. выше стр. 131 и слѣд.

было 32 эпидеміи чумы, съ 1400 по 1500 г.—около 40. Тотъ непрерывный ростъ городовъ, который въ настоящее время является предметомъ нашего удивленія и заботъ, среднимъ вѣкамъ былъ неизвѣстенъ. Правда, и тогда происходило массовое переселеніе въ города. Лучшія условія заработка въ городѣ въ связи съ возможностью пользоваться личной свободой, съ одной стороны, постоянная неувѣренность вѣвъ городскихъ стѣнъ и гнетъ барщины въ деревнѣ съ другой,—изъ году въ годъ гнали цѣлыя толпы народа въ городъ. И тамъ ихъ охотно принимали, чтобы заполнить вызванныя смертностью опустошенія и поддержать учрежденія, предназначенныя для защиты и обороны. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ успѣшнаго роста новое бѣдствіе опять сокращало населеніе, и хорошо, если въ теченіе продолжительнаго времени городу удавалось въ общемъ сохранить неизмѣннымъ число своихъ жителей.

Съ особенною ясностью эти перемѣны въ движеніи населенія выступаютъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, которымъ мы и ограничимся при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи. Такое ограниченіе вызывается двумя соображеніями. Благодаря счастливой случайности тамъ сохранилось такое обиліе актовъ и документовъ, что на основаніи ихъ возможны обширныя статистическія изслѣдованія франкфуртскаго населенія XIV и XV ст., какія немислимы ни для какого иного города Германіи. Съ другой стороны, большое значеніе этого города въ средніе вѣка находится вѣвъ всякаго сомнѣнія, вслѣдствіе чего полученныя на основаніи изученія его данныя можно отнести ко всѣмъ крупнымъ городамъ внутренней Германіи,—по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока они не опровергнуты будутъ точными изслѣдованіями относительно какого-нибудь другого значительнаго города.

Колебанія населенія Франкфурта можно довольно точно опредѣлить по сохранившимся податнымъ спискамъ (Bedebücher) отъ середины XIV до конца XV столѣтія. Такъ какъ въ списки эти внесены всѣ плательщики (не исключая нищихъ и не могущихъ платить), то по увеличенію и пониженію полученныхъ изъ этихъ данныхъ цифръ можно сдѣлать заключеніе относительно численности населенія въ соответствующія эпохи. А такъ какъ численность населенія за 1387 и 1440 гг. можно, кромѣ того, установить по сохранившимся спискамъ гражданъ, то посредствомъ комбинаціи

цифръ перваго рода съ соответствующими имъ по времени податными списками можно опредѣлить и приблизительное отношеніе числа плательщиковъ къ общей численности населенія.

На основаніи этого, получаютя слѣдующія цифры:

Годы.	Плательщиковъ.	Приблизительное число жителей.
1354	2669	7800
1359	3135	9200
1365	3072	9000
1370	2749	8100
1375	3051	9000
1380	3060	9000
1385	3405	10000
1389	3256	9600
1394	2624	7700
1399	2676	7800
1406	2397	7000
1410	2461	7200
1420	2382	7000
1428	2431	7100
1463	2595	7600
1475	2817	8300
1484	2527	7400
1495	2621	7700
1499	2583	7600

Цифры колеблются такимъ образомъ между 2400 и 3400 плательщиковъ или между 7000 и 10.000 душъ населенія. Цифры, указывающія число жителей, не имѣютъ, конечно, характера результатовъ переписи; онѣ приведены только для наглядности. Высшей точки населеніе Франкфурта достигло въ 1385 году непосредственно передъ Кронбергской битвой. Въ слѣдующемъ столѣтіи оно колеблется между семью десятыми и девятью десятыми достигнутой въ то время цифры, до которой, однако, оно уже больше не доходить. Въ 1499 году оно равняется только 7600 душамъ. Между тѣмъ съ 1385 по 1499 годъ во Франкфуртъ переселилось 5300 новыхъ гражданъ, т. е. вдвое больше того, сколько жило въ немъ въ началѣ этого періода,—такъ что путемъ одного лишь внѣшняго прироста

населеніе къ концу этого періода должно было бы почти утроиться, если бы смертность правильно покрывалась рождаемостью. На самомъ же дѣлѣ численность населенія показываетъ не болѣе трехъ четвертей своего первоначальнаго размѣра. Если бы съ 1389 по 1499 годъ населеніе увеличивалось въ такой пропорціи, въ какой оно увеличивается въ современномъ Франкфуртѣ за послѣдніе 5 лѣтъ, то оно въ 1500 году должно было бы равняться 100.000 душъ.

Когда мы разсматриваемъ столь рѣзкія колебанія въ численности населенія, то живо вспоминаются при этомъ прочувственныя слова о бренности и непрочности всего мірскаго, которыми начинаются многіе средневѣковые документы. Въ связи съ этимъ своеобразнымъ характеромъ движенія населенія находится и то обстоятельство, что составъ населенія по полу, возрасту и состоянію здоровья складывался весьма неблагоприятно.

Мы можемъ обозначить быстро растущее населеніе—въ которомъ, слѣдовательно, сильно представлено молодое поколѣніе,—молодымъ населеніемъ, а медленно увеличивающееся населеніе—старымъ. Такъ, Германія и Соединенные Штаты съ ихъ богатствомъ дѣтей имѣютъ молодое населеніе, а Франція—старое. Средній возрастъ во Франціи—31 г., въ Германіи—27, въ Соединенныхъ Штатахъ менѣе 24 лѣтъ.

Въ этомъ смыслѣ населеніе средневѣковыхъ городовъ было старымъ. Если сравнить имѣющіяся у насъ статистическія данныя о Нюрнбергѣ, Базелѣ, Фрейбургѣ (швейцарскомъ) середины XV вѣка съ франкфуртскими, то само собою напрашивается заключеніе, что число дѣтей по сравненію съ другими возрастами было меньше, чѣмъ въ настоящее время.

Правда, судя по имѣющимся у насъ даннымъ, браки въ средніе вѣка были очень плодотивы. Однако, влѣдствіе несовершенства врачебнаго искусства, много дѣтей погибало уже при вступленіи въ жизнь ²⁾; кромѣ того крестины, совершавшіяся уже въ теченіе перваго дня рожденія въ церкви, уносили, какъ въ настоящее время въ Россіи, не мало младенцевъ; наконецъ, дѣтскія болѣзни въ негигіеничныхъ жилищахъ производили громадныя опустошенія. Есть все основанія предполагать, что число мертворожденныхъ и погибавшихъ въ первый годъ жизни было чрезвычайно велико.

---

²⁾ Интересныя подробности объ этомъ имѣются у Stricker'a: Geschichte der Heilkunde in Frankfurt a. M. 1847, стр. 81.

Прослѣдивъ исторію какого нибудь извѣстнаго франкфуртскаго рода въ средніе вѣка, мы замѣчаемъ, что, не смотря на чрезвычайную плодовитость браковъ, родъ продолжается однимъ или двумя членами, и что эти семьи рѣдко переживаютъ второе столѣтіе своего существованія. Такъ, на примѣръ, въ семьѣ Рорбахъ съ конца XIV до конца XVI вѣка родилось около 65 дѣтей (не считая мертворожденных); изъ нихъ только 18 пережило своихъ отцовъ и только 12 вступило въ бракъ. Если въ наиболѣе видныхъ и состоятельныхъ семьяхъ смертность была столь велика, — какъ же обстояло дѣло съ дѣтьми ремесленниковъ и бѣдныхъ классовъ! Такимъ образомъ города и при отсутствіи эпидемій и голодовокъ нуждались въ притокѣ сельскаго населенія, чтобы удержать свою цифру жителей.

Столь же неблагопріятно, какъ группировка по возрасту, является и группировка населенія по полу.

Если и въ настоящее время перевѣсъ женскаго пола надъ мужскимъ среди взрослого населенія становится настолько угрожающимъ, что рядомъ съ многими социальными вопросами возникъ и „женскій вопросъ“, то въ средніе вѣка это обстояло еще хуже. Я не могу, правда, привести точныхъ цифръ для всего вообще населенія Франкфурта. Укажу только, что въ податныхъ спискахъ за 1385 годъ количество мужчинъ и женщинъ, обложенныхъ податями, въ верхнемъ городѣ выражалось отношеніемъ 1000: 1100; въ нижнемъ и новомъ городѣ за 1475 годъ отношеніемъ 1000: 1140; и что въ цеховыхъ спискахъ поражаетъ количество вдовъ. Съ другой стороны, намъ извѣстно, что въ Нюрнбергѣ въ 1449 году на 1000 взрослыхъ мужчинъ проходились 1207 женщинъ; среди населенія старше 14 лѣтъ двухъ базельскихъ приходоу въ 1454 году на 1000 мальчиковъ приходились 1246 дѣвочекъ, а въ 1576 году въ Ростокѣ на 1000 мужчинъ было 1295 женщинъ.

Конечно, подобныя же ненормальныя цифровыя отношенія встрѣчаются и въ современныхъ городахъ. ³⁾ Но такъ какъ средневѣковый хозяйственный строй ограничивалъ дѣятельность женщины исключительно домоу, то еще менѣе, чѣмъ теперь, можно было избѣжать дурныхъ социальныхъ и моральныхъ послѣдствій, и это обстоятельство при узости городскихъ условій побуждало искать вы-

³⁾ Срвн. мою статью въ *Ma y r's Allgem. Archiv* II, стр. 385 и сл.

хода въ такихъ мѣропріятіяхъ, за которыми нельзя отрицать нѣкоторой цѣлесообразности и здраваго смысла. Сюда относится учрежденіе женскихъ монастырей, пріютовъ для одинокихъ женщинъ и допущеніе женщинъ къ ремесламъ. Пріюты эти (Bekinenhäuser) основывались богатыми гражданами, которые жертвовали дома для извѣстнаго числа женщинъ, а нерѣдко и предназначали ренты или другіе доходы на ихъ содержаніе. Во Франкфуртѣ поименно извѣстны были 57 такихъ домовъ, въ которыхъ находили убѣжище 300 призрѣваемыхъ (бекинь), тогда какъ оба женскіе монастыря (Св. Екатерины и Бѣлыхъ женщинъ) вмѣщали только около 60 монахинь. ⁴⁾

Что касается участія женщинъ въ промышленномъ трудѣ, то мы находимъ ихъ почти во всѣхъ отрасляхъ промышленности, даже въ цеховомъ ремеслѣ, поскольку имѣлись подходящіе для женщинъ занятія, и хотя для Франкфурта нѣтъ указаній на существованіе специально женскихъ цеховъ, какъ это было въ Парижѣ и въ другихъ городахъ, но все же онѣ и здѣсь могли добиться самостоятельнаго положенія въ нѣкоторыхъ цехахъ. Особенно часто женщины встрѣчаются въ текстильномъ промыслѣ и въ розничной торговлѣ. Мы находимъ даже ихъ въ такихъ промыслахъ, въ которыхъ онѣ въ настоящее время не встрѣчаются, какъ напримѣръ, въ баняхъ и цырульняхъ. Въ періодъ отъ 1389 до 1497 года насчитываются не менѣе 15 женщинъ лекарей; въ 1368 году изъ 11 разрѣшенныхъ мѣняльныхъ лавокъ 6 находятся въ рукахъ женщинъ; мы встрѣчаемъ одну женщину въ качествѣ откупщика льняной пошлины и другую въ роли надзирателя у городскихъ вѣсовъ.

Эти примѣры весьма поучительны. Съ одной стороны, они указываютъ на тѣ пути, къ которымъ прибѣгали, чтобы устроить массу необезпеченныхъ женщинъ, а съ другой—они служатъ указаніемъ на то, что при скудости городского населенія необходимо было использовать для общественныхъ цѣлей все имѣвшіяся на лицо, даже наиболѣе слабыя, силы.

Группировка средневѣковаго городского населенія еще въ одномъ отношеніи была неблагоприятна, а именно—въ смыслѣ состоянія здоровья. Число хронически больныхъ тѣлесными и душевными болѣзнями было чрезвычайно велико.

⁴⁾ Подробнѣе см. въ моей статьѣ: Die Frauenfrage im Mittelalter, Tübingen 1882.

На первомъ планѣ стоятъ прокаженные, которыхъ ужасная ихъ болѣзнь приговаривала къ изгнанію изъ общества. Насколько значительно было ея распространеніе именно въ XIV и XV вѣкахъ, можно приблизительно представить себѣ по числу лепрозій, которыя имѣлись даже въ самыхъ мелкихъ городкахъ. Во Франкфуртѣ для этой цѣли служило лежавшее за городомъ „Gutleuthof“. Число его членовъ было, вѣроятно, велико, ибо они имѣли даже свой собственный кабакъ.

Число калѣкъ, слѣпыхъ, нѣмыхъ и душевно-больныхъ было также, сравнительно, гораздо значительнѣе, чѣмъ въ настоящее время.

Правда, даже въ наукѣ теперь еще сильно распространены взглядъ, что наше время со своей быстрою тратой жизненной энергии, возбуждающею торопливостью, рѣзкими социальными противорѣчіями, особенно способствуетъ развитію душевныхъ болѣзней. Но если отнестись критически къ имѣющимся цифровымъ даннымъ, то этотъ взглядъ окажется недоказаннымъ. Напротивъ, многое указываетъ на то, что возрастаніе цифръ, полученныхъ изъ народныхъ переписей (въ послѣднее время, впрочемъ, этотъ моментъ въ нихъ почти не отмѣчается) нужно отнести къ все болѣе увеличивающейся точности ихъ. И если мы допустимъ, что причинами душевныхъ болѣзней являются и физическія и психическія условія жизни, то нетрудно будетъ придти къ убѣжденію, что въ обоихъ этихъ отношеніяхъ средніе вѣка представляли больше опасностей, чѣмъ настоящее время. Рѣзкія противоположности въ тогдашней жизни уживались рядомъ: изобиліе и недостатокъ, пресыщеніе и нужда, наслажденія и лишенія. Кровавые ужасы, всевозможныя насилія, осады, казни, междоусобныя войны, чумныя эпидеміи, голодовки— все это въ связи съ религіознымъ фанатизмомъ и жестокимъ, часто неправеднымъ судомъ, должно было глубоко потрясать душу людей. Приятнаго сознанія спокойнаго, ртвномѣрнаго поступательнаго движенія жизни средневѣковье не знало.

Кто взялся бы измѣрить послѣдствія всего этого для душевнаго состоянія людей! Но, читая у лѣтописцевъ о настоящихъ душевныхъ эпидеміяхъ, охватившихъ въ концѣ среднихъ вѣковъ цѣлые слои населенія, о томъ впечатлѣніи, какое производила на людей чума, о крестовыхъ походахъ дѣтей, о бичующейся братіи, объ еврейскихъ погромахъ, о пляскѣ Св. Витта, охватившей прирейнскіе города,—мы не можемъ не поставить въ связь эти

два ряда явленій. Съ этимъ совпадаетъ столь часто встрѣчающееся во франкфуртскихъ актахъ упоминаніе о „дурачкахъ“, о тѣхъ, „кто не совѣмъ въ умѣ“; для обозначенія понятія душевнобольного имѣется около тридцати различныхъ выраженій. Въ городскихъ счетныхъ книгахъ расходы по призрѣнію своихъ и выселенію иногороднихъ помѣшанныхъ составляютъ постоянную графу. Первые запирались въ башняхъ, общественныхъ или частныхъ тюрьмахъ; въ 1477 году при домѣ призрѣнія даже построено было для нихъ особое зданіе.

Цифръ относительно распространенія этого бѣдствія мы, конечно, не имѣемъ; столь же трудно сказать, что преобладало, сумасшествіе или идиотизмъ. Относительно калѣкъ, глухихъ, глухонѣмыхъ, эпилептиковъ мы также можемъ только сказать, что о нихъ часто упоминается.

Что касается слѣпыхъ, то я, напротивъ, имѣю возможность привести довольно достовѣрныя цифры. Такъ какъ этотъ тѣлесный недостатокъ отмѣчается нашими переписями, то я прежде всего укажу, что по новѣйшимъ переписямъ на 10 тыс. жителей въ Германіи приходится 7, въ Австріи, Франціи, Англіи 8, въ Италіи 10, въ Испаніи и Ирландіи 11, а въ Норвегіи 13 слѣпыхъ. Въ средневѣковомъ же Франкфуртѣ, для котораго за десять различныхъ лѣтъ въ періодъ отъ 1399 до 1499 г. количество слѣпыхъ можетъ быть опредѣлено съ нѣкоторою точностью, это число было такъ велико, что на 10 тыс. приходится 20—42 слѣпыхъ (въ 1871 году только 5). Этой цифры количество слѣпыхъ въ настоящее время достигаетъ въ Европѣ только у одного народа: финско-эстонскаго: въ Финляндіи на 10 тыс. приходится 69, въ Эстляндіи—46 слѣпыхъ.

Въ средніе вѣка и не думали учреждать для лицъ съ различными тѣлесными недостатками особыхъ больницъ, ибо смотрѣли на такое несчастье, какъ на непреодолимую кару божью. Поскольку эти несчастные были здоровы и безопасны, ими пользовались для различныхъ работъ, часто не совѣмъ для нихъ подходящихъ. Въ 1440 г., напримѣръ, городской совѣтъ имѣлъ у себя на службѣ нѣсколько слѣпыхъ въ качествѣ привратниковъ и ночныхъ сторожей. Но большинство калѣкъ должны были содержать себя милостыней—обстоятельство существенное для выясненія интересующаго насъ вопроса. Подобно тому какъ еще и теперь въ Рос-

си нишіе образуютъ между собой артели, точно также и въ средніе вѣка эти уроды и калѣки соединялись для взаимопомощи въ церковныя братства; такія братства встрѣчаются и во Франкфуртѣ, какъ напримѣръ, кармелитское братство слѣпыхъ и калѣкъ. Распространеніе этихъ братствъ является лишнимъ доказательствомъ въ пользу большого количества калѣкъ и безумныхъ въ тѣ времена.

Послѣ всего сказаннаго, нельзя не признать, что трудно представить себѣ менѣе благопріятный по естественнымъ условіямъ составъ населенія, чѣмъ тотъ, который существовалъ въ средне-вѣковомъ городѣ. Избытокъ женщинъ, поскольку онѣ не были заняты домашнимъ и промышленнымъ трудомъ или не содержались на особые предназначенные для этого доходы, въ экономическомъ отношеніи являлся обременительнымъ. Масса же неспособныхъ къ труду калѣкъ, требовавшая не только содержанія, но и затраты труда здоровыхъ людей на уходъ и надзоръ за ними, представляла уже прямо отрицательную величину для хозяйства. Только небольшое количество дѣтей, хотя и задерживало ростъ населенія, является съ экономической точки зрѣнія отчасти благопріятнымъ. Дѣти составляютъ исключительно потребляющій элементъ въ хозяйствѣ, отъ котораго они требуютъ затратъ на содержаніе и воспитаніе. Семьи съ малымъ числомъ дѣтей при прочихъ равныхъ условіяхъ могутъ больше выработать и больше сберечь, чѣмъ семьи, обремененныя большимъ количествомъ дѣтей. Но эта точка зрѣнія, властно требующая себѣ признанія въ настоящее время, въ средніе вѣка, когда недостатокъ былъ не въ источникахъ пропитанія, а въ рабочихъ рукахъ, не могла имѣть значенія. Для средне-вѣковаго города бѣдность дѣтьми составляла большое несчастье.

Если мы обратимся теперь къ соціальной, въ тѣсномъ смыслѣ слова, группировкѣ населенія, то при бѣгломъ взглядѣ прежде всего бросаются въ глаза политическія и сословныя различія. Но какъ мы увидимъ далѣе, ихъ значеніе въ XIV и XV ст. ничтожно.

Для нашихъ пѣлей будетъ лучше всего раздѣлить все населеніе на двѣ части: постоянныхъ жителей и подвижное населеніе. Въ первой выдѣляются опять таки двѣ замкнутыя группы, которыя мы можемъ оставить пока въ сторонѣ: духовенство и евреи. Остальные постоянные жители въ политическомъ отношеніи раздѣляются на гражданъ и на лицъ, не пользующихся правомъ гражданства. Число послѣднихъ было очень незначительно, ибо городской совѣтъ

придерживался принципа—не допускать проживанія въ городѣ лицъ, которые не были бы его гражданами, почему и этому различію мы можемъ не придавать значенія. Граждане до конца XIV столѣтія дѣлились на двѣ одинаково могущественныя группы: городскую общину и цехи или организованныхъ ремесленниковъ. Во главѣ городской общины стояли родовитыя семьи, въ позднѣйшіе вѣка называемыя также патриціями. По всей вѣроятности, и во Франкфуртѣ они первоначально одни вмѣстѣ съ королевскими чиновниками управляли городомъ, но уже въ неизвѣстное намъ время они уступили третью мѣсть въ городскомъ совѣтѣ цехамъ. Число этихъ семействъ незначительно—обыкновенно не болѣе 20-30, съ 60-100 душами; оно было бы еще меньше, если бы время отъ времени не притекала свѣжая кровь изъ другихъ слоевъ городского населенія или извнѣ.

Въ общемъ же различіе между городской общиной и цехами не имѣетъ соціального значенія; въ особенности не слѣдуетъ понимать подъ нимъ различіе между ремесленниками и гражданами, занимающимися иными профессіями. Точно также и обычное въ XV столѣтіи дѣленіе населенія на родовитыхъ, цеховыхъ и нецеховыхъ имѣло главнымъ образомъ политическое значеніе.

Гораздо болѣшій интересъ имѣетъ для нашихъ цѣлей группировка гражданъ по занятіямъ. Но прежде, чѣмъ обратиться къ ней, мы должны отдѣлаться отъ довольно распространеннаго представленія, будто число цеховъ и ихъ членовъ можетъ служить надлежащимъ мѣриломъ для профессиональной дѣятельности городского населенія. Оно не является даже вѣрнымъ показателемъ дѣятельности ихъ въ области промысловъ, понимая послѣдніе въ узкомъ смыслѣ. Во Франкфуртѣ мы находимъ въ однихъ и тѣхъ же цехахъ ремесленниковъ разнаго рода, а нерѣдко даже людей, вовсе не занимающихся ремесломъ. Далѣе имѣлись цехи, члены которыхъ вообще не занимались обрабатывающей промышленностью, а воздѣлывали сады и виноградники, промышляли торговлей и маклерствомъ или состояли на городской службѣ. Наконецъ, и число ремесленниковъ, не входившихъ въ составъ цеховъ, было довольно значительно.

Въ виду этого, если мы хотимъ получить вѣрное представленіе о профессиональномъ составѣ гражданъ, мы должны пойти инымъ путемъ: необходимо, какъ это дѣлаетъ современная статистика,

распредѣлить гражданъ по профессіямъ, которыми они дѣйствительно занимались. Однако, выполнить эту задачу по отношенію къ среднимъ вѣкамъ чрезвычайно трудно, и даже для Франкфурта, несмотря на богатство матеріала въ его городскомъ архивѣ, это возможно было сдѣлать только для 1440 года ⁵⁾.

Въ 1440 году во Франкфуртѣ насчитывалось 1800 имѣющихъ самостоятельный заработокъ мужчинъ, распредѣлявшихся, по меньшей мѣрѣ, на 151 профессію. Число это, однако, не выражаетъ всего количества профессій, существовавшихъ во Франкфуртѣ въ средніе вѣка. Если считать и единично попадающіяся въ XIV и XV вѣкѣ занятія, то получается списокъ въ 340 самостоятельныхъ занятій мужчинъ. Притомъ надо помнить, что повсюду рѣчь идетъ о главномъ занятіи, т. е. о занятіи постоянномъ и составляющемъ главный источникъ пропитанія семьи.

Это большое количество различныхъ профессій составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ социальной группировкѣ населенія. Оно является мѣриломъ развитія средневѣковаго раздѣленія труда, и значеніе его можетъ быть правильно оцѣнено лишь послѣ того, какъ мы уяснимъ себѣ своеобразный характеръ средневѣковаго раздѣленія труда и способа производства.

Современный способъ производства въ промышленности—капиталистическій; онъ основывается на превращеніи денегъ въ товаръ и товара въ большее количество денегъ. Предприниматель покупаетъ сырой матеріалъ, орудія, машины, рабочую силу и затѣмъ продаетъ возникшій путемъ совместнаго дѣйствія всѣхъ этихъ элементовъ продуктъ съ прибылью. Прибыль эта тѣмъ больше, чѣмъ больше капиталъ и чѣмъ скорѣе его оборотъ.

Современное раздѣленіе труда представляетъ собою по преимуществу расчлененіе труда. Оно заключается въ томъ, что много рабочихъ рукъ различнаго качества дѣйствуютъ совместно въ одномъ и томъ же предпріятіи при изготовленіи товара, большею частью при помощи механическихъ двигателей и рабочихъ машинъ. Всякій успѣхъ въ области раздѣленія труда ведетъ къ расширенію предпріятія и къ увеличенію необходимаго оборотнаго, а зачастую и основного капитала.

---

⁵⁾ Подробности см. въ моей книгѣ „Bevölkerung von Frankfurt a. M.“ I, стр. 210 и слѣд.; здѣсь я ограничиваюсь главными выводами.

Средневѣковый способъ производства основывается большею частью на одномъ лишь трудѣ. Промышленникъ при простотѣ орудій производства долженъ самъ отличаться большимъ умѣньемъ. Сырой матеріалъ дается ему часто заказчикомъ, который затѣмъ потребляетъ его издѣліе въ собственномъ своемъ хозяйствѣ. За работу ремесленника составляетъ вознагражденіе за трудъ, и оно тѣмъ выше, чѣмъ искусство сработано издѣліе.

Средневѣковое раздѣленіе труда представляетъ собою главнымъ образомъ спеціализацію: оно сводится къ распаденію одной профессіи на нѣсколько. Область труда, которую раньше обнималъ одинъ мастеръ, становится источникомъ пропитанія для многихъ, независимыхъ другъ отъ друга, лицъ. Успѣхъ техники происходитъ лишь такимъ образомъ, что способъ, употреблявшійся въ производствѣ цѣлой группы однородныхъ продуктовъ, начинаетъ спеціально примѣняться къ какому-нибудь одному виду ихъ, орудія производства соотвѣтственно видоизмѣняются, и изготовленіе ихъ становится занятіемъ новаго ремесленника. А такъ какъ толчекъ въ области производства всегда исходитъ отъ потребителя, временно пользующагося услугами ремесленника, то производитель новаго вида издѣлій становится къ своимъ заказчикамъ въ такія же отношенія, какъ и прежній производитель всей группы издѣлій.

Поясимъ лучше всего этотъ процессъ на примѣрѣ. Портной стариннаго стиля самъ стригъ сукно, шилъ и вышивалъ мужское и дамское платье, бѣлье, чепцы, шапки, мѣховыя вещи. Изъ этого одного портняжнаго ремесла въ XIV и XV вѣкахъ образовались ремесла сукнострога, вышивальщика шелкомъ, шляпника, скорняка и починщика, изготовленіе же дамскаго платья и бѣлошвейное ремесло предоставлено было женщинамъ.

Процессъ этотъ можно наблюдать еще и въ настоящее время въ такихъ областяхъ труда, въ которыхъ непримѣнимо капиталистическое производство: на примѣрѣ, въ области науки или всякаго рода личныхъ услугъ. Приведу хотя бы врачебную профессію съ ея все болѣе увеличивающимися спеціальностями. Къ тому, что достигнуто этими спеціалистами въ техническомъ отношеніи, именно стремилась и этого же добивалась средневѣковая промышленность. Высшее индивидуальное искусство для стариннаго городского мастера и современнаго врача-спеціалиста то же, что

для фабриканта его патентованныя машины и способы производства и его хорошо дисциплинированная армія рабочихъ.

Въ то время какъ современное раздѣленіе труда все болѣе затрудняетъ рабочему путь къ самостоятельности, неизбѣжно приводя къ раздѣленію капитала и труда, средневѣковое раздѣленіе профессій увеличивало число самостоятельныхъ предпріятій и повышало значеніе труда для личнаго успѣха.

Мы не имѣемъ здѣсь возможности вдаваться въ подробности профессиональной группировки. Если распредѣлять по большимъ группамъ, то изъ 1800 лицъ, имѣвшихъ самостоятельный заработокъ, приходились на:

	Лицъ.	Процентъ.
ремесла въ тѣсномъ смыслѣ	1050	58,3
добывающую промышленность	330	18,3
торговлю, средства сообщенія и трактирный промыселъ	230	12,8
поденную работу неопредѣленнаго характера	60	3,3
общественныя должности	60	3,3
либеральныя профессіи	30	1,7
различныя занятія	40	2,3

На числа эти, понятно, нельзя смотрѣть, какъ на данныя современной статистики. Они распредѣляютъ гражданъ только по главному занятію и не отмѣчаютъ, что большинство ихъ часть своего пропитанія добывали изъ одного, а иногда и изъ нѣсколькихъ побочныхъ занятій. Результатомъ этихъ многочисленныхъ случаевъ соединенія труда является то, что нѣкоторыя области производства не выступаютъ наружу въ томъ видѣ, какой они дѣйствительно имѣли.

Такъ, напримѣръ, въ числѣ занимающихся добывающею промышленностью мы насчитали всего лишь 130 сельскихъ хозяевъ, между тѣмъ какъ вплоть до XVI вѣка и даже позже почти каждый горожанинъ занимался сельскимъ хозяйствомъ, либо, по меньшей мѣрѣ, разводилъ садъ и виноградники на городской землѣ или на близлежащихъ поляхъ. Точно также и на низшей городской службѣ состояло гораздо болѣе 60 человекъ; а если считать только тѣхъ, кто дѣйствительно могъ жить на доходы со своей должности, то и эта цифра окажется слишкомъ высокою. Къ нимъ нужно присоединить многочисленный персоналъ, необходимый го-

роду для различнаго рода сторожевой службы у воротъ, башень, тюремъ, карауленъ, заставъ, — большею частью бѣдные ремесленники, которые продолжали вмѣстѣ съ тѣмъ заниматься своимъ ремесломъ; далѣе, многочисленныхъ полудолжностныхъ лицъ для торговли на рынкѣ и, наконецъ, содержавшихся на городской счетъ ремесленниковъ: городского строителя, городского кузнеца, городского повара, мельника на городской мельницѣ и пекаря въ городской пекарнѣ. Такимъ образомъ мы въ общемъ получимъ около 200 человекъ, состоящихъ на городской службѣ — кромѣ солдатъ. При этомъ, подобно тому какъ нѣкоторые ремесленники соединяли въ своихъ рукахъ двѣ профессіи, такъ и нѣкоторые служащіе занимали одновременно нѣсколько мелкихъ должностей.

Наиболѣе же поразительною особенностью городской промышленной жизни является та второстепенная роль, какую играетъ торговля. Это объясняется попросту тѣмъ, что съ одной стороны, въ средніе вѣка торговля имѣла мѣсто только тамъ, гдѣ мѣстное производство оказывалось недостаточнымъ, а съ другой стороны — стремленіемъ поставить на городскомъ рынкѣ потребителя по возможности въ непосредственныя сношенія также и съ иногороднимъ производителемъ; и лишь въ цѣляхъ гарантіи правильной торговли между ними, вводилась въ качествѣ экспертовъ-посредниковъ армія присяжныхъ маклеровъ (перекупщиковъ), мѣрильщиковъ, вѣсовщиковъ. Изъ 230 приведенныхъ выше лицъ, занятыхъ въ области торговли, сообщеній и трактирнаго промысла, только 70 были розничными и мелочными торговцами и 15 занимались оптовой торговлей. Но и этихъ немногихъ оптовыхъ торговцевъ не слѣдуетъ себѣ представлять богатыми купцами, ведущими постоянныя торговыя операціи. Это были люди, принадлежавшіе къ семьямъ, которыя имѣли право засѣдать въ городской ратушѣ; и какъ въ настоящее время богатый человекъ, въ видѣ исключенія, иногда спекулируетъ на биржѣ, такъ и они помѣщали на нѣкоторое время часть своего имущества, состоявшаго преимущественно изъ земли, рентъ и чинша, въ торговыя операціи, принимая участіе въ какой-нибудь компаніи; и, право, не знаешь, куда собственно отнести этихъ людей — къ рентье, сельскимъ хозяевамъ, или купцамъ.

Если мы и причислимъ ихъ къ купцамъ, то все же на всю торговлю въ современномъ смыслѣ приходилось едва 5% населенія, имѣющаго самостоятельный заработокъ, между тѣмъ какъ въ

1895 году она занимала болѣе 18⁰/. Къ сферѣ торговли, средствъ сообщенія и трактирнаго промысла въ средніе вѣка принадлежали всего вмѣстѣ 12,8 проц., въ 1895 году—29,9 проц. Зато въ непосредственно производительныхъ профессіяхъ ремесла и добывающей промышленности въ средніе вѣка было занято 80⁰/о населенія, а въ 1895 всего 46⁰/. Въ томъ обстоятельствѣ, что четыре пятыхъ населенія трудились своими руками, съ помощью собственныхъ орудій, а иногда и собственнымъ матеріаломъ, въ мастерскихъ, на поляхъ, садахъ и виноградникахъ, и что выручка съ этого труда поступала цѣликомъ въ ихъ пользу,—въ этомъ кроется вторая причина могущества средневѣковаго городского хозяйства. То паразитное преобладаніе распредѣлительныхъ профессій, на которое раздаются жалобы въ настоящее время, въ средневѣковомъ обществѣ не имѣло мѣста.

Въ связи съ вопросомъ о профессиональной группировкѣ населенія намъ осталось еще упомянуть о двухъ группахъ постоянного населенія, занимавшихъ въ социальномъ отношеніи особое положеніе. Это—лица духовнаго сословія и евреи.

Духовное сословіе въ XIV и XV ст. насчитывало 85—100 лицъ блага духовенства, 80—100 монаховъ, 40—45 монахинь и 35—55 представителей иностранныхъ рыцарскихъ орденовъ, монастырей и калитуловъ. Такъ какъ содержаніе этого многочисленнаго персонала обезпечено было опредѣленными фондами, и лишь нищенствующіе ордена иногда прибѣгали къ помощи гражданъ, то они для городского хозяйства вовсе не являлись столь обременительными, какъ это можетъ казаться на первый взглядъ. Но зато, съ другой стороны, эти лица, несмотря на свои богатства, не принимали участія въ расходахъ города, ибо были освобождены отъ податей.

Еврейская община съ 1360—1500 года составляла менѣе 30 семействъ; за это время, судя по имѣющимся за всѣ эти годы податнымъ спискамъ, составъ ея сильно колебался; въ 1440 году она насчитывала всего 6—9 домохозяйствъ. Единственною профессіей ихъ были банкирскія и ссудныя операціи; торговлей товарами въ средневѣковомъ Франкфуртѣ евреи не занимались.

Переходимъ къ подвижной части населенія, къ рабочему классу, кикъ мы сказали бы теперь—къ работникамъ и работницамъ (Knechte und Mägde), какъ выражались въ средніе вѣка. Постояннаго мѣстнаго рабочаго населенія, подобно современному, средне-

вѣковѣ не знало, развѣ только въ видѣ ограниченнаго числа по-денщиковъ и рабочихъ на виноградникахъ. Что же касается числа пришлыхъ подмастерьевъ, батраковъ и женской прислуги, то мы не можемъ опредѣлить его по мѣстнымъ источникамъ. Для 1440 года я предположилъ 1500-1600 лицъ — по примѣру Нюрнберга, хотя Франкфуртъ въ промышленномъ отношеніи стоялъ ниже Нюрнберга, и цифра эта, пожалуй, даже слишкомъ высока.

Относительно распредѣленія имущества среди населенія мы тоже не имѣемъ прямыхъ данныхъ. Но мы можемъ себѣ составить о немъ приблизительное представленіе по сохранившимся почти цѣликомъ спискамъ, относящимся къ существовавшей тогда во Франкфуртѣ поимущественной подати. Если возьмемъ наиболѣе близкій къ 1440 году, сохранившійся почти цѣликомъ, списокъ плательщиковъ за 1420 г., то мы прежде всего замѣчаемъ, что налогъ составлялся изъ постоянной подати (подымной подати) въ 12 шиллинговъ (около 4 марокъ 20 пфениговъ), которая взималась съ каждаго домохозяйства, и изъ измѣнявшейся, соответственно различнымъ имущественнымъ объектамъ, подати, которая составляла на движимое имущество 1,3%, а на недвижимое достигала крайне высокой цифры въ 7%. Кромѣ того надо отмѣтить, что значительная часть имущества—своего рода прожиточный минимумъ—освобождалась отъ обложенія, а именно: треть жилья, одна лошадь, одна корова, домашняя утварь и одежда, два серебряныхъ кубка на каждую семью, а также годовой запасъ хлѣба, вина, дровъ, корма для скота и соломы ⁶⁾.

При такихъ условіяхъ на 2382 человекъ, подлежавшихъ обложенію, въ 1420 году было:

	Лицъ	Про- центъ
освобождено по бѣдности и другимъ основаніямъ.	94	3,9
освобождено въ размѣрѣ до 10 шилл. (=3 марки 50) пф.	387	16,3
обложено въ размѣрѣ отъ 10 шилл. до 1 фунта (=3 м. 50—7 м.).	1219	51,2
обложено въ размѣрѣ отъ 1 до 10 ф. (7—70 м.).	533	22,4
обложено въ размѣрѣ отъ 10 до 50 ф. (70—350 м.).	132	5,5
обложено въ размѣрѣ свыше 50 ф. (350 м.).	17	0,7

⁶⁾ Срвн. Bedeordnung за 1475 годъ въ моей статьѣ „Zwei mittelalterliche Steuerordnungen“ въ „Kleine Beiträge zur Geschichte“, юбилейное изданіе историческаго конгресса въ Лейпцигѣ (1854), стр. 151 и сл.

Свыше 100 фунтовъ платять только 7 лицъ. Высшій налогъ въ 145 фунтовъ, а на наши деньги въ 1015 марокъ уплачивають два лица (Гоаннъ фонъ Гольцгаузенъ и Генрихъ Виссэ-цумъ-Виссенъ).

Это весьма значительные оклады, даже если и не принимать въ соображеніе бѣдную цѣнность денегъ въ средніе вѣка. Они вообще становятся понятными лишь тогда, если имѣть въ виду, что средневѣковый городъ, взимая отъ времени до времени поимущественную подать, въ этихъ случаяхъ доходилъ до крайнихъ предѣловъ платежеспособности жителей. Различіе же между современнымъ распределеніемъ имущества и тѣмъ, которое, насколько можно заключить изъ раскладки податей за 1420 г., существовало въ тѣ времена, можно кратко резюмировать такъ: преобладаніе мелкаго и средняго имущества, незначительное число неимущихъ и очень богатыхъ. Правда, число лицъ, обладавшихъ имуществомъ сверхъ того, что необходимо для жизни, составляло всего 35%; но сюда приходится еще большое количество платившихъ постоянную подымную подать, изъ которыхъ весьма многіе, надо полагать, жили безбѣдно. Нельзя же назвать бѣднымъ человѣка, у котораго есть лошадь и корова, припасено сѣна, овса и соломы до Мартынова дня, имѣется одежда и утварь, а также хлѣбъ, вино и топливо отъ жатвы до жатвы; такой человѣкъ, имѣя къ тому же свободныя руки для ремесла, жилъ въ средніе вѣка сравнительно лучше, чѣмъ большинство людей въ современномъ Франкфуртѣ, обложенныхъ по низшимъ разрядамъ подоходнаго налога.

Что имущественная состоятельность въ средніе вѣка не ограничивалась классомъ землевладѣльцевъ, видно изъ того, что ремесленный классъ между отдѣльными разрядами обложенія распределяется вполне пропорціонально всему населенію, съ тою лишь разницей, что ремесленниковъ меньше въ низшемъ разрядѣ и обыкновенно совѣтъ нѣтъ въ высшемъ. Тѣмъ не менѣе мастера, платящіе 30—40 фунтовъ налогу, вовсе не такъ рѣдки, и если мы захотимъ примѣнить къ тогдашней франкфуртской промышленности старинную поговорку, что „ремесло имѣетъ золотое дно“, то податные списки этому нисколько не будутъ противорѣчить.

Правда, всякое сравненіе средневѣковаго и современнаго обложенія натывается на три почти непреодолимыя трудности: 1) раз-

личіе податныхъ системъ: главный прямой налогъ въ средніе вѣка вѣмался съ имущества, въ настоящее же время вѣмается съ дохода; 2) различіе въ цѣнности денегъ въ средніе вѣка и въ новѣйшее время; 3) невозможность опредѣлить въ деньгахъ цѣнность обозначеннаго въ податныхъ листахъ имущества. Послѣднее затрудненіе исчезаетъ лишь въ концѣ разсматриваемаго періода, въ 1495 году, когда поимущественная подать преобразована была въ періодически взимаемый по однимъ и тѣмъ же ставкамъ налогъ со всего оцѣненнаго въ деньгахъ имущества. Но осуществленіе этого новаго по своему характеру имущественнаго обложенія вначалѣ было, конечно, весьма несовершенно, и если я тѣмъ не менѣе приведу нѣсколько цифръ относительно распредѣленія имущества среди городского населенія, полученныхъ изъ сдѣланной по этой системѣ оцѣнки въ 1495 году, то я прошу не забывать, что мы во всякомъ случаѣ имѣемъ здѣсь дѣло съ минимальными цифрами.

Изъ 100 лицъ, подлежащихъ обложенію, имѣли:

имущества, подлежащаго обложенію въ гильденнахъ:		на современныя деньги въ маркахъ		среди всего населенія	среди ремесленниковъ:
менѣе 20	20	менѣе 140	140	45,7	32,7
20—100	100	140—700	700	26,8	32,6
100—200	200	700—1400	1400	8,2	12,5
200—400	400	1400—2800	2800	5,9	10,6
400—600	600	2800—4200	4200	2,9	4,3
600—1000	1000	4200—7000	7000	3,2	4,3
1000—2000	2000	7000—14000	14000	2,2	2,0
2000—5000	5000	14000—35000	35000	2,3	0,8
5000—10000	10000	35000—70000	70000	1,1	—
сверхъ 10000		сверхъ 70000		1,7	0,2

И здѣсь обращаетъ на себя вниманіе сравнительно большій процентъ ремесленниковъ въ среднихъ имущественныхъ разрядахъ. Однако, было бы ошибочно думать, что широкое распространеніе средняго достатка объясняется исключительно подъемомъ промышленности, и что въ среднемъ мастера того времени обладали значительнымъ промышленнымъ капиталомъ. Многіе изъ нихъ, напริมѣръ, шерстоткачи, мясники и отчасти пекаря, дѣйствительно давно уже перешли отъ работы на заказъ къ сбыту изготовленныхъ изъ

собственного материала продуктовъ и поэтому, конечно, должны были имѣть оборотный капиталъ. Это можно сказать и относительно большей части промысловъ въ области обработки металловъ, нѣкоторыхъ ремеслъ по обработкѣ кожи, по производству деревянной обуви и другихъ; ремесленники этихъ отраслей производства развозили свои издѣлія по городскимъ рынкамъ вплоть до Фульды и Нердлингена. Но большая часть ремесленниковъ, какъ это видно изъ городскихъ счетовъ, была вынуждена при болѣе или менѣе значительномъ заказѣ брать материалъ отъ заказчика.

Съ другой стороны, значительная часть ремесленниковъ состояла изъ землевладѣльцевъ и домовладѣльцевъ. Это видно изъ сохранившейся за 1438 годъ описи домовъ, — къ сожалѣнію, недостаточно полной для статистической обработки. И хотя эти дома ремесленниковъ были небольшихъ размѣровъ и обременены чиншемъ и повинностями, тѣмъ не менѣе они составляли прочную опору матеріальнаго существованія ихъ владѣльцевъ. Еще болѣе это относится къ землевладѣнію, которое было разбросано не только по всей территоріи Франкфурта, но и по всѣмъ почти окрестнымъ селеніямъ вплоть до Веттерау; и повсюду велось собственное хозяйство. Такимъ образомъ, большинство жителей тогдашняго Франкфурта еще добывали значительную часть средствъ существованія изъ сельскаго хозяйства, городскія же ремесла давали имъ лишь нѣкоторую дополнительную сумму наличныхъ денегъ. Этотъ-то двойной хозяйственный фундаментъ придавалъ жизни горожанина въ безпокойныя времена средневѣковья сравнительную устойчивость, распространявшуюся отчасти и на тѣхъ, кто жилъ исключительно трудомъ своихъ рукъ.

Мы пришли къ концу нашего странствія. Если мы теперь съ достигнутой нами точки обратимъ свой взоръ назадъ, то мы увидимъ, что, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія въ смыслѣ естественнаго состава населенія, его социальный составъ по профессіямъ и имущественному состоянію отличался вполне здоровымъ характеромъ. Городское хозяйство способствовало самостоятельности значительной части горожанъ; оно содѣйствовало развитію производительныхъ профессій; оно не дало развиться слишкомъ рѣзкимъ различіямъ въ распредѣленіи имущества и дохода.

Значеніе этихъ условій мы оцѣнимъ надлежащимъ образомъ лишь тогда, если обратимъ свой взоръ на то, что въ это время происходило за предѣлами городскихъ стѣнъ. Здѣсь землевладѣніе все еще составляло единственную форму имущества, а сельское хозяйство—единственную профессію. Но земля соединена въ рукахъ дворянства и церкви въ немногія крупныя владѣнія, а сельскій трудъ взваленъ на плечи прикрѣпленнаго къ землѣ, а иногда и лично-несвободнаго крестьянства—неподвижнаго, отвыкшаго отъ военной службы, тяжело угнетаемаго.

Хотя городъ еще не вполне эмансипировался отъ земли, но въ немъ рядомъ съ земледѣліемъ, принимающимъ здѣсь болѣе интенсивныя формы садоводства и винодѣлія, процвѣтаетъ богато развѣтвленная, развившаяся до поразительнаго многообразія, область самостоятельнаго профессиональнаго труда—ремесло. По самому своему характеру оно можетъ принимать лишь форму мелкаго производства. Оно создаетъ крѣпкій слой свободныхъ, независимыхъ трудящихся людей, значеніе которыхъ основывается на ихъ умѣніи. Производитель работаетъ собственными руками, собственными орудіями производства, а иногда и съ собственнымъ капиталомъ; обыкновенно онъ работаетъ не на большой рынокъ, а на тѣсный кругъ заказчиковъ изъ гражданъ или окрестнаго населенія; между нимъ и потребителемъ его издѣлій нѣтъ мѣста сворѣ алчныхъ посредниковъ.

Гдѣ ремесло не въ состояніи удовлетворить всѣхъ потребностей, на помощь приходитъ торговля, прежде всего въ характерной формѣ обмѣна на рынокѣ. Средневѣковый рынокъ нуждается въ большомъ сравнительно числѣ полудолжностныхъ лицъ — посредниковъ: множествѣ присяжныхъ маклеровъ, мѣрильщиковъ соли, угля, холста, носильщиковъ, вѣсовщиковъ, контролеровъ, разливателей вина, гонцовъ и корабельщиковъ; тутъ же располагается мѣняла со своимъ ларемъ и писарь со своей конторкой, чтобы составлять дѣловыя бумаги для многочисленныхъ неграмотныхъ людей. Правда, часть года большинство этихъ людей живетъ впроголодь. Но все же каждыя полгода бываетъ ярмарка, отъ времени до времени устраивается турниръ, происходитъ собраніе имперскихъ чиновъ или выборы императора, во время которыхъ многіе находятъ себѣ обильный заработокъ и пропитаніе. Чрезвычайно доходную статью франкфуртскихъ жителей

составляла отдача въ наемъ жилыхъ и торговыхъ помѣщеній на время ярмарки и содержаніе многочисленныхъ пріѣзжихъ на ярмарку.

Кого не можетъ прокормить одно занятіе, тотъ соединяетъ его съ другимъ или берется за иное. Ибо промышленная жизнь еще не застыла и не окостенѣла въ цеховыхъ постановленіяхъ; продолжаютъ еще возникать новые виды профессій, и если какое-нибудь ремесло негостепрѣмно закрываетъ свои двери, то вступается городской совѣтъ и уничтожаетъ вредныя постановленія.

На этомъ экономическомъ и соціальномъ основаніи средніе вѣка создали совершенную въ своемъ родѣ организацію труда и политическаго общежитія. Въ отношеніи первой они руководились двумя принципами—идеей общаго блага и стремленіемъ, чтобы каждое ремесло пропитывало занимающагося имъ собственноручно работника. Прямымъ послѣдствіемъ перваго принципа было то, что право на занятіе ремесломъ въ городѣ разсматривалось какъ обязанность, которую общество поручало отдѣльному мастеру или цеху и которая налагала на нихъ опредѣленныя обязанности; выводомъ изъ втораго принципа было всеобщее равенство и братство, которыя были обязательны для товарищей по профессіи. Съ этими двумя принципами, господствующими въ городскомъ хозяйствѣ, перекрещиваются два другихъ, родственныхъ имъ, въ области политической жизни: съ одной стороны, убѣжденіе что общество охраняетъ и защищаетъ каждого гражданина и „отвѣчаетъ“ за каждого, а съ другой, что каждый обязанъ отдать жизнь и имущество на пользу города. Изъ перваго вытекала солидарность гражданъ, изъ втораго — всеобщая воинская и податная повинность.

Эта солидарность, это всеобщее братство не ограничивалось многочисленными мелкими союзами, цехами, гильдіями, корпораціями, которыя образовывали патриціи, ремесленники, подмастерья. Оно обнимало всѣхъ гражданъ города въ одно, связанное присягой, цѣлое, въ которомъ всѣ готовы были „дѣлить вмѣстѣ радость и горе въ городѣ, или гдѣ придется“.

Въ этой организаціи общества, покоившейся на твердой почвѣ благоприятныхъ хозяйственныхъ условій, и заключается источникъ могущества средневѣковыхъ городовъ. Несмотря на незначительную численность населенія, они были сильнѣе сельскихъ областей, потому что здѣсь человѣкъ имѣлъ цѣну, имѣлъ большее значеніе, чѣмъ

тамъ, а также потому, что здѣсь каждый отдавалъ себя добровольно на служеніе общему благу по принципу: одинъ за всѣхъ и всѣ за одного.

И тѣмъ не менѣе мы имѣемъ передъ собой одностороннее, въ извѣстномъ смыслѣ эгоистическое развитіе, которое было возможно лишь благодаря все усиливавшемуся рѣзкому социальному разграниченію между городомъ и деревней, благодаря той экономической зависимости, въ какую городъ поставилъ окружающія его на большомъ протяженіи сельскія мѣстности. Это развитіе должно было завершиться установленіемъ политической зависимости деревни отъ города, и Франкфуртъ принадлежитъ къ числу немногихъ нѣмецкихъ городовъ, сознательно преслѣдовавшихъ эту цѣль путемъ присоединенія къ себѣ сельскихъ общинъ.

Однако, то обстоятельство, что въ Германіи развитіе городовъ было односторонне и осталось незаконченнымъ, послужило, на мой взглядъ, главной причиной того, что города явились въ государственномъ отношеніи не объединяющимъ, какъ это казалось вначалѣ, а разлагающимъ элементомъ, и что они въ XVII и XVIII вѣкахъ пали со своей высоты еще быстрѣе, чѣмъ достигли ея.

Въ настоящее время городъ не является уже болѣе замкнутою общиной; онъ подчиненный органъ большого цѣлаго—организованнаго въ государство общества. И если въ качествѣ такового онъ соединяетъ въ своихъ стѣнахъ наиболѣе блестящіе результаты общественнаго труда, то не слѣдуетъ все же забывать, что онъ является въ то же время и наиболѣе рѣзкимъ выразителемъ социальныхъ противорѣчій въ обществѣ, его безпокойства и неудовлетворенности. Какъ не пожелать, чтобы современному обществу удалось создать такую организацію труда, въ которой въ равной мѣрѣ соблюдены были бы интересы личности и государства, подобно тому какъ соблюдалъ интересы своихъ гражданъ социальный строй средневѣковаго города!

XII.

Внутреннія передвиженія и города
въ ихъ культурно-историческомъ
значеніи.

СП6ГУ

Всякое изслѣдованіе доисторическихъ временъ, поскольку оно касается одушевленнаго міра, имѣетъ своею исходною точкой переселенія. Распространеніе растений, животныхъ и людей по земному шару, родственная связь между языками, религіозными представленіями, сказаніями и легендами, нравами и общественными учрежденіями—все это, повидимому, находитъ себѣ объясненіе въ гипотезѣ переселеній.

Правда, относительно исторіи человѣчества въ настоящее время уже оставленъ взглядъ, будто кочевой образъ жизни представляетъ общую для всѣхъ ступень развитія, которую долженъ былъ пройти каждый народъ, прежде чѣмъ стать осѣдлымъ, и черезъ которую онъ, съ прирученіемъ домашнихъ животныхъ, „естественно“ переходилъ отъ охотничьяго образа жизни къ земледѣлію. Этнографія выяснила, что всѣ нецивилизованные народы, каковъ бы ни былъ экономическій базисъ ихъ существованія, легко и зачастую по незначительному поводу мѣняютъ свою осѣдность, и что мы находимъ у нихъ чрезвычайно много промежуточныхъ ступеней между кочевой и осѣдлою жизнью. И теперь еще не только сѣверная и южная граница обитаемой части земного шара населена кочевниками, но и во внутреннихъ его частяхъ есть не мало пространствъ, на которыхъ происходитъ постоянное переселеніе народовъ. У большинства культурныхъ народовъ сохранились преданія или историческіе памятники, свидѣтельствующіе о томъ, что они пережили такое состояніе.

И нѣмецкій языкъ сохранилъ глубокіе слѣды этой давно минувшей эпохи всеобщихъ передвиженій. „Gesund“ (здоровый отъ слова: senden—посылать) первоначально обозначало „готовый въ путь“, а „Gesinde“ (прислуга)—проводящихъ. Буквальный смыслъ словъ Gefährte, Gefährtin (товарищъ, подруга)—попутчикъ, попутчица; Erfahrung (опытъ) есть то, что узнается (erfahren) въ пути.

Бывалымъ (bewandert) является тотъ, кто много странствовалъ (Wanderng). Перечень этихъ словъ далеко не полонъ. Общее значеніе, которое они современемъ приобрѣли, служить указаніемъ на общераспространенность тѣхъ конкретныхъ взглядовъ и наблюденій, изъ которыхъ они первоначально возникли.

Отсюда само собою вытекаетъ, что состояніе всеобщаго передвиженія и укоренившіеся благодаря ему нравы странствующей жизни, не могли исчезнуть сразу, и что, напротивъ все дальнѣйшее развитіе, вплоть до нынѣшняго времени, должно быть разсматриваемо какъ непрерывный процессъ постепеннаго осѣданія, усиленія связи между человѣкомъ и клочкомъ земли, на которомъ онъ родился.

Такого рода взглядъ подтверждается многочисленными фактами. У предковъ нашихъ домъ являлся движимымъ имуществомъ, и доказано, что многіе поселенія въ исторической періодъ перемѣнили свое мѣсто. Несмотря на отсутствіе искусственныхъ дорогъ и удобныхъ путей сообщенія, человѣкъ въ средніе вѣка былъ гораздо подвижнѣе, чѣмъ въ позднѣйшее время. На это указываютъ многочисленные паломничества къ святымъ мѣстамъ, простиравшіяся до Сантъ-Яго въ Испаніи, крестовые походы, наличность цѣлыхъ массъ бродячихъ людей, странствующій образъ жизни королей и ихъ дворовъ, право гостепріимства, развитіе института конвоя.

Каждый новый шагъ въ развитіи культуры какъ бы начинается съ новаго періода переселеній. Земледѣліе первоначально носило кочевой характеръ съ ежегодной перемѣной запашки; древнѣйшая торговля была кочевая; первыя ремесла, выдѣлившіяся изъ домашняго хозяйства въ качествѣ самостоятельныхъ профессій, производились странствующими ремесленниками. Великіе основатели религій, древнѣйшіе поэты и философы, музыканты и художники повсюду проводили свою жизнь въ странствіяхъ. Да и теперь, несмотря на чрезвычайное развитіе средствъ извѣщенія, изобрѣтатели, проповѣдники новыхъ ученій, артисты переходятъ съ мѣста на мѣсто, ища себѣ приверженцевъ и поклонниковъ.

Чѣмъ старѣе культура, тѣмъ болѣе осѣдлымъ характеромъ она отличается. Греки были болѣе осѣдлы, чѣмъ финикіяне, римляне—болѣе, чѣмъ греки, ибо каждый изъ этихъ народовъ унаслѣдовалъ культуру предшествовавшего. Нѣчто подобное наблюдается

и въ настоящее время. Германецъ подвижникъ представителя романской народности, славянинъ подвижникъ германца. Французъ крѣпко привязанъ къ родной землѣ; русскій съ нею разстается съ легкимъ сердцемъ, чтобы искать въ другомъ мѣстѣ своего обширнаго отечества лучшаго заработка. Даже фабричный рабочій въ Россіи представляетъ собою не болѣе какъ періодически странствующаго крестьянина.

Ко всему фактическому матеріалу, который можно привести въ пользу того положенія, что человѣчество въ историческомъ своемъ развитіи становилось все болѣе осѣдлымъ, присоединяются еще два соображенія общаго характера. Съ развитіемъ культуры основной капиталъ увеличивается: производитель дѣлается неподвижнымъ, благодаря орудіямъ производства. Странствующій южно-славянскій кузнецъ и вестфальскіе металлургическіе заводы, выучная лошадь средневѣковаго купца и универсальные магазины современныхъ городовъ, странствующій балаганъ и постоянный театръ обозначаютъ исходныя и конечныя точки этого процесса развитія. Далѣе, современныя средства сообщенія въ гораздо большей мѣрѣ облегчили перевозку товаровъ, чѣмъ людей. Вслѣдствіе этого, нерѣдко имѣетъ большее значеніе распределеніе по мѣсту рабочихъ силъ, чѣмъ естественныхъ средствъ производства, такъ какъ послѣднія слѣдуютъ за первыми; ранѣе же отношеніе было какъ разъ обратное.

Правда, этому противорѣчатъ нѣкоторыя другія соображенія и факты. Прежде всего — прикрѣпленіе человѣка къ землѣ въ прежніе періоды аграрной исторіи, овеществленіе всѣхъ хозяйственно-правовыхъ отношеній въ противоположность современной свободѣ личности и собственности. Затѣмъ—и въ связи съ этимъ—возникновеніе въ новѣйшее время многочисленныхъ профессій, требующихъ только подвижнаго капитала или индивидуальной подготовки. Далѣе, все увеличивающаяся мобилизація поземельной собственности, представляющая современному крестьянину возможность продать свое имущество и устроиться по ту сторону океана, тогда какъ средневѣковый земледѣлецъ могъ развѣ только приписаться посадскимъ въ сосѣднемъ городѣ, откуда либо самъ продолжалъ вести хозяйство, либо передавалъ его другому за ежегодный натуральный оброкъ. Наконецъ, наблюдаемое увеличеніе притока сельскаго населенія въ города, обнаруживающееся

за послѣднія полъ-столѣтія въ необычайно быстромъ ростѣ населенія городовъ и останокѣ или даже упадкѣ его въ сельскихъ мѣстностяхъ. На основаніи всего этого многіе находятъ возможнымъ говорить о непрерывно увеличивающейся подвижности общества.

Какъ же примирить оба эти ряда явленій? Имѣемъ ли мы здѣсь двѣ противоположныя другъ другу тенденціи развитія? Или, быть можетъ, современные передвиженія отличаются совершенно инымъ характеромъ, чѣмъ прежнія?

Можно было бы пожалуй согласиться съ послѣднимъ предположеніемъ. Передвиженія въ первый періодъ исторіи европейскихъ народовъ были переселеніями народовъ: въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій происходитъ продвиганіе и оттѣсненіе племенъ съ востока на западъ. Въ средніе вѣка передвиженія захватывали всегда лишь отдѣльныя сословія: рыцарей во время крестовыхъ походовъ, купцовъ, ремесленниковъ (отхожіе промыслы), подмастерьевъ, фокусниковъ и актеровъ, крѣпостныхъ, искавшихъ защиты за городскими стѣнами. Наконецъ, современные передвиженія являются всегда дѣломъ отдѣльныхъ лицъ, побуждаемыхъ къ этому самыми разнообразными мотивами. Эти передвиженія, тысячами происходящія ежедневно, большею частью неорганизованы и имѣютъ между собой лишь то общее, что всѣ они представляютъ собою перемѣну мѣсть съ цѣлью отысканія лучшихъ условій жизни.

И все же такое разграниченіе современныхъ и средневѣковыхъ передвиженій не исчерпываетъ вопроса. Чтобы понять значеніе ихъ въ исторіи культуры, необходимо прежде всего внести свѣтъ въ тѣ многочисленныя смутныя представленія, которыя до сихъ поръ господствуютъ по этому вопросу среди большой публики, несмотря на старанія статистики и политической экономіи.

Среди всѣхъ массовыхъ явленій соціальной жизни, доступныхъ статистическому изслѣдованію, массовое передвиженіе, казалось бы, болѣе всѣхъ другихъ подчинено закону причинности, а между тѣмъ именно относительно его ближайшихъ причинъ существуютъ самыя неясныя представленія.

Вѣдь не только среди широкой публики и въ періодической печати, но даже въ научныхъ сочиненіяхъ говорятъ о тяготѣніи къ родинѣ (Heimatsinn) и о страсти къ путешествіямъ (Wandertrieb), и такимъ образомъ передвиженія людей съ мѣста на мѣсто ста-

вятся внѣ сферы сознательныхъ человѣческихъ дѣйствій. Съ другой стороны, однако, какъ это ни странно, при всемъ равнодушіи широкой публики къ официальной статистикѣ, общественное мнѣніе болѣею частью живо реагируетъ на появляющіяся въ печати данныя, касающіяся переселеній. Ихъ возрастаніе и уменьшеніе вызываетъ страхъ и надежды, одобреніе и неудовольствіе и служить объектомъ передовыхъ статей и парламентскихъ рѣчей. Тутъ уже не слышно о тяготѣннн къ родинѣ и о страсти къ путешествіямъ, есть смутное сознаніе, что за этими колебаніями кроются весьма конкретныя причины. Но какъ мало еще выяснены эти причины, можно видѣть, наиримѣръ, изъ того, что однажды въ германскомъ рейхстагѣ шли совершенно серьезно дебаты о томъ, выселяются ли люди оттого, что имъ хорошо живется, или оттого, что имъ плохо.

Нельзя сказать, чтобы статистика сумѣла выбраться изъ путаницы обыденныхъ представленій и придти къ твердымъ выводамъ на основаніи точныхъ наблюденій. Конечно, она смотритъ на переселеніе прежде всего какъ на массовое явленіе, обусловленное экономическими и социальными факторами; но, по моему мнѣнію, она все же слишкомъ рано ставила изученіе причинъ при помощи имѣющихся въ ея распоряженіи средствъ и обратилась къ анкетѣ, не исчерпавъ всѣхъ средствъ численнаго метода.

Тѣ скудныя замѣчанія, которыя мы находимъ у Кетлэ ¹⁾ по поводу явленія эмиграціи, убѣждаютъ насъ въ томъ, что и его объясненія еле выходятъ за предѣлы всѣмъ извѣстныхъ общихъ мѣствъ. Въ новѣйшихъ же официальныхъ матеріалахъ, правда, нерѣдко встрѣчаются весьма подробныя схемы вопросовъ, касающихся „причинъ“ или „мотивовъ“ переселенія, при которыхъ даже наиболѣе ограниченныя изъ заполняющихъ листы служащихъ общинъ не окажутся въ затрудненіи, но тѣмъ не менѣе сразу становится яснымъ, что при такихъ наводящихъ вопросахъ объективные результаты изслѣдованія замѣняются субъективными взглядами.

Прежде чѣмъ прибѣгать къ такому способу, при которомъ въ

---

¹⁾ Du système social et des lois qui le régissent, стр. 186—190. (Русск. переводъ.—Ад. Кетле: Соціальная система и законы, ею управляющіе. Перев. съ франц. кн. Л. Шаховскаго. Спб. 1866. Гл. VII, стр. 189—193).

цифры вкладывается то, что само по себѣ не вытекаетъ изъ нихъ, слѣдовало бы установить цифровую закономерность явленій передвиженія во всѣхъ его формахъ, сопоставить ихъ съ другими доступными статистическому изслѣдованію массовыми явленіями, совершающимися въ данное время и на данномъ пространствѣ (напримѣръ, съ густотой населенія, его профессиональнымъ составомъ, распределеніемъ земельной собственности, высотой заработной платы, движеніемъ цѣнъ на естественные припасы), т. е. примѣнить методъ параллельнаго сопоставленія изолированныхъ рядовъ цифръ.

Однако, мы еще весьма далеки отъ этихъ первыхъ шаговъ по пути къ точному методу. Нигдѣ еще планомерная статистическая обработка не захватила всей области явленій передвиженія; вниманіе удѣлялось только отдѣльнымъ бросающимся въ глаза явленіямъ. У насъ даже нѣтъ рационально составленной социально-экономической классификаціи всѣхъ видовъ переселеній.

Исходной точкой для такой классификаціи должны быть тѣ измѣненія въ распределеніи населенія, къ которымъ привело передвиженіе. Такимъ путемъ мы получимъ три группы:

1. Передвиженія съ непрерывной перемѣной мѣста.
2. Передвиженія съ временной перемѣной мѣстожительтва.
3. Передвиженія съ перемѣной мѣстожительтва на продолжительное время.

Къ первой группѣ относится кочевой образъ жизни, странствующая торговля и странствующие (отхожіе) промыслы, бродяжничество.

Ко второй—странствія подмастерьевъ, прислуги, промышленниковъ, ищущихъ наиболѣе благоприятныхъ условій для устройства временнаго предпріятія, чиновниковъ, которымъ временно поручается какая-нибудь должность, учащихся, посѣщающихъ учебныя заведенія въ другихъ мѣстахъ, и т. п.

Къ третьей—переселенія съ одного мѣста на другое, какъ въ предѣлахъ одного и того же государства, такъ и за-границу, въ особенности за океанъ.

Промежуточную ступень между первой и второю группой составляютъ періодическія передвиженія. Сюда относятся переходы сельскихъ рабочихъ во время жатвы, рабочихъ на сахарныхъ плантаціяхъ во время сахарной кампаніи, сѣверно-итальянскихъ и тичин-

скихъ каменьщиковъ, землекоповъ, трубочистовъ, индійскихъ и китайскихъ кули—все это переходы, повторяющіеся періодически въ опредѣленные времена года.

Хотя эта классификація оставляетъ безъ вниманія естественныя и политическія границы странъ, но этимъ вовсе не имѣется въ виду отрицать то значеніе, какое имѣеть въ нашъ вѣкъ націоналистическаго принципа и охраны національнаго труда то или иное подданство для переселенія. Послѣднему моменту, напротивъ того, мы отдадимъ должное въ другой классификаціи, въ основу которой положимъ географическое протяженіе передвиженій. Съ этой точки зрѣнія они распадаются на внутреннія и внѣшнія.

Внутреннія передвиженія суть такія, исходная и конечная точки которыхъ находятся въ предѣлахъ одного и того же государства, внѣшними — такія, которыя простираются за эти предѣлы. Послѣднія могутъ быть либо международными въ предѣлахъ Европы, либо внѣевропейскими (какъ ихъ обычно называютъ—заокеанскими). Но можно и все передвиженія въ предѣлахъ одной части свѣта называть внутренними, въ отличіе отъ собственно внѣшнихъ переселеній въ другія части свѣта.

Изъ всѣхъ этихъ многообразныхъ видовъ передвиженій до сихъ поръ предметомъ правильной официальной статистики служила только заокеанская эмиграція, да и она разработана недостаточно, съ чѣмъ, я думаю, согласится всякій, знакомый съ вопросомъ. Лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ періодическіе переходы рабочихъ и подвижная торговля дѣлались предметомъ изученія—чаще всего въ цѣляхъ изданія ограничительныхъ законовъ. Только итальянское правительство путемъ мѣстныхъ разслѣдованій, обмѣна индивидуальныхъ карточекъ и консульскихъ сообщеній давно уже стремится пролить свѣтъ на періодическую эмиграцію части своего населенія за-границу.

Передвиженія между отдѣльными государствами Европы съ временной или окончательной перемѣной мѣстожительинства отмѣчаются весьма несовершенно въ народныхъ переписяхъ,—въ графахъ, указывающихъ мѣсто рожденія и подданство; внутреннимъ же передвиженіямъ удѣлялось серьезное вниманіе лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

А между тѣмъ эти-то передвиженія съ мѣста на мѣсто въ предѣлахъ одного и того же государства несравненно многочислен-

нѣ и по своимъ послѣдствіямъ гораздо болѣе важны, чѣмъ всѣ прочія передвиженія взятая вмѣстѣ ²⁾).

Изъ всего населенія королевства Бельгіи, по даннымъ народной переписи 31 дек. 1900 года, не менѣе 36,5 % родились внѣ той общины; гдѣ проживали во время переписи, ³⁾ а изъ всего населенія Австріи — 34,8 %. Изъ 27.279.111 лицъ наличнаго населенія Пруссіи 1 дек. 1880 года 11.552.033 чел. или 42,4 % родились внѣ той общины, гдѣ проживали ⁴⁾. Болѣе двухъ пятыхъ населенія по меньшей мѣрѣ разъ въ жизни перемѣнили свое мѣсто жительства (общину)! Изъ переписаннаго 1 дек. 1900 года въ Швейцаріи населенія родились: въ той же общинѣ, гдѣ проживали, 52,0%, въ другихъ общинахъ того же кантона 24,8%, въ другихъ кантонахъ 13,9%, за-границей — 9,3% ⁵⁾. Притомъ вѣдь и самая община является административной единицей, обнимающей во многихъ случаяхъ нѣсколько селеній. Приведенныя цифры не касаются, слѣдовательно, многочисленныхъ передвиженій въ предѣлахъ одной и той же общины.

Послѣдній видъ внутреннихъ передвиженій, насколько мнѣ извѣстно, только однажды былъ предметомъ изслѣдованія, а именно въ баварской статистикѣ населенія по мѣсту рожденія за 1871 г. ⁶⁾ Согласно этимъ даннымъ изъ всего наличнаго населенія Баваріи родилось:

	лицъ	
1. на мѣстѣ гдѣ застала ихъ перепись	2.975.146	61.2%
2. въ общинѣ, гдѣ застала ихъ перепись	186.143	3.0 „
3. въ переписномъ участкѣ	677.752	13.9 „
4. въ Баваріи	944.101	19.4 „
5. въ Германіи	78.241	1.6 „
6. за-границей.	44.150	0.9 „

²⁾ Срвн. G. von Mayr: Statistik und Gesellschaftslehre II, стр. 106 и сл., 354 и сл. (Русск. перев.—Георгъ Майръ: Статистика и обществовѣдѣніе. Изд. товари. „Знаніе“. Спб. 1900—01. Т. II, стр. 165 и слѣд., 494 и слѣд., особ. стр. 498).

³⁾ Annuaire statistique de la Belgique XXXV (1904), стр. 60.

⁴⁾ Zeitschrift der k. preuss. statist. Bureaux XXI (1881), прилож. I, стр. 46 и сл.

⁵⁾ Statist. Jahrbuch d. Schweiz XII (1903), стр. 7.

⁶⁾ Die bayerische Bevölkerung nach der Gebürtigkeit. Разработано Г. Майромъ: Beiträge zur Statistik des Königreichs Bayern, Heft XXXII, стр. 10.

Баварское население 1871 года такимъ образомъ отличалось нѣсколько большею осѣдлостью, чѣмъ прусское 1880 года или швейцарское 1900 года, что, вѣроятно, объясняется болѣе раннимъ годомъ переписи. Тѣмъ не менѣе и здѣсь почти двѣ пятыхъ населенія (1.888.000 изъ 4.863.000) не родились въ томъ мѣстѣ, гдѣ проживали, т. е. когда нибудь сюда переселились. Въ большихъ городахъ число приплаго населенія достигло даже 54,5%, въ мѣстечкахъ— 43,2%, и даже въ сельскихъ общинахъ оно не опускается ниже 35,6%.

Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ колоссальнымъ массовымъ движеніемъ; и если допустима будетъ приблизительная оцѣнка—я не имѣю возможности привести здѣсь подробно фактическихъ основаній ея—то я рѣшаюсь утверждать, что число жителей Европы, обязанныхъ своимъ мѣстомъ жительства не рожденію, а переселенію, значительно превышаетъ сотню милліоновъ. Какъ ничтожны по сравненію съ этимъ цифры пресловутой заокеанской эмиграціи! ⁷⁾

Что такія массовыя передвиженія должны производить переворотъ въ жизни населенія, ясно само собой. Послѣдствія ихъ главнымъ образомъ экономическія и социальныя. Экономическимъ результатомъ всякаго передвиженія является обмѣнъ рабочихъ силъ между различными мѣстностями и областями, а иногда, вслѣдствіе тѣсной связи человѣка съ имуществомъ, также и перемѣщеніе капиталовъ. Эти движенія способствуютъ болѣе цѣлесообразному распредѣленію и группировкѣ труда и капитала на всемъ земномъ шарѣ—частью вслѣдствіе того, что трудъ слѣдуетъ за капиталомъ и природными богатствами, частью благодаря тому, что капиталъ отыскиваетъ свободныя рабочія руки. Социальнымъ послѣдствіемъ этихъ передвиженій являются значительныя измѣненія въ распредѣленіи населенія, которое непрерывными волнообразными колебаніями стремится придти въ равновѣсіе съ наличными средствами пропитанія. Въ однихъ мѣстахъ они задерживаютъ ростъ населенія, въ другихъ ускоряютъ его. Мѣстное распредѣленіе населенія, обусловленное его естественнымъ органическимъ ростомъ, вслѣдствіе превышенія рожденій надъ смертностью, нарушается.

Однако, именно въ этомъ отношеніи для отдѣльнаго государства

⁷⁾ За 85 лѣтъ съ 1821 до 1905 г. въ Соединенные Штаты Америки переселились изъ всѣхъ вообще европейскихъ странъ 22.926.568 эмигрантовъ.

заключается огромная разница между внутренними передвиженіями и эмиграціей.

Непосредственныя послѣдствія эмиграціи для родины выражаются въ томъ, что она ведетъ къ разрѣженію населенія и даетъ возможность тѣмъ, кто остается, нѣсколько раздвинуться. Вызванный же ею быстрый ростъ населенія и эксплуатація свободныхъ земель въ малонаселенныхъ колоніяхъ даетъ себя почувствовать лишь косвеннымъ путемъ, въ томъ именно случаѣ, если на дѣвственной почвѣ колоній развивается земледѣліе, представляющее опасную конкуренцію отечественному сельскому хозяйству, или если за границу переносится промышленная техника и средства производства, подрывающія сбытъ отечественной промышленности.

Послѣдствія же внутреннихъ передвиженій всегда имѣютъ двусторонній характеръ: они обнаруживаются какъ въ исходной, такъ и въ конечной точкѣ передвиженій. Въ первой они сказываются въ порѣдѣніи, во второй въ сгущеніи населенія. Создается какъ бы раздѣленіе мѣстъ и странъ на производящихъ человѣческой матеріаль и потребляющихъ его. Производителями человѣческаго матеріала у насъ болѣею частью являются сельскія мѣстности и мелкіе города, потребителями его — крупныя города и промышленныя центры. Въ послѣднихъ населеніе увеличивается сверхъ естественнаго прироста, въ первыхъ оно остается значительно позади его. Въ Германіи насчитывалось:

насел. мѣста съ жителями	общее число жителей	приростъ въ %	
	въ 1875	въ 1900	
болѣе 100.000	2.665.914	9.120.280	242.1
20.000 100.000	3.487.857	7.111.447	103.9
5.000 20.000	5.138.438	7.585.495	47.8
2.000 5.000	5.364.963	6.815.853	27.0
менѣе 2.000	26.070.188	25.734.103	1.3
Итого	42.727.360	56.367.178	31.9

Почти весь приростъ населенія вылился въ большіе города. Конечно, явленіе внутреннихъ передвиженій не такъ просто и прозрачно, какимъ оно кажется, если судить по этимъ рядамъ цифръ. Правда, они въ яркой формѣ иллюстрируютъ ставшее поговоркою выраженіе „движеніе въ города“ (Zug nach der Stadt), но это выраженіе представляетъ только часть истины. Упускается изъ виду большое число внутреннихъ передвиженій, покрывающихъ

другъ друга и не находящихъ себѣ поэтому выраженія въ измѣненіи численности населенія въ городахъ и селахъ.

Если охватить однимъ взглядомъ внутреннія передвиженія, совершающіяся въ большой странѣ безотносительно къ обусловленному ими распредѣленію жителей по пространству, то они представляются въ видѣ густой пестрой сѣти, нити которой, многообразно скрещиваясь, бѣгутъ по всеѣмъ направленіямъ. Черезъ простую сравнительно основу, натянутую между сельскими мѣстностями и городами съ одной стороны, крупными городами и промышленными округами съ другой стороны, ложится пестрый утокъ, нити котораго соединяють въ разныхъ направленіяхъ небольшія поселенія между собой. Можно это иллюстрировать еще такимъ образомъ: подъ сильнымъ и бурнымъ верхнимъ теченіемъ множество мелкихъ волнъ ведутъ самостоятельную игру.

Эти послѣднія до сихъ поръ оставались почти незамѣченными, и даже въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда онѣ становились предметомъ статистики, онѣ не были оцѣнены по достоинству.

Среди населенія Баваріи въ 1871 году было:

	Родившихся на мѣстѣ ро- жденіи	переселив- шихся	Всего
въ большихъ городахъ	301.494	361.899	663.393
въ прочихъ городахъ съ насе- леніемъ свыше 2000 жит.	205.887	157.000	362.887
всего	507.381	518.899	1.926.280
въ сельскихъ общинахъ	2.467.146	1.357.981	3.825.746
Итого	2.975.146	1.876.880	4.852.026

Отсюда ясно, что число переселившихся въ сельскія общины за предыдущія десятилѣтія абсолютно болѣе чѣмъ вдвое превышало число переселившихся въ города. И то же повторяется во всеѣхъ другихъ большихъ государствахъ.

Но самое важное заключается не въ томъ, что сельскія мѣстности, въ отношеніи обмѣна населенія, въ одинаковой мѣрѣ являются берущими и дающими, а въ двухъ другихъ обстоятельствахъ. Одно состоитъ въ томъ, что онѣ больше отдаютъ людей, чѣмъ получаютъ; другое же въ томъ, что притекающее къ нимъ населеніе преимуще-

ственно набирается изъ ближайшихъ сельскихъ мѣстностей, тогда какъ уходящее отъ нихъ населеніе частью направляется въ отдаленные города. Такимъ образомъ перевѣсъ отлива надъ приливомъ идетъ въ пользу мѣстностей высшаго порядка и переходитъ въ другую экономически-соціальную сферу жизни.

Если мы назовемъ все населеніе, родившееся въ какомъ-нибудь мѣстѣ и находящееся въ предѣлахъ страны, уроженцами (Geburtsbevölkerung), то, по приведеннымъ выше условіямъ обмѣна населенія, число уроженцевъ въ сельскихъ мѣстностяхъ, будетъ больше числа наличнаго населенія, а число уроженцевъ въ городахъ—меньше. Такъ, по переписи 1871 года въ баварскихъ сельскихъ округахъ число уроженцевъ составляло 103,5 процента наличнаго населенія, а въ большихъ городахъ всего 61 процентъ ⁸⁾). Въ великомъ герцогствѣ Ольденбургскомъ ⁹⁾ по переписи 1 декабря 1880 года мы находимъ:

	въ городахъ:	въ сельскихъ мѣстностяхъ:
приливъ изъ другихъ мѣст.	25.370 чел.	57.366 чел.
отливъ въ другія мѣста . . .	10.208 „	72.528 „

Такимъ образомъ балансъ внутреннихъ передвиженій указываетъ на избытокъ въ городахъ и недохватъ въ сельскихъ мѣстностяхъ въ 15.162 человѣка. Города и села дополняютъ другъ друга въ отношеніи экономики населенія, подобно двумъ братьямъ, изъ которыхъ одинъ пожираетъ все, что сберегаетъ другой. Поэтому можно съ полнымъ основаніемъ обозначить города какъ соціальныя образованія, потребляющія человѣчскій матеріалъ, а сельскія мѣстности—какъ производящія его.

Весь въ совокупности отливъ населенія изъ сельскихъ мѣстностей почти въ четыре раза превышаетъ приливъ его къ городамъ даже въ приведенномъ примѣрѣ небольшого государства. И столь же высокимъ оказывается приливъ, получаемый ими другъ отъ друга. Но какъ бы значителенъ ни былъ этотъ обмѣнъ населенія между сельскими мѣстностями, все же онъ не представляетъ большого научнаго интереса. Эти передвиженія вызваны

⁸⁾ Мауг, I. с., стр. 53 и сл., въ введеніи.

⁹⁾ Statistische Nachrichten über das Grossh. Oldenburg. Heft XIX, стр. 64.

узкими социальными условиями сельских мѣстностей и имѣютъ поэтому тѣмъ большее значеніе, чѣмъ меньше община. Во всемъ великогерцогствѣ Ольденбургскомъ число лицъ, не родившихся въ общинахъ, гдѣ они имѣли жительство (а переселившихся туда), было въ общинахъ:

съ числомъ жителей	процентъ.	съ числомъ жителей	процентъ.
ниже 500	55.0	2000—3000	28.7
500—1000	37.4	3000—4000	22.2
1000—1500	41.7	4000—5000	20.6
1500—2000	40.4	свыше 5000	29.4

Изъ этого видно, что въ небольшихъ общинахъ (имѣющихъ не болѣе 4000 жителей) съ возрастаніемъ размѣровъ мѣстности уменьшается количество пришлаго населенія по сравненію съ уроженцами, а въ крупныхъ, наоборотъ, возрастаетъ.

То же доказалъ Майръ относительно Баваріи. Въ 1871 году тамъ въ болѣе крупныхъ сельскихъ общинахъ (съ 2000 и болѣе населенія) число уроженцевъ составляло 66,9 проц., а въ мелкихъ только 64,4 проц. ¹⁰⁾, тогда какъ въ городахъ дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ. Въ большихъ городахъ число уроженцевъ равнялось 45,5 проц., а въ другихъ (мелкихъ) городахъ—56,8 проц. На основаніи этого Майръ установилъ, что въ городахъ количество мѣстныхъ уроженцевъ обратно пропорціонально величинѣ города, а въ сельскихъ мѣстностяхъ, наоборотъ, прямо пропорціонально величинѣ мѣстности ¹¹⁾.

Объясняется это явленіе въ сельскихъ мѣстностяхъ весьма просто. Тамъ, гдѣ вслѣдствіе незначительности числа жителей, крестьянинъ стѣсненъ въ выборѣ работниковъ, сосѣднія общины дополняютъ другъ друга. Точно также между жителями такихъ мѣстностей браки заключаются чаще, чѣмъ между жителями

¹⁰⁾ Die Bayer. Bevölkerung nach der Gebürtigkeit, введение, стр. 15.

¹¹⁾ Это положеніе подтвердила австрійская перепись 1890 г. Согласно прекрасной обработкѣ Г. Раухберга (H. Rauchberg: Die Bevölkerung Oesterreichs auf Grund der Ergebnisse der Volksz. v. 31 Dec. 1890, Wien 1895, стр. 105), на каждые 100 человѣкъ приходилось мѣстныхъ уроженцевъ въ мѣстностяхъ:

менѣе 500 жителей	65.7	отъ 5.000—10.000 жителей	55.6
отъ 500—2000 жител.	73.5	„ 10.000—20.000 „	46.4
„ 2000—5000 „	69.9	сверхъ 20.000 „	43.1

крупныхъ мѣстностей, гдѣ каждая имѣетъ большой выборъ и у себя. Это служитъ поводомъ къ многочисленнымъ переселеніямъ на небольшихъ разстояніяхъ. Но эти переселенія ведутъ лишь къ мѣстному обмѣну социальнo родственныхъ элементовъ,

Это опять-таки подтверждается неоднократно упомянутою выше работой Г. Майра о происхожденіи населенія въ герцогствѣ Ольденбургскомъ. Въ ней указывается происхожденіе пришлаго населенія трехъ произвольно взятыхъ сельскихъ общинъ въ отношеніи разстоянія отъ мѣста рожденія. Оказывается, что въ среднемъ 77% пришлаго населенія родилось въ мѣстностяхъ, находящихся на разстояніи не болѣе двухъ миль отъ ихъ мѣста жительства, тогда какъ 86,7% выселившихся поселилось не далѣе какъ на 2 мили отъ мѣста рожденія.

Совершенно иное наблюдаемъ въ этомъ отношеніи въ столицѣ герцогства Ольденбургскаго, несмотря на то, что она со своими 20.575 жителями представляетъ лишь небольшой городъ. Изъ общаго числа ея пришлаго населенія (13.364 лицъ или 64,9%) происходили:

изъ мѣстъ на разстояніи:	лицъ:	въ проц.
менѣе 2 миль	2916	21,8
отъ 2—10 „	5625	42,1
болѣе 10 „	4823	36,1

Здѣсь большая часть пришлаго населенія переселилась изда-лека; здѣсь вступленіе переселенцевъ въ новую общину означаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и переходъ къ новымъ социальнымъ условіямъ и къ новой хозяйственной организаціи. И городская община не отдаетъ своихъ уроженцевъ другимъ общинамъ въ той же мѣрѣ, въ какой она получаетъ отъ нихъ ¹²⁾. Она напротивъ поглощаетъ на большомъ разстояніи подвижное населеніе, отдавая обратно лишь незначительную часть.

Таковъ обликъ современныхъ городовъ, и если мы выдвигаемъ на первый планъ ихъ, а также находящіеся, въ отношеніи переселенія, почти на одинаковомъ съ ними положеніи фабричные округа, то это вполне оправдывается тѣмъ, что на этой группѣ поселеній яснѣе всего выступаютъ результаты внутреннихъ пере-

¹²⁾ Городъ Ольденбургъ въ 1880 году принялъ изъ другихъ общинъ страны 8725 жителей, а отдалъ всего 1925: л. с., стр. 212.

движеній. Здѣсь, гдѣ многочисленнѣе всего пришлый элементъ, между нимъ и мѣстными уроженцами завязывается борьба—борьба за лучшія условія заработка или, если хотите, за существованіе, кончающаяся либо приспособленіемъ другъ къ другу обѣихъ частей, либо побѣдой одной части надъ другою. Такъ, по Шлиману ¹³⁾ въ городѣ Смирнѣ въ 1846 году насчитывалось 80.000 турокъ и 8000 грековъ; а въ 1881 году всего 23.000 турокъ и 76.000 грековъ. Такимъ образомъ, за 35 лѣтъ турецкое населеніе уменьшилось на 71⁰/₁₀₀, тогда какъ греческое увеличилось почти въ десять разъ.

Не вездѣ, конечно, эта борьба кончается такимъ полнымъ вытѣсненіемъ одной части населенія; но въ частности внутри страны безчисленное количество разъ наблюдается тотъ фактъ, что болѣе сильный, лучше вооруженный элементъ вытѣняетъ болѣе слабый и хуже вооруженный.

Такъ, въ 1900 году въ Мюнхенѣ среди 50.0000 жителей ровно 32.0000 челов. оказались пришлыми, между тѣмъ какъ въ то же время около 48.000 мюнхенцевъ проживало въ другихъ мѣстахъ Германіи. Въ 1900 году 33 наиболѣе крупныхъ города Германіи насчитывали 56,7⁰/₁₀₀ пришлаго населенія, тогда какъ 26,7⁰/₁₀₀ ихъ уроженцевъ оказались въ другихъ мѣстностяхъ имперіи ¹⁴⁾. Еще поразительнѣе факты, вытекающіе изъ англійской переписи (цenzы) 1901 года, согласно которой въ Англии и Уэльсѣ проживало лондонскихъ уроженцевъ не многимъ меньше, чѣмъ Англія и Уэльсъ отдавали жителей Лондону ¹⁵⁾.

¹³⁾ Schliemann: Reise in der Troas im Mai 1881, стр. 29 и сл.

¹⁴⁾ Statistik des deutschen Reichs, т. 150, стр. 157 и сл. Особенно замѣчательнъ указанный тамъ на стр. 161* обмѣнъ населенія между крупными городами. Изъ уроженцевъ Берлина, напримѣръ, 772.784 проживали въ Берлинѣ, 83.556 чел. въ другихъ нѣмецкихъ большихъ городахъ, а 191.814 въ другихъ мѣстностяхъ имперіи.

¹⁵⁾ Въ Лондонѣ въ 1901 году было 4.536.541 жителей. Изъ нихъ родились:

въ самомъ Лондонѣ	3.016.580	лицъ или	66,5 ⁰ / ₁₀₀
„ другихъ мѣстностяхъ Англии и Уэльса	1.207.621	„	26,6 ⁰ / ₁₀₀
„ Шотландіи	56.605	„	1,2 ⁰ / ₁₀₀
„ Ирландіи	60.211	„	1,3 ⁰ / ₁₀₀
„ другихъ странахъ	195.524	„	4,3 ⁰ / ₁₀₀

Съ другой стороны, въ разныхъ частяхъ Англии и Уэльса оказалось 1.115.878 уроженцевъ Лондона. Слѣдовательно, на каждыя 100 чело-
вѣкъ,

Мы наблюдаемъ здѣсь, слѣдовательно, явленіе столь часто встрѣчаемое въ природѣ: на той почвѣ, которая уже болѣе не въ состояніи прокормить организмъ высшаго порядка, растение или животное, селятся и процвѣтаютъ другіе, менѣе требовательные. Иногда же именно появленіе послѣднихъ ведетъ къ вытѣсненію первыхъ, переходящихъ на лучшія мѣста.

Но въ социальной жизни явленіе это не всегда сводится къ вытѣсненію, не всегда оно результатъ худшаго вооруженія мѣстнаго и большей силы пришлага населенія.

Обратное положеніе имѣетъ мѣсто, пожалуй, столь же часто и въ приведенныхъ нами примѣрахъ является, вѣроятно, обычнымъ. При безконечной дифференцировкѣ рабочихъ силъ въ современномъ народномъ хозяйствѣ иногда какъ разъ наиболѣе квалифицированные рабочіе трудящіе всего находятъ соответственное приложеніе и оцѣнку своимъ способностямъ тамъ, гдѣ эти способности получили свое развитіе, ибо здѣсь-то и наиболѣе сильно развита конкуренція. Они выселяются и ищутъ лучшихъ условій заработка, между тѣмъ какъ въ то же время на этомъ мѣстѣ есть спросъ на менѣе квалифицированные рабочія силы, которыя и привлекаются извнѣ. Эти послѣднія у себя на родинѣ могутъ, въ свою очередь, составлять наиболѣе сильный и лучше вооруженный элементъ, который также не находилъ себѣ здѣсь полезнаго приложенія, въ другихъ же случаяхъ они, уходя, оставляютъ ничѣмъ незаполненный пробѣлъ.

Такъ, выселеніе изъ городовъ наиболѣе развитыхъ въ техническомъ отношеніи рабочихъ силъ никогда, быть можетъ, не было въ Германіи такъ значительно, какъ во время т. наз. экономическаго подъема въ началѣ 70-хъ годовъ. Но одновременно происходило массовое переселеніе рабочихъ изъ селъ въ тѣ же города, что вызывало въ областяхъ съ крупнымъ землевладѣніемъ чувствительный недостатокъ въ сельскихъ рабочихъ, повышеніе заработной платы, а мѣстами и настоящій кризисъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Повсюду здѣсь сравнительно наиболѣе сильные элементы уходили, а болѣе слабые оставались; о взаимномъ вытѣсненіи не могло быть и рѣчи.

Еще менѣе такая точка зрѣнія можетъ имѣть мѣсто въ отно-

переселившихся изъ этихъ областей въ Лондонъ, приходится 92 человека, покинувшихъ Лондонъ. См. Census of England and Wales 1901 г.

шені тѣхъ случаевъ внутренняго передвиженія, когда мотивомъ переселенія является не стремленіе къ лучшимъ условіямъ заработка, а поиски болѣе выгодныхъ условій потребленія.

Получающій пенсію чиновникъ или военный, переѣзжающій изъ большого города въ деревню или провинцію, легко нажившійся биржевикъ, мѣняющій непрочныя биржевыя цѣнности на солидное помѣстье, парижскій лавочникъ, продающій скопленное состояніе въ тиши скромнаго сельскаго уголка, а съ другой стороны, разбогатѣвшій скотопромышленникъ, переселяющійся въ городъ, чтобы спекулировать на биржѣ, такъ удачно изображенный Фрицомъ Рейтеромъ „откормленный баранъ“ (Fetthammel), т. е. разбогатѣвшій крестьянинъ, который, сдавъ свое хозяйство, спѣшитъ насладиться городскими удовольствіями, бѣдная пасторская вдова, переселяющаяся въ городъ, чтобы дать дѣтямъ лучшее образованіе, и пополняющая свою скудную пенсію содержаніемъ пансіона — всѣ эти люди въ новыхъ мѣстахъ своего жительства не являются опасными конкурентами мѣстному рабочему населенію.

И все же, даже въ такихъ случаяхъ, когда о вытѣсненіи кого либо не можетъ быть и рѣчи, въ конечныхъ точкахъ переселенія разыгрывается борьба и происходятъ многочисленныя тренія, приводящія къ соціальной амальгамѣ между туземнымъ и пришлымъ населеніемъ. Пришлый элементъ долженъ приспособиться къ условіямъ жизни, къ мѣстной организаціи хозяйства, къ нравамъ, нарѣчію, политическимъ, церковнымъ и соціальнымъ учрежденіямъ своего новаго мѣстожительства. А населеніе этого мѣста, какъ бы сильно и самобытно оно ни было, съ своей стороны, не можетъ совершенно устоять противъ чужого, нахлынувшаго на него вліянія. Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ результатомъ этого вліянія является подъемъ трудовой энергіи, расширеніе кругозора, свѣжее дуновение въ застывшія мѣстныя формы, то, можетъ быть, еще чаще послѣдствіемъ его будетъ порча старыхъ добрыхъ нравовъ, утрата солидной хозяйственности, чувства гражданственности, въ особенности же соціальной самобытности.

Безъ сомнѣнія, эта борьба и взаимное приспособленіе можетъ принять различный характеръ и имѣть различный исходъ, въ зависимости отъ того, происходитъ ли она между однородными или между разнородными элементами, и въ этомъ отношеніи городская

статистика, различающая только уроженцевъ и наличное население, недостаточна для болѣе тонкаго соціально-статистическаго анализа.

Ибо если намъ извѣстно, что въ городѣ Мюнхенѣ, напримѣръ, въ 1900 году число уроженцевъ составляло 36%, а въ Гамбургѣ—50 %, то изъ того одного факта, что въ Мюнхенѣ было на 14 % больше пришлого населенія, вовсе нельзя заключить, что мюнхенское население было въ той же мѣрѣ разнообразнѣе гамбургскаго, и что тамъ процессъ взаимнаго соціального приспособленія происходилъ при большихъ треніяхъ и борьбѣ, чѣмъ здѣсь. Точно также и то обстоятельство, что въ двухъ городахъ (напримѣръ, въ Познани и Франкфуртѣ на Майнѣ) отношеніе пришлого населенія къ мѣстному одинаково (59 : 41), еще не доказываетъ, что въ обоихъ городахъ процессъ этотъ долженъ имѣть одинаковый исходъ. Можно легко себѣ представить, что пришлое население одного города имѣетъ больше сродства между собой и съ мѣстными уроженцами въ отношеніи нравовъ, языка, хозяйственной энергіи, соціальныхъ обычаевъ, благодаря тому, что оно переселилось изъ ближайшихъ, родственныхъ по племени областей, между тѣмъ какъ въ другомъ городѣ смѣшиваются разнородные элементы изъ отдаленныхъ мѣстностей. Въ первомъ случаѣ конечный результатъ взаимнаго приспособленія пришлого и мѣстнаго населенія будетъ совершенно иной, чѣмъ во второмъ. Въ то время какъ тамъ отдѣльные лица и группы приблизительно съ одинаковою экономическою подготовкой и одинаковою соціальною фізіономіей мирно уживутся при данныхъ условіяхъ заработка, здѣсь, по всей вѣроятности, болѣе жизнеспособная, энергичная и скромная въ своихъ требованіяхъ народность возьметъ верхъ надъ отжившими, слабыми и болѣе требовательными уроженцами и вытѣснитъ ихъ изъ наиболѣе прибыльныхъ областей труда. Превосходство пришлого рабочаго надъ мѣстнымъ при конкуренціи между ними въ особенности вызывается болѣе низкими требованіями его въ отношеніи условій жизни, что имѣетъ для мѣстнаго рабочаго печальныя послѣдствія. Иллюстраціей къ этому могутъ служить всѣмъ извѣстные факты переселенія польскихъ рабочихъ въ западныя прусскія провинціи, итальянцевъ въ Швейцарію и южную Германію, китайцевъ въ сѣверо-американскіе города.

Но даже и тамъ, гдѣ экономическая и соціальная ассимиляція

происходить безъ особенной борьбы, могутъ сохраниться между пришлымъ и мѣстнымъ населеніемъ неизгладимыя различія, которыя нарушаютъ прежній однообразный характеръ населенія данной мѣстности. Я имѣю здѣсь въ виду главнымъ образомъ различія въ религіи, языкѣ и подданствѣ. Швейцарскіе пограничные города Женева и Базель, считавшіеся центрами протестантизма, въ настоящее время, благодаря переселеніямъ, имѣютъ въ числѣ своихъ жителей треть иностранцевъ. При этомъ въ Женевѣ около 22% населенія не считаютъ своимъ роднымъ языкомъ французскій языкъ. Наконецъ, съ 1837 по 1900 годъ число католиковъ въ Базелѣ съ 15% поднялось до 33%, а въ Женевѣ до 45%. Даже тотъ, кто не знакомъ съ подробностями внутренней исторіи этихъ небольшихъ городскихъ общинъ, долженъ будетъ признать, что такія различія не могутъ не вызывать извѣстныхъ опасеній.

Если изложенное выше показало намъ, что внутреннія передвиженія въ большинствѣ случаевъ вовсе не представляютъ стремленія въ большіе города, то съ другой стороны мы видѣли, что только это движеніе въ крупные населенные центры можетъ претендовать на какое нибудь социальное и экономическое значеніе. Оно вызываетъ измѣненія въ распредѣленіи населенія по странѣ, вызываетъ въ исходной и конечной точкахъ осложненія, надъ устраненіемъ которыхъ законодательство и управленіе работало до сихъ поръ съ очень незначительнымъ успѣхомъ. Множество людей, благодаря ему, изъ условій жизни, основанныхъ по преимуществу на натуральномъ хозяйствѣ, почти сразу попадаетъ въ сферу денежнаго и кредитнаго хозяйства, что имѣетъ для образа жизни и социальныхъ условій трудящагося класса такія послѣдствія, которыя на друзей человѣчества наводятъ тревогу.

Нерѣдко считаютъ массовое движеніе сельскаго населенія въ города и повсемѣстный быстрый ростъ послѣднихъ явленіемъ совершенно новымъ. И въ извѣстномъ смыслѣ это правда; XVIII столѣтіе его не знаетъ—по крайней мѣрѣ, въ Германіи. Великій основатель статистики населенія Зюсмилхъ не могъ найти общей закономерности въ движеніи населенія городовъ. Онъ полагаетъ, что населеніе городовъ, по волѣ Божьей, то увеличивается, то снова уменьшается ¹⁶⁾.

¹⁶⁾ „Такъ великій властелинъ міра даруетъ мощь, богатство и красоту странамъ и городамъ. Онъ же отнимаетъ ихъ и отдаетъ другимъ по своему усмотрѣнію. Онъ низвергаетъ власть имущихъ съ трона и возвы-

Точно также Юсти ¹⁷⁾ считаетъ почти невозможнымъ увеличить население города иначе, какъ путемъ предоставленія новымъ поселенцамъ особыхъ привилегій. Какъ бы въ соотвѣтствіи съ этимъ находятся сохранившіяся у насъ цифровыя данныя ¹⁸⁾ относительно населенія нѣкоторыхъ городовъ со второй половины XVII столѣтія приблизительно до 1820 года; они указываютъ на неправильную смѣну упадка и роста городского населенія. Во Франціи, наоборотъ, наблюдаемое въ настоящее время движеніе началось, повидимому, на полтора вѣка раньше; здѣсь уже въ XVIII столѣтіи выраженіе „обезлюденіе деревни“ становится общеупотребительнымъ ¹⁹⁾.

Если вернемся къ болѣе раннимъ эпохамъ въ исторіи европейскіхъ народовъ, то мы найдемъ два періода, когда въ большихъ размѣрахъ обнаруживается то же явленіе: древній мѣръ, въ особенности періодъ Римской Имперіи, и позднее средневѣковье, главнымъ образомъ XIV и XV ст. Между ними находится огромный промежутокъ времени, въ которомъ обнаруживается обратное движеніе и упадокъ или, по крайней мѣрѣ, застой.

Какъ же слѣдуетъ разсматривать эти ранніе періоды передвиженія въ города съ эволюціонной точки зрѣнія? Были ли то преждевременныя попытки достиженія цѣли, осуществить которую суждено было только нашему времени съ его усовершенствованными средствами сообщенія,—или движеніе это вытекало изъ другихъ побужденій, чѣмъ сходное съ нимъ по характеру современное движеніе и привело поэтому и къ другимъ результатамъ? А главное, было ли его вліяніе на распредѣленіе населенія и его экономической характеръ такого же рода какъ въ настоящее время?

Что касается древности, то, несмотря на недостовѣрность дошедшихъ до насъ цифръ населенія, есть, повидимому, основаніе пред-

---

сказать павшихъ⁴. I. P. Süssmilch: Göttliche Ordnung, II, § 546 (2 изд. стр. 477 и сл.).

¹⁷⁾ J. H. G. v. Justi: Grundsätze der Polizeiwissenschaft, § 54. См. также Gesammelte politische und Finanzschriften. III. стр. 449 и сл.

¹⁸⁾ Цифры населенія приведены въ ст. Inama - Sternegg'a: Handwörterbuch d. Staatswiss. II. p. 661 и сл. (Русск. перев.—въ сборн. „Народонаселеніе и ученіе о народонаселеніи“. Изд. Водовозовой. 1897, стр. 19 и слѣд.).

¹⁹⁾ Данныя объ этомъ собраны у Legoyt: Du progrès des agglomérations urbaines et l'émigration rurale. Marseille 1870, стр. 8 и сл.

полагать, что результатом прилива сельскаго населенія въ города былъ несоразмѣрный ростъ послѣднихъ ²⁰⁾. Однако, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что только часть переселенцевъ слѣдовала собственному побужденію, а именно: только люди свободные. Гораздо большая часть—рабы сгонялись въ города по приказу господина или приводились сюда на продажу. Въ тѣхъ случаяхъ, когда свободные люди оставляли деревню, они дѣлали это не потому, что ихъ манили въ городъ лучшія экономическія условія, а вѣдѣствие того, что ростъ крупнаго рабовладѣльческаго хозяйства фактически лишалъ ихъ земли. Правда, и въ городахъ всѣ наиболѣе прибыльныя области труда находились въ рукахъ рабовъ и вольноотпущенниковъ; но здѣсь имъ все же меньше грозилъ голодъ, ибо городская пролетарская масса, въ которую они попадали, содержалась на счетъ общественной и частной благотворительности.

Большіе города классической древности представляютъ собою главнымъ образомъ потребительныя единицы. Своимъ величіемъ они обязаны политической централизаци, благодаря которой въ одну точку, въ которой сосредоточивался правящій классъ, стягивались богатства, создаваемые обширными странами ²¹⁾. Всѣ они столицы государства или провинцій. Вотъ почему они впервые возникаютъ во времена діадховъ и достигаютъ своего расцвѣта въ періодъ Римской Имперіи. Даже самая столица—Римъ, какъ позднѣе и Константинополь, основываетъ свое существованіе на натуральныхъ оброкахъ провинцій ²²⁾. Это было коммунистически-империалистическое хозяйство, подобнаго которому свѣтъ никогда не видалъ: вымогательства чиновниковъ, откупъ податей, ростовничество, крупныя помѣстья богачей, обрабатываемыя рабами, признанная государствомъ обязанность доставлять массамъ

²⁰⁾ Относ. дальнѣйшаго срвн. главнымъ образомъ R. Pöhlmann: Die Uebervölkerung der antiken Grossstädte im Zusammenhang mit der Gesamtentwicklung städtischer Zivilisation. Leipzig 1884. Кроме того, W. Roscher: System der Volkswirtschaft III, вначалѣ и Bücher: Die Aufstände der unfreien Arbeiter 143—129 v. Chr., Frankf. a. M. 1874.

²¹⁾ Прекрасно говорить Овидій (Ars. am. III, 113): Nunc aurea Roma est et domiti magnas possidet orbis opes.

²²⁾ Krakauer: Das Verpflegungswesen der Stadt Rom in der späteren Kaiserzeit, Leipzig 1874 и E. Gebhardt: Studien über das Verpflegungswesen von Rom und Konstantinopel in der späteren Kaiserzeit, Dorpat 1881. Кроме того Rodbertus въ Jahrb. für N.-Ö. und Stat. VIII, особ. стр. 400.

населенія хлѣбъ, мясо и вино—все это ставило производительный трудъ половины міра въ услуженіе столицы и оставляло свободнымъ для приложенія частнаго труда одну только область личныхъ услугъ. Все, что намъ извѣстно о провинціальныхъ городахъ, заставляетъ предполагать, что и тамъ существовало подобное же положеніе вещей. ²³⁾

Большой городъ древняго міра не былъ ни рынкомъ свободного труда, ни мѣстомъ квалифицированнаго массоваго производства на вывозъ. ²⁴⁾ Все, что напоминаетъ фабричную промышленность, поконится, также какъ и крупное сельское хозяйство, на рабскомъ трудѣ. Поэтому среди мотивовъ, приводимыхъ древними въ качествѣ объясненія того о почему свободное сельское населеніе стремится въ города, никакой, роли не играетъ мотивъ, обычный въ настоящее время: виды на лучший заработокъ. „Оглянись на эту массу людей,—пишетъ Сенека ²⁵⁾ своей матери,—ихъ не вмѣщаютъ даже дома безмѣрнаго города. Изъ муниципій и колоній, со всѣхъ концовъ земли, пришли они сюда. Однихъ привело сюда честолюбіе, другихъ—обязанности службы, третьихъ—возложенное на нихъ порученіе (посольство), четвертыхъ—развлеченія, ищущія блестящаго, удобнаго для порока, многолюднаго мѣста, иныхъ— научныя занятія или зрѣлища; тѣ пришли по зову друзей, другихъ гнало стремленіе сдѣлать карьеру, которое находятъ здѣсь широкое поприще для проявленія личныхъ достоинствъ ²⁶⁾; одни предлагаютъ свою красоту, другіе—свое краснорѣчіе. Нѣтъ такого вида людей, котораго бы не было въ городѣ, гдѣ за добродѣтели и за пороки даютъ большія деньги.“

Совершенно иной характеръ имѣетъ движеніе въ города въ средніе вѣка. Оно въ общей сложности является не менѣе массовымъ, чѣмъ движеніе во времена Римской Имперіи; но результатомъ его было не появленіе немногихъ центровъ потребленія, а

²³⁾ E. K u h n (Die städtische und bürgerliche Verfassung des römischen Reichs I стр. 46 и сл.) указываетъ на такую же, какъ въ столицѣ, организацію *cura annonae*.

²⁴⁾ Относительно греческихъ городовъ это теперь вполне установлено F r a n c o t t e 'омъ: *L'industrie dans la Grèce ancienne* I, особ. стр. 149—158.

²⁵⁾ Cons. ad. Helviam, 6.

²⁶⁾ *Quosdam industria latam ostendendae virtuti nacta materiam*. Подъ этимъ надо понимать карьеризмъ, а не «промышленность», какъ почему-то переводитъ P ö h l m a n n, I, с стр. 17.

возникновеніе множества разбросанныхъ по всей странѣ укрѣпленныхъ мѣсть, въ которыхъ сосредоточились все неукрѣпленныя къ землѣ профессіи. Средневѣковые города обнаруживаютъ большое сходство между собой въ отношеніи соціальной и экономической группировки населенія и, насколько можно судить, лишь незначительныя различія въ численности населенія. При основаніи города передвиженіе сельскаго населенія, повидимому, не всегда носило добровольный характеръ; впоследствии оно поддерживалось главнымъ образомъ тѣмъ, что города представляли бѣльшую безопасность для людей и имущества, а также лучшія условія заработка для безземельныхъ свободныхъ и крѣпостныхъ людей. Все движеніе какъ съ экономической стороны, такъ и въ смыслѣ его вліянія на густоту населенія закончилось съ того момента, когда въ городахъ все ремесла, которыя могъ прокормить ограниченный рынокъ сбыта, были представлены достаточнымъ количествомъ мастеровъ. До этого времени городъ не ставилъ препятствій передвиженію и господствовалъ почти свободный доступъ къ цеховымъ привилегіямъ и къ праву гражданства, между тѣмъ какъ въ это же время землевладѣльцы посредствомъ ограничительныхъ постановленій старались предотвратить уходъ крѣпостныхъ. Но когда города могли уже заполнять все профессіи однимъ внутреннимъ приростомъ своего населенія, тогда и у нихъ возникло стремленіе задержать притокъ извнѣ, и созданы были тѣ многочисленныя затрудненія для поселенія и для доступа къ ремесламъ, которыя сохранились почти до новѣйшаго времени. Образовалась рѣзкая грань между городомъ и деревней. Передвиженія, правда, попрежнему имѣли мѣсто; но они преимущественно ограничивались обменомъ рабочихъ силъ между городами. Развитие городовъ какъ бы застыло, и изъ этого состоянія оцѣпенѣнія его могла вывести лишь новая форма организациі хозяйства.

Мы имѣемъ возможность въ нѣкоторыхъ пунктахъ подтвердить сказанное цифровыми данными. У насъ есть подробныя изслѣдованія относительно происхожденія населенія средневѣковаго Франкфурта на Майнѣ ²⁷⁾, а съ недавняго времени и относительно отдѣльныхъ частей населенія Кельна въ средніе вѣка ²⁸⁾. Изъ

²⁷⁾ Въ моеи кн. „Bevölkerung von Fr.“ стр., 163 и сл., 304 и сл., 422 и сл.

²⁸⁾ A. Doren: Untersuchungen zur Gesch. der Kaufmannsgilden des Mittelalters (Schmollers Forschungen XII, 2), прилож. I и H. Bungers:

нихъ выясняется, что большинство лицъ, принятыхъ въ XIV и XV ст. въ число гражданъ, въ этихъ городахъ составляетъ пришлое население изъ сельскихъ мѣстъ.

	на каждыя 100 принятыхъ вновь гражданъ	изъ городовъ:	изъ сель и мѣстечекъ:
Кельнъ	1356—1479	37.4%	62.6%
Франкфуртъ	1311—1400	28.2%	71.8%
	1401—1500	43.9%	56.1%

Изъ этого вытекаетъ, что хотя въ послѣднія два столѣтія средневѣковья движеніе населенія изъ сель въ города еще продолжалось, но оно уже шло на уклонъ, между тѣмъ какъ примѣсь городскихъ элементовъ среди новыхъ гражданъ все увеличивалась. Въ XV столѣтіи нѣкоторые слои населенія Франкфурта пополнялись преимущественно городскими переселенцами. Такъ, напримѣръ, изъ поселившихся евреевъ 90% переселились изъ городовъ; среди членовъ союза подмастерьевъ по металлу 79,3% происходили изъ городовъ. Матеріаль, изъ котораго добыта послѣдняя цифра, захватываетъ, правда, и первую четверть XVI вѣка.

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ дальнѣйшихъ цифръ, за XVI и XVII ст. Но зато мы можемъ привести нѣкоторыя цифры, относящіяся къ періоду отъ начала XVIII и до второй половины XIX столѣтія, изъ которыхъ видно, что было время, когда городское ремесло получало своихъ работниковъ почти исключительно изъ другихъ городовъ. Во франкфуртскомъ архивѣ имѣется рядъ записей переплетнаго цеха, гдѣ внесены имена и мѣсто рожденія всѣхъ прибывшихъ во Франкфуртъ за время отъ 1712 до 1867 года подмастерьевъ этого ремесла (всего 14.342). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я обработалъ этотъ чрезвычайно цѣнный матеріаль и нашелъ, что на 100 прибывшихъ переплетныхъ подмастерьевъ происходили:

на періоды:	изъ городовъ:	изъ сель и мѣстечекъ:
1712—1750	97.5%	2.5%
1751—1800	94.3%	5.7%
1801—1835	89.2%	10.8%
1836—1850	86.0%	14.0%
1851—1867	81.2%	18.8%

Мы видимъ отсюда, какъ въ специфически городскомъ промыслѣ на протяженіи болѣе полутора столѣтій примѣсь сельскихъ рабочихъ силъ постоянно возрастаетъ. Если бы это изслѣдованіе могло быть продолжено до настоящаго времени, то за время послѣ 1867 года, безъ сомнѣнія, обнаружился бы еще болѣе сильный приливъ ремесленниковъ изъ сель.

Населеніе, притекающее въ современные города, обнаруживаетъ, повидимому, такое же соединеніе городскихъ и сельскихъ элементовъ, какое нами установлено для XV столѣтія ²⁹⁾. На каждыя 100 человекъ пришлаго населенія было:

въ городахъ:	годъ переписи	городскихъ уроженцевъ	сельскихъ уроженцевъ
Лейпцигъ	1885	50.6	49.4
Базелъ	1888	23.5	76.5

При этомъ, какъ и въ средніе вѣка, по мѣрѣ увеличенія разстоянія отъ мѣста рожденія, городской элементъ сравнительно возрастаетъ, а сельскій падаетъ въ томъ же размѣрѣ. Различные слои населенія въ этомъ отношеніи не представляютъ большихъ отличій. Въ общемъ въ тѣхъ профессіяхъ, которыя требуютъ особой подготовки, примѣсь городского элемента больше, чѣмъ въ областяхъ обыкновеннаго ручного труда.

Очень жаль, что у насъ нѣтъ подобнаго рода статистическихъ изслѣдованій и относ. другихъ современныхъ городовъ. На основаніи тѣхъ данныхъ, которыми мы располагаемъ въ настоящее время, можно заключить, что въ большихъ городахъ количество пришлыхъ горожанъ сравнительно больше, чѣмъ въ среднихъ и мелкихъ ³⁰⁾.

²⁹⁾ Мы можемъ привести здѣсь лишь нѣкоторые результаты этого изслѣдованія. Подробности читатель найдетъ въ моемъ сочиненіи „Bevölkerung des Kanton Basel Stadt am 1 Dez. 1888“, стр. 92 и слѣд. Кроме того можно указать на книгу H a s s e: Ergebnisse der Volkszählung vom 1 Dez. 1885 in der Stadt Leipzig II часть, стр. 7 и сл. Болѣе высокая цифра сельскихъ уроженцевъ въ городѣ Базелъ объясняется тѣмъ, что при этой переписи граница между городомъ и селомъ установлена была въ 3000 жителей.

³⁰⁾ Кроме упомянутой уже работы о Лейпцигѣ интересныя свѣдѣнія относительно этихъ явленій даетъ появившееся нѣсколько позже подробное изложеніе прилива и отлива населенія Франкфурта на Майнѣ въ 1891 году, опубликованное Bleicher'омъ въ „Beitr. zur Statistik der St. Frank“. II стр. 29 и сл.

Объясняется это очень просто. Большой городъ имѣеть для средних и мелкихъ городовъ такую же притягательную силу, какъ эти послѣдніе для сельскаго населенія. Такимъ образомъ переходы изъ одного социальнаго и экономическаго круга въ другой совершаются менѣе рѣзко; происходитъ постепенный подъемъ странствующихъ массъ и непрерывная изъ поколѣнія въ поколѣніе подготовка къ требованіямъ жизни большого города, благодаря чему неизбѣжная въ цѣляхъ приспособленія борьба нѣсколько смягчается.

Если такимъ образомъ современные города обнаруживаютъ такія же перемѣны въ составѣ населенія, какъ это было въ средние вѣка, то все же сходство это чисто виѣшнее. Въ то время какъ въ XIV и XV вѣкахъ дѣло шло о послѣднихъ стадіяхъ развитія, цѣль котораго заключалась въ образованіи многочисленныхъ мелкихъ автономныхъ хозяйствъ, вполне сходныхъ между собой по самостоятельной организациіи производства, — въ XIX столѣтіи происходитъ возрастающая дифференціація населенныхъ пунктовъ, въ соотвѣтствіи съ интересами цѣлаго: регулируемаго государствомъ народнаго хозяйства ³¹⁾. Въ общемъ число населенныхъ пунктовъ, въ которые направляется внутреннее передвиженіе, въ настоящее время меньше, чѣмъ во второй половинѣ среднихъ вѣковъ. Но и въ другомъ отношеніи современное, вызванное внутренними передвиженіями, распредѣленіе населенія отличается отъ средневѣковаго. Вслѣдствіе большей безопасности жизни и имущества, а также благодаря разумной дѣятельности по охраненію народнаго здравія, за послѣдніе полтора вѣка замѣчается непрерывный ростъ населенія. Его совершенно не знали средніе вѣка съ ихъ опустошительными эпидеміями, войнами и голодовками. Поэтому передвиженіе въ большіе города и фабричныя округа часто отвлекаетъ отъ сельскихъ общинъ и мелкихъ городовъ только естественный приростъ населенія, который не могъ бы прокормиться на мѣстѣ. Такимъ образомъ, сгущеніе населенія въ этихъ мѣстахъ задерживается или даже совершенно предотвращается, въ то время какъ тамъ, куда стекается этотъ избытокъ, непрерывный и быстрый ростъ населенія не встрѣчаетъ ни стѣсненій въ смыслѣ про странства, ни экономическихъ затрудненій.

Въ средніе же вѣка переселеніе направлялось во множество

---

³¹⁾ Срви. объ этомъ выше стр. 132 и слѣд.

разсѣянныхъ по странѣ, на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, укрѣпленныхъ мѣсть. Оно продолжалось повсюду лишь до тѣхъ поръ, пока городъ не былъ заполненъ. Когда жителей оказывалось достаточно, чтобы занять всѣ укрѣпленія и башни и замѣстить всѣ отрасли труда, то никто болѣе не находилъ себѣ мѣста. Правда, и тогда городъ все же увеличивался—по мѣрѣ образованія новыхъ профессій и развитія специализаціи; однако, большихъ городовъ средніе вѣка не создали и не могли создать при тогдашней организаціи хозяйства и сообщеній. Города нерѣдко отнимали у сель населеніе, необходимое для обработки земли, и все же численность городского населенія, вслѣдствіе большихъ потерь, лишь удерживалась на неизмѣнномъ уровнѣ.

Послѣ сказаннаго остается, однако, все же неяснымъ, были ли внутреннія передвиженія, сопровождавшія развитіе средневѣкового городского хозяйства, сравнительно многочисленнѣе современныхъ, обусловленныхъ народно-хозяйственной организаціей распредѣленія населенія внутри страны. Несомнѣнно лишь то, что притягательная сила, оказываемая современными большими городами на населеніе маленькихъ городовъ и сель, ощущается на болѣе далекомъ пространствѣ, чѣмъ притяженіе, какое оказывали средневѣковые города на окружающее населеніе. Но тѣмъ не менѣе нельзя утверждать, чтобы область, изъ которой рекрутируется населеніе какого-нибудь города, съ начала новаго времени расширялась прямо пропорціонально численности населенія. Напротивъ того, нужно удивляться, какъ мало повліяли на протяженіе внутреннихъ передвиженій усовершенствованныя пути сообщенія и свобода передвиженій.

Нѣсколько цифровыхъ данныхъ помогутъ намъ выяснять это. На 100 пришлыхъ жителей происходили изъ мѣсть, отстоявшихъ:

отъ городовъ:	группа населенія:	время:	на 0—2	2—10	болѣе 10
			мили:	миль:	миль:
Франкфуртъ	новыхъ гражданъ . . .	XIV ст.	46.7	39.3	14.0
"	" " " . . .	XV "	23.1	52.7	24.2
"	мастеровыхъ по металлу	XV и XVI			
		ст.	2.7	45.0	52.3
Ольденбургъ. }	иногороднихъ уроженцъ.	1880	21.8	42.1	36.1
Базель . . . }		1888	16.7	50.2	33.1
" . . . }		подмастерьевъ	"	13.9	40.0
" . . . }	фабричныхъ рабочихъ.	"	17.1	59.6	23.3

Изъ трехъ различаемыхъ здѣсь поясовъ пришлого населенія въ настоящее время, по сравненію съ средними вѣками, наибольшее значеніе въ общемъ количествѣ населенія имѣеть крайній, наименьшее—внутренній. Это, по всей вѣроятности, объясняется исключительно тѣмъ обстоятельствомъ, что теперь жители близкихъ отъ города мѣстъ могутъ пользоваться преимуществами городского рынка труда, не переселяясь въ городъ: съ одной стороны, въ городъ легко ежедневно добраться на велосипедъ или поѣздомъ; съ другой—городскіе фабриканты нерѣдко устраиваютъ свои промышленныя заведенія въ пригородныхъ мѣстностяхъ. Районъ, изъ котораго вербуются городскіе ремесленные подмастерья, по сравненію со средними вѣками напротивъ того сузился; это объясняется тѣмъ, что $\frac{3}{4}$ ихъ набираются въ настоящее время изъ сельскаго населенія, тогда какъ въ концѣ средневѣковаго періода менѣе $\frac{1}{4}$ ихъ происходило изъ селъ и мѣстечекъ. Среди франкфуртскихъ подмастерьевъ по металлу въ XV и XVI вѣкахъ только 20,7% были сельскіе уроженцы; а въ 1888 году среди базельскихъ пекарей и мясниковъ 78,7%, въ другихъ же ремеслахъ—75,2% были сельскаго происхожденія. Тѣмъ не менѣе и теперь еще ремесленные подмастерья странствуютъ въ большемъ количествѣ и на большіяхъ разстояніяхъ, чѣмъ типичные современные рабочіе—фабричныя. Изъ базельскихъ фабричныхъ рабочихъ въ 1888 году въ городахъ родилось 25,8%, а изъ ремесленныхъ подмастерьевъ только 16,3%. Сколько изъ нихъ родилось и жило въ ближайшихъ окрестностяхъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно. Но все новѣйшее развитіе промышленности ведетъ къ образованію осѣдлаго рабочаго сословія, которое уже теперь, благодаря раннимъ бракамъ, стало менѣе подвижнымъ, чѣмъ прежніе ремесленники, и которое въ будущемъ несомнѣнно такъ же прочно будетъ прикрѣплено къ фабрикѣ, какъ крестьянинъ крупнаго средневѣковаго помѣстья къ землѣ ³²⁾. Если въ настоящее время это мало замѣтно, то это объясняется тѣмъ, что большинство крупныхъ

³²⁾ Постройка при большихъ фабрикахъ жилищъ для рабочихъ, продаваемыхъ или отдаваемыхъ имъ въ наемъ, уже теперь создала своего рода „прикрѣпленіе къ фабрикѣ“, обнаруживающее поразительное сходство съ прикрѣпленіемъ къ землѣ въ прежнія времена. Срвн. мою статью о бельгійскомъ социальномъ законодательствѣ въ Brauns Archiv f. soc. Gesetzg. und Stat. IV, стр. 484 и сл.

предпріятій пока еще не достигли полного своего развитія и расширяясь, вынуждены покрывать спросъ на новыхъ рабочихъ привлеченіемъ избыточнаго сельскаго населенія. Изъ сказаннаго ясно, что не можетъ быть и рѣчи о растущей подвижности общества, вслѣдствіе сгущенія сѣти путей сообщенія и ихъ усовершенствованія. Мы находимся въ переходномъ періодѣ, въ которомъ еще незаконченное превращеніе городскаго и территоріальнаго хозяйства въ національное ведетъ непрестанно къ перемѣщенію границъ раздѣленія труда и къ измѣненію центровъ различныхъ отраслей промышленности, а въ связи съ этимъ къ передвиженію рабочаго населенія.

Послѣ вѣкового экономическаго и соціальнаго застоя, въ которомъ всевозможными ограниченіями свободы передвиженія и жительства населеніе прикрѣплялось къ насиженнымъ предками мѣстамъ, современные массовыя передвиженія представляются многимъ чѣмъ-то опаснымъ. Они легко могутъ показаться возвратомъ къ первобытному состоянію всеобщей кочевой жизни. Но при этомъ упускаютъ изъ виду, что только часть населенія стала болѣе подвижной, а именно—сельскіе жители, большинство которыхъ до начала XIX вѣка прикрѣплено было къ землѣ. Купецъ, ремесленникъ, ученый въ настоящее время менѣе подвижны, чѣмъ, напримѣръ, въ эпоху реформаціи, а промышленные рабочіе странствуютъ въ настоящее время сравнительно рѣже и на меньшихъ разстояніяхъ, чѣмъ въ XVIII вѣкѣ. Только количество ихъ увеличилось и все продолжаетъ увеличиваться; и этотъ ростъ промышленности постоянно отвлекаетъ часть сельскихъ рабочихъ отъ насиженнаго мѣста, съ которымъ ихъ ничто не связываетъ, кромѣ интересовъ тѣхъ, кто пользуется ихъ безпомощностью. Дальнѣйшій ходъ этого движенія уже черезъ нѣсколько десятилѣтій, вѣроятно, докажетъ, что человѣчество въ теченіе своего культурнаго развитія въ общемъ все же стало болѣе осѣдлымъ.

Мы можемъ поэтому сказать въ заключеніе: въ массовомъ стремленіи въ города и его предмѣстья мы въ настоящее время опять переживаемъ то, что наши предки однажды уже пережили во второй половинѣ среднихъ вѣковъ—переходъ къ новой экономической и соціальной организаціи и къ новому распредѣленію населенія. Если въ то время это движеніе являлось началомъ и служило введеніемъ въ періодъ городскаго хозяйства и рѣзкаго

разграниченія между городомъ и деревней, то и переживаемое нами движеніе свидѣтельствуетъ о наступленіи новаго періода: періода органическаго расселенія, періода національнаго раздѣленія труда и народно-хозяйственнаго снабженія, въ которомъ различія между городами и селами сглаживаются благодаря многочисленнымъ переходнымъ формамъ.

Всякое переходное время причиняетъ неудобства и страданія. Но и современные передвиженія населенія, поскольку они выражаются въ стремленіи его въ города, достигнувъ своей цѣли, должны прекратиться, какъ это было и въ средніе вѣка. Цѣль же эта можетъ заключаться только въ томъ, чтобы указать каждому индивиду и каждой группѣ лицъ то мѣсто и то назначеніе въ общей національной жизни, при которыхъ они, сообразно своимъ способностямъ и измѣнившимся техническимъ условіямъ хозяйства, лучше всего могутъ служить общему благу.

Такимъ образомъ, на основаніи изученія внутреннихъ передвиженій мы, несмотря на многія сопровождающія ихъ темныя явленія, можемъ почерпнуть увѣренность, что и они въ общемъ представляютъ шагъ впередъ къ высшимъ, лучшимъ формамъ соціальной жизни—не только для отдѣльнаго человѣка, но и для всего человѣчества въ цѣломъ.

Указатель къ обоимъ выпускамъ.

- Абсолютизмъ I 122, 124.
Авизы II 9, 20; составители авизъ II 16, 26.
Автономія политическая I 120; домашняго хозяйства I 87, 89; городского хозяйства I 109, 114.
Австралийцы I 7, 13, 22, 25, 46, 57, 68.
Агломерация II 135.
Айцингъ-фонъ, Михаилъ II 21.
Акка I 63.
Acta diurna II 6; acta senatus II 6.
Альпійскія страны I 149.
Англія II 18, 22, 135.
Аристократія II 115.
Ассимиляция социальная II 186.
Ассирійцы II 120.
Аттика II 124 с.
Attribuere II 127.
Африка, жители восточной А. I 13.
Авины II 124, 126.
- Баварія II 176, 179, 181.
Базель I 118, II 148, 149, 187, 191.
Барабанъ I 69.
Барщина II 56; промышленная I 145.
Батуа I 7, 63.
Безпечность I 16.
Бельгія II 176.
Берлинъ II 136.
Бичующаяся братья II 151.
Больные I 15.
Больше города II 119, 134; ихъ притягательная сила II 140; ихъ ростъ II 136.
Борьба за существованіе, коллективная I 8; социальная II 183.
Братства слѣпыхъ и калѣкъ II 153.
Быкъ I 46.
Буковина I 144.
Burgrecht I 106.
Бушмень I 7, 23, 25.
Бэотія II 124.
- Вавилонъ I 148.
Вадаи I 18.
VadhmahI I 147.
Ведды I 7, 24, 64.
Велосипедная промышленность I 164.
Венеція II 12.
Венгрія I 143, 147.
Веселость дикарей I 19.
Включеніе ремесла въ крупное предпріятіе I 182, 185, II 86.
Владѣніе землей I 94, 120.
Водные пути I 67.
Военная добыча I 55, 146.
Воздѣлываніе земли посредствомъ кирки I 42.
Вольноотпущенники II 6.
Воспитаніе II 111; его вліяніе II 103.
Восхожденіе социальное II 113, 116.
Время II 32, 37, 41, 48, 54; распределеніе времени I 18, 23, II 38, 40.
Выборъ товаровъ I 187; занятій II 107 сл., 155.
Выигрышъ I 55.
Врожденіе II 116.
Выскачка II 112.
Вытѣсненіе, социальное II 183; ремесла I 181.
Вѣроисповѣданіе II 187.
- Gazetta I 12; gazetanti II 13.
Газета I 124; понятіе II 4, 8; въ видѣ писемъ II 8; рукописная II 19.
Газеты Фуггеровъ II 16.
Галиція I 143, 147.
Гегемонія въ союзахъ городовъ II 125.
Гелонось, городъ II 125.
Гильдебрандъ Бр. I 80.
Гонцы I 68, 131, II 8; посылаемые монастырями II 8, институтъ гонцовъ II 8.
Гончарное производство I 9, 25, 66.
Городъ; понятіе II 137; городское на-

- селение II 143; городское ремесло I 189; городское право I 108, II 137; предоставленіе гор. пр. II 131; городское хозяйство I 82, 104, II 83 сл., 88, 130, 197; автономія его I 109, 114; характеръ его I 115.
- Города II 171, 176, 181; древніе II 189, 190; средневѣковыя II 171, 190; современные II 193; сооруженные царями II 121; ростъ городовъ II 137, 183; союзы городовъ II 125; городская жизнь I 156; въ древности II 119; въ средніе вѣка II 130; въ настоящее время II 132; городская черта I 172, II 130.
- Города—государства I 120, II 123.
- Городская округа I 114.
- Гостеприимство I 56, 102.
- Государь I 20.
- Государство и общество въ средніе вѣка II 143, 144.
- Государственный кредитъ I 132; государственные рабы I 93; дѣятельность государства воспитательная I 125; государственное хозяйство I 123.
- Государственные учреждения I 123; государственныя функции II 139.
- Грабежъ I 55, 102.
- Гражданинъ I 108.
- Греки I 146, II 123.
- Греція II 130.
- Групповая работа II 57, 96.
- Данцигъ II 136.
- Дань I 55, 70.
- Дареніе I 56.
- Двигатели, небольшіе I 191.
- Движеніе въ города II 134, 136, 178.
- Дворцы II 120.
- Деревенское ремесло I 189.
- Деньги I 60, 99, 103, 115, 129; виды денегъ I 61, 100; употребленіе денегъ I 100; первобытныя деньги I 60.
- Деревенская промышленность I 52, 152.
- Дикіе народы I 7, 33, 37, 140; II 170; ихъ гибель I 73.
- Дифференціація профессій II 100; индивидовъ II 77, 86, 102, 104, 109, 184; городовъ II 132; племень I 52, 62; орудій производства II 78, 79; населенныхъ пунктовъ II 194.
- Должность II 165.
- Домъ, его постройка I 12, 33, 43; домохозяйство I 16, 34, 83, 128, 179; II 86.
- Домашнее полотно I 146; домашнее хозяйство, замкнутое I 82, 160, II 51, 83, 88; его автономія 187, 89; кругъ его явленій I 102.
- Доходъ I 103, 118, 130; распределеніе дохода I 103, II 104.
- Древность I 105, II 50.
- Дрезденъ II 135.
- Дуализмъ I 50.
- Духовенство II 159.
- Духовная жизнь дикарей I 13, 19.
- Душевно-больные II 151.
- Евреи I 117; еврейская община II 159; еврейскіе погромы II 151.
- Египетъ I 148.
- Escouade II 57.
- Еженедѣльные газеты II 21.
- Женева II 187.
- Женщина I 9, 11; женскій трудъ I 28, 40 сл., 44; II 37, 150; женскій вопросъ II 149; женскіе монастыри II 150; женскій языкъ I 32; превращеніе населенія женскаго пола II 149; женскіе цехи II 150; женщины-врачи II 150.
- Жестокость дикарей I 14.
- Жители Меланезіи I 41; Микронезіи I 30; Огненной Земли I 7; Полинезіи I 30, 41, 46, 50; тихоокеанскихъ острововъ I 51, 54, II 50.
- Журналистика II 3.
- Забота, о пропитаніи I 15; о будущемъ I 20.
- Зависимая работа II 53, 95.
- Законодательство социальное I 126.
- Заостренный кусокъ дерева въ видѣ папки I 9, 42.
- Запасы I 17, 37, 44, 71, 103, 130.
- Запрещенныя кушанія I 46.
- Запрещеніе церковью ростовщичества I 103.
- Заработная плата I 102, 119, 148, 162; II 83; теорія заработной платы II 108.
- Зданія общественныя II 129.
- Земельная рента I 102, 119, 130.
- Землевладѣльцы и домовладѣльцы II 163.
- Земледѣліе I 41, 106, 142; II 38, 53, 130, 163; его возникновеніе I, 10, 39; земледѣльцы I 38.

- Земледѣльскія страны I 127.
- Игра I 25 сл.
- Избытокъ производства I 59, 97, 100, 105, 146; II 81.
- Издательство газеты II 24.
- Извѣстія, доставка II 15; публикація II 5, 23; передача II 68; собраніе II 23.
- Императоръ, его личность II 143.
- Имущество I 103, 118, 130; подлежащее обложенію II 162; налоги на имущество I 103, 120, II 160; имущественный штрафъ I 55; имущественное неравенство какъ причина раздѣленія труда II 104 160.
- Индивидуализмъ, хозяйственный I 33.
- Индѣйцы I 17, 18, 21, 25, 29, 41, 46, 53, 57, 68, 142, II 46.
- Индифферентизмъ, дикарей I 13.
- Индусы I 19, 148, 152.
- Исландія I 143.
- Историческія доказательства I 105.
- Историческая школа I 78, 133, 139.
- Исторія промышленности I 139.
- Напиталь I 102, 116, 124, 129, 141, 158, 162; II 107; основной I 160; оборотный I 102; размѣръ капитала I 156, 160.
- Карлики I 11, 63.
- Касты I 64, II 94.
- Категорія, хозяйственная I 78 сл.
- Кельнъ II 189.
- Кенигсбергъ II 136.
- Кетлѣ II 173.
- Кіюко I 65.
- Киркованіе I 42.
- Клубневья растенія тропич. I 42.
- Книгопечатаніе II 19, 22.
- Коллективная плата II 58.
- Кольбергъ I 123.
- Колоната II 99.
- Колонія II 125; греческія II 125, римскія II 126.
- Комбинація II 35, 39, 41.
- Комбинированныя предпріятія I 178.
- Концентрація спроса I 177, 180; измѣненія въ характерѣ спроса I 186.
- Кооперация II 32, 34.
- Корея I 84.
- Коробейничество I 113, 131.
- Корреспонденты II 14; корреспонденція II 14; корреспондентское бюро II 13, 23.
- Кочевники I 39; кочевой образъ жизни II 169.
- Кредитъ I 117, 123, 131; у грековъ I 117; подъ залогъ недвижимостей I 131; кредитныя операціи I 117, 119.
- Крѣпости I 67, 131.
- Крѣпостное право II 59, 96, 99.
- Крѣпостные и крѣпостничество I 88, 93, 146, II 77, 81.
- Крѣпостныя помѣстья I 145, II 81, 99; крѣпостное помѣстное хозяйство I 93.
- Кубу I 7.
- Кузнецы I 49, 64, 65, 151.
- Культурный человекъ I 37; культурные народы I 78.
- Купля-продажа I 116; купцы I 105, 107, 113; право купли, исключительное I 111.
- Кустари I 187.
- Кустарная промышленность I 131, 156 сл., 185; II 40, 48; кустарные районы II 133.
- Лавка I 182, 188, II 39.
- Лавочки I 113.
- Лѣббокъ, Джонъ, I 5, 14.
- Лейпцигъ I 173, 178.
- Лепрозія II 151.
- Либерализмъ I 125.
- Липпертъ I 6, 12.
- Листъ, Фридрихъ I 79, II 31.
- Литургія I 104.
- Лондонъ II 183.
- Лѣтность I 19.
- Лѣсное хозяйство II 38 сл.
- Магазинъ I 180, 187, 189, II 40.
- Маклеры I 112, II 158.
- Малайцы I 41, 46, 51, 54, II 57.
- Мануфактуры и фабрики I 124, 156, 172.
- Марка (Markgenossenschaft) I 96.
- Маркъ К. I 62.
- Массовое производство I 183, II 86; масс. пр. въ древности II 190; массовое передвиженіе II 177.
- Материнская любовь I 15.
- Машина I 159, 191; II 71, 79.
- Мезеръ, Юстусъ II 39.
- Меланхтонъ II 10.
- Мелкое производство I 156, 166; мелкіе промыслы II 138; мелкіе капиталы I 189.
- Мельницы I 150.
- Меркантильная система I 122, 125.
- Металлы, ихъ обработка I 9, 49.

- Методологія I 34, 77, 133.
Метэкі II 126.
Минкопими I 7, 14.
Міровое хозяйство I 126.
Многоженство I 51, II 38.
Мобілізація поземельной собственности II 171.
Могила I 21.
Монетная система I 61.
Мужской трудъ I 11, 27, 32, 44, 144; II 36.
Музыкальный акомпаниментъ I 26, II 56.
Мѣновая цѣнность I 115, 118.
Мѣновое хозяйство I 183.
Мѣрильщики, вѣсовщики I 112.
Мѣры и вѣсы I 96, 112, 114, 123.
Мѣста общественныхъ работъ II 45.
Мясная пища I 9, 30, 40, 44.
Мюнхенъ II 183.
- Наличныя, обмѣнъ на наличныя I 116, наличные запасы I 119.
Народное хозяйство I 77, 80, 82, 121, 128; II 88, 198.
Населеніе средневѣковыхъ городовъ II 143.
Населенные пункты II 194.
Наслѣдственность II 104, 111; при раздѣленіи труда II 102 и слѣд.; понятіе наслѣдственности II 109.
Наслѣдственное держаніе I 116.
Натуральные оброки I 95.
Национальный принцип I 126.
Начальныя стадіи производства I 183, II 52.
Негритосы I 5, 9.
Негры I 13 18 сл., 23, 41, 43, 46, 48, 51, 58, 63 сл., 68, 146, II 46, 50, 56, 81.
News Letters II 17, 18.
„Newe Zeitung“ II 19.
Ниневія II 119.
Novellisten II 16; novellanti II 13; novellistes II 18.
Норвежцы I 143.
Nouvelles à la main II 17 сл.
Нюрнбергъ II 11, 16, 148, 149.
- Обложение I 118 сл., II 161; см. подати, пошлины.
Обмѣнъ I 55, 53, 83; II 81, 84, 85; непосредственный I 82, 104, 115; его возникновение I 55, 56, 58, 98; хозяйство безъ обмѣна I 82; средства обмѣна I 65, 147; правила обмѣна I 57; инстинктъ стремл. къ обмѣну II 74.
Обобществленіе I 128.
- Оборотный капиталъ I 147, 151.
Обособленіе хозяйства I 34.
Обработка вѣщества I 48, 50, 52, 84.
Образцы народного стиля I 143.
Образованіе I 132.
Обращеніе цѣнностей I 82, 102, 115, 141.
Общеніе, половое I 16.
Общественное мнѣніе II 24.
Общественное хозяйство I 67, 70, 119.
Община II 154.
Общинные дома I 29, 33, II 45 сл.
Общность имущества I 55.
Объявленія II 16, 23, 24.
Овеществленіе I 84.
Ограничительныя постановленія II 191.
Одинокое предприятие I 174, 190, II 41.
Однообразіе I 89, II 86.
Озака I 65.
Окружныя и складочныя привилегіи II 130.
Ольденбургъ II 180 сл.
Ойкосное хозяйство I 88 сл.
Оптовая торговля I 113, 124; II 15, 158 сл.
Организація, труда I 90, II 93; общества II, 94.
Ordinari II 15.
Орудія производства I 42, 48; II 58, 78; ихъ распространеніе II 171.
Освѣдомительныя бюро II 13, 18.
Оставленіе на произволь судьбы I 14.
Осѣдность II 169.
Отдѣльныя хозяйства I 96.
Отхожія промыслы I 111, 148, 150, 153, II 84.
Отрасли промышленности, новыя I 110, 123.
Отсутствіе труда I 8, 26.
Отсутствіе хозяйства I 23.
Охота I 9, 11, 44; мѣста для охоты I 17, 24.
Охотничьи племена I 24, 38, 63, 66.
Охрана полей I 42.
- Парижъ II 17.
Пастушескія племена I 38.
Pater familias I 89.
Патриціи II 153.
Первобытное общество I 8; первобытнй челоувѣкъ I 519, 34, 72; первобытное состояніе I 7, 23.
Перевозка товаровъ I 67, 97, 119, 124, 131, 163, II 41, 171, 172.
Переговоры I 59.
Передвиженія населенія I 67, II 134, 169; внѣшнія II 175; внутреннія II 138, 175, 177, 178; периоди-

- чекія II 174; между городами II 189; ихъ классификація II 175, причины II 173.
- Перемѣна моды I 179.
- Перемѣщеніе труда II 71, 106.
- Перемѣнный тактъ II 54 сл.
- Перепись населенія II 131.
- Переселеніе народовъ II 172.
- Переходныя формы I 150.
- Персы II 120.
- Печать II 4.
- Печь I 151.
- Пешель О. I 5, 7, 12.
- Пивоварни I 150.
- Письмо II 4, 8.
- Питаніе I 11.
- Плакать II 7.
- Племенная промышленность I 51, 53, 146; междуплеменные сношенія I 61.
- Плугъ I 41; вспахиваніе поля II 59.
- Пограничныя крѣпости II 132.
- Погребальныя обычаи, какъ препятствіе къ экон. прогр. I 21 сл.
- Подарокъ I 56, 70, 102, 146; отвѣтныи подарокъ I 56 сл.; обычаи связанныя съ дареніемъ I 58.
- Подати I 70 сл., 103, 119, II 161; податныя списки II 131, 146.
- Подвѣсная цыновка I 6.
- Подданство II 132.
- Подражаніе I 25, II 105.
- Подсобный промыселъ I 152, 189, II 41 сл., 186.
- Пожизненныя ренты I 119.
- Полугодовая газета II 21.
- Подмастерья, число I 174, 176, 190 сл.; передвиженія ихъ II 195.
- Поиски пици, индивидуальныя I, 9, 24, 28, 34.
- Покража I 71; полевыхъ плодовъ и скота I 102.
- Покупка невѣсть I 62; ренты I 116.
- Полисъ II 123 сл., 139.
- Политическая экономія I 80.
- Полуфабрикаты II 84; производство полуфабрикатовъ I 183 сл.
- Помочи I 87, 150; II 49, 51, 56.
- Помощь, взаимная II 49.
- Помѣстная организація I 114.
- Прошайничество I 71, 102.
- Порты приморскіе II 125.
- Посредничество II 41.
- Постановленія общія для всей страны I 121.
- Потребитель II 83; въ качествѣ руководителя производства I 150, 179.
- Потребительная цѣнность I 100.
- Потребительный кредитъ I 103, 131.
- Потребленіе I 83; молока I 46; производство для собственнаго потребленія I 82, 102, 146; потребительный обмѣнъ II 84; потребительное хозяйство I 83, 99, 141; потребленіе раздѣльное по полу I 30; его условія II 185; потребительныя единицы I 115, 128, II 82, 84, 86, 189; потребл. пици, запреты I 46.
- Потребность въ пицѣ I 26, 40; добываніе пици I 38; забота о пропитаніи I 16.
- Почва I 83, 104.
- Починка I 190; починое ремесло I 182.
- Почта I 124, 131, II 22; начальникъ почты II 15.
- Пошлина I 70, 123.
- Право I 116.
- Правовая защита I 132.
- Право на чеканку монеты I 114, 121.
- Право обратной покупки I 116.
- Прачешныя заведенія I 151.
- Предварительная уплата I 58.
- Предметы потребленія I 128, 141.
- Предприниматель II 84, 86 сл.; предпринимательская прибыль I 102, 119, 130.
- Предпріятіе I 102, 115, 129, 161.
- Представленіе о цѣнности I 20.
- Преимственность II 33.
- Преимущество I 104.
- Прибавка I 58.
- Привилегіи сбыта I 110, 172.
- Пригородныя мѣстности II 196.
- Прикрѣпленіе II 171.
- Прирость населенія II 135, 194.
- Прирученіе животныхъ I 21, 25, 47.
- Приспособленіе II 58, 69, 76, 93, 104, 111, 183; нравственное и умственное II 112; издѣлій производства I 185, 189.
- Приспособленія для переговоровъ на разстояніи I 68, 69.
- Прожиточный минимумъ не подлежа облож. II 160.
- Примѣн. электрич. энергіи I 191.
- Природа хозяйств. I 3 сл.; природныя качества II 102; природныя богатства I 38.
- Притягательная сила большихъ городовъ II 140.
- Причины раздѣленія труда II 73, 77.
- Пріюты II 150.

- Провинціальніе города; въ римскомъ госуд. II 128; провинціальныя корреспонденціи II 7.
- Производство, на дому I 131, 141, 147, 162; на потребителя I 155, 107, II 106; въ крупныхъ размѣрахъ I 160, II 138, для домашнихъ потребностей I 41.
- Прокаженные II 156.
- Пролетаріи I 89, 93.
- Промыслы I 14, 48, 107, 130, 142, II 38, 107, 130, 138, 164; возникновеніе пром. I 52, 137.
- Промышленное заведеніе I 150, 182; промышл. задачи I 178.
- Промышленные округа I 54, 59; промышл. страны I 127; промышленные пункты I 54; промышленные народы I 64.
- Пропитаніе II 39, 107; источники пропитанія II, 82, 130.
- Производительность II 80, производительный кредитъ I 103, 131 сл.
- Производительная единица I 115, 128, II 82; постоянная II 86; временная II 83.
- Профессія, главная II 43.
- Профессиональные рабочіе I 51; профессіи I 164, количество ихъ II 100; новая профессіи I 163, II 70; образование профессій I 51, 115, 164, II 69, 106; профессиональная дифференціація I 115, 122, II 107, II 157.
- Профессиональные классы, социальные I 102, 195, II 102, 106, 108, 114, 144; профессиональная дѣятельность I 51; професс. типы II 102; распаденіе на профессіи II 67; соединеніе проф. II 42, 157; статистика проф. II 157.
- Процентъ I 102, 118.
- Пруссія II 176.
- Прядильня I 159.
- Пункты сосредоточ. извѣстій II 11.
- Пути сообщенія I 67.
- Пѣніе I 26, II 49, 56.
- Работа** въ компаніи II 45; на дому (Heimwerk) I 148, 150; на заказъ (Lohnwerk) I 110, 114, 130, 147, 152, 190, II 74, 82, 106; скопомъ II, 49, 96; простая II 53; на събытъ (Preiswerk) I 155; по очереди II 55.
- Работы общественныя II 56; дополнительныя II 57.
- Рабочій I 161, II 95; переселеніе рабочихъ II 184, 192; соединеніе рабочихъ II 35.
- Рабы I 66, 88, 90, 92, 145, II 6, 59, 78, 81, 94, 96, 97, 189; рабскій трудъ II 56, съсуда рабами I 98; рабовладѣльческое хозяйство II 128.
- Разграниченіе ремесль II 87.
- Раздѣленіе производства I 114, II 66, 68, 106.
- Раздѣленіе труда I 102, 156, II 29 сл., 35, 63, 80, 100, 155; понятіе II 68 сл.; причины и источникъ II 73 сл., 76 сл.; экономическія послѣдствія II 80; какъ причина обмѣна II 81; роль преемственности II 103, 104; домашнее разд. тр. I 146, II 69, помѣстное разд. тр. I 63; международное р. тр. I 127.
- Разносные торговцы I 113, II 158.
- Раіоны обращенія I 61.
- Рангъ социальный II 104, 108.
- Распредѣленіе населенія II 197.
- Раздѣленіе труда между полами I 11, 28, 31, 40, 44, 50; II 36.
- Распри между цехами II 39, 87.
- Растительная пища I 9, 38, 39, 44.
- Растительность I 17.
- Расчлененіе труда I 159, II 65, 66, 95, 106.
- Рау К. Г. II 34.
- Ребенокъ I 10, 33; его отношеніе къ предметамъ I 4; смертность дѣтей II 148; умерщвленіе дѣтей I 14.
- Редакція II 24.
- Рейло Ф. I 191.
- Ремесло I 110, 115, 130, 137 сл., 153, 155 сл., 165, 171, II 25, 39, 68, 110; ремесленные подмастерья II 196; ремесленники-рабы I 89; ремесленники I 51, II 39, 83, 86 сл., 106; ихъ образованіе I 193.
- Рикардо Д. I 80 сл.
- Риль В. Г. II 103.
- Римляне I 89, 145, 149, II 5, 81, 98 рода Римской Имперіи II 126 сл.
- Римъ II 127, 130.
- Рискъ потребителя I 152.
- Ритмическія работы II 54 сл.
- Ритмъ I 26, II 54.
- Робинзонада I 5.
- Родбертусъ К. I 88, 134.
- Родъ I 51, 145; родовой строй I 31, 85.
- Россія I 149, 156, II 48.

Ростокъ II 149.
 Рота II 57.
 Рошеръ В. II 30.
 Руководительство производствомъ II 83.
 Румынія I 143, 147.
 Ручной трудъ I 177.
 Рыболовы I 38; рыболовство I 11, 45; рыболовы-кочевники I 48 сл.
 Рынокъ I 53, 59, 64, 99, 105, II 164; национальный и международный II 138; производство для рынка I 155.
 Рыночный миръ I 107; рыночный сборъ I 70; рыночная торговля I 131; рыночное право I 109; рыночный обменъ II 81.
 Рынки еженедельные I 146, II 81.
 Свобода промышленности I 175, 180, II 39, 134.
 Свѣтелка II 45, 47, 48.
 Сдѣльная плата II 58.
 Селенія I 43.
 Сельское население II 171 сл.; сельскія общины II 129, 137, 178; сельскіе города II 137.
 Семейная организація I 10, 44, 129.
 Семья, малая I 86.
 Семья, родовитыя II 154.
 Символическій языкъ I 69.
 Сименсъ В. I 191.
 Симмахія см. союзы городовъ.
 Синойкизмъ II 123, 135.
 Складочное право I 111.
 Скотоводство I 41, 46.
 Служба, городская II 157.
 Слѣпыя II 152.
 Смигъ А. I 80, 81, 125, 137; II 64, 74, 80.
 Собственность I 17, 21, 56; общинная I 45, 86.
 Соединеніе производительныхъ силъ II 33.
 Соединеніе труда II 29, 31, 35 сл., 158; его размѣры II 41.
 Соединенные Штаты II 135.
 Соль I 40.
 Сословіе I 115, возникновеніе сословій II 106; передвиженіе сосл. II 172.
 Сосѣди I 150, II 49.
 Сотрудничество I 45, II 35 сл., 44, 51, 96; временное I 87.
 Спенсеръ Г. I 13.
 Специализація I 95, II 39, 67, 77, 78, 106; рабочихъ II 87.
 Списки гражданъ II 131, 146.
 Способности II 76. 101 и слѣд.

Страхование I 124.
 Ступени развитія хоз. I 79.
 Суданъ I 51, 58, 148; 122.
 Судостроеніе I 67.
 Суконщики I 113.
 Суженіе области производства I 182.
 Сырые матеріалы, новые I 185.
 Сѣвооборотъ I 42.
 Таксы I 110, 154.
 Тактъ простой II 54 сл.
 Телеграфныя агентства II 23.
 Теорія обмена I 80.
 Территориальное хозяйство I 121, 126;
 Техника производства I 55.
 Техника, успѣхи ея I 11, 20; нецивилизованныхъ народовъ I 45, 49, 73; промышленная I 142.
 Тимбукту II 122.
 Товаръ I 102; годный къ употребленію I 188; въ качествѣ капитала I 158; производство товаровъ I 82.
 Торговля I 54, 65, 99, 105, 109, 112, 119, 124, 131, 184, 187, 189; II 13, 40 сл., 85, 107, 158; теорія торговаго баланса I 125; торговья путешествія I 54; торговый флотъ I 124; торговый капиталъ II 86, торговые народы I 64 сл.
 Торговое право I 101, 118.
 Торговля розничная I 112, 114; II 158.
 Трапеза I 18; раздѣльная I 29 сл.
 Тропическія фруктовыя деревья I 42.
 Трудоспособность II 35.
 Трудъ первобытнаго человѣка I 18, 25, 48; въ замкнутомъ домашнемъ хозяйствѣ I 129; автоматическій II 76; въ компаніи II 96; умственный II 79; ритмическій II 53; производительность труда II 99.
 Труппа II 57.
 Тюнень I. Г. I 81.
 Умерщвленіе дѣтей I 14, стариковъ I 15.
 Универсальные магазины II 40.
 Университетъ II 9; гонцы, посылаемые университетами II 8.
 Употребленіе огня I 5, 24; сигнализація посредствомъ огня I 70.
 Урбанизація II 123, 135.
 Управленіе городское II 139.
 Уроженцы страны II 180; количество ихъ II 181.
 Усыновленіе I 14.
 Ута I 101.
 Ученики I 174, 175, 186.

Фабрика новостей II 26.
Фабрика I 124, 130, 156 сл., 172, 181, II 86; фабричные рабочие II 196; класс фабрикантов II 106; фабричные округа II 133.
Familia rustica, urbana I 90.
Фараоны II 120.
Фергюсонъ А. II 63, 101.
Формы промышленности I 131, 138, 141; торговли I 131, II 40; газетнаго дѣла II 26; борьба между формами пром. I 163, 193.
Физиократы I 125.
Франкфуртъ на Майнѣ II 146 сл., 192, 195.
Франція II 22, 188.
Фрейбургъ (Швейц.) II 148.
Фунтовая пошлина I 118.
Хозяинъ, хозяйка I 27.
Хозяйство I 16, 27; раздѣленіе по полу I 30; хоз. основанное на раздѣленіи труда II 80, 84.
Хозяйничаніе, нормальное I 132, 137, 138.
Хозяйственность I 3, II 49, 69, 75; соединеніе профессій II 42.
Хозяйственный округъ, городской I 108, 114.
Хозяйственная ступень I 38, 79, 82, 132.
Храмы II 120.
Художественная промышленность I 26, 142 сл., 190.
Цезарь II 5 сл.
Центры, гордскіе II 124.
Централизація политическая I 121, 122.
Цеховой строй I 172, 175, 193, II 39, 87, 154.

Циркуляръ II 4.
Цѣна I 102; помѣщеній I 187.
Цѣнности I 163.
Чиновничество II 132.
Численность населенія: Ниневіи II 119; Аѳинъ II 126, Рима II 127, средне-вѣковыхъ городовъ II 131, 145, современныхъ городовъ II 133 с.
Чувство общности II 102.
Чума II 146, 151.
Швейцарія II 176.
Швеція I 147.
Шеффлѣ II 111.
Шмоллеръ II 104.
Шотландія, сѣверная I 143.
Штирія I 149.
Эгоизмъ дикарей I 14, 20
Экономическая теорія I 79; принципъ I 3, 24, 27; исторія I 78.
Экономія расходовъ II 78, 80.
Электротехника I 164, 191.
Эмиграція II 175, 178.
Энгельсъ Ф. I 6.
Эпидеміи душевныя II 151.
Этнографія I 34.
Эты I 7.
Явленія мѣноваго характера I 97.
Японія I 147, 148.
Ярмарка I 124, II 22; ярмарочная торговля I 113; ярмарочныя извѣстія II 27.
Южные славяне I 143, 147, II 49.
Эивы II 120.

О Г Л А В Л Е Н І Е .

	СТРАН.
VI. Зачатки періодической печати	1
VII. Соединеніе труда и сотрудничество	27
VIII. Раздѣленіе труда	61
IX. Организациа труда и образованіе общественныхъ классовъ	91
X. Типы большихъ городовъ на протяженіи пяти тысячелѣтій	117
XI. Соціальный строй средневѣковаго города	141
XII. Внутреннія передвиженія и города въ ихъ культурно-историческомъ значеніи	167
Указатель къ обоимъ выпускамъ	199
